

Библиотека историка

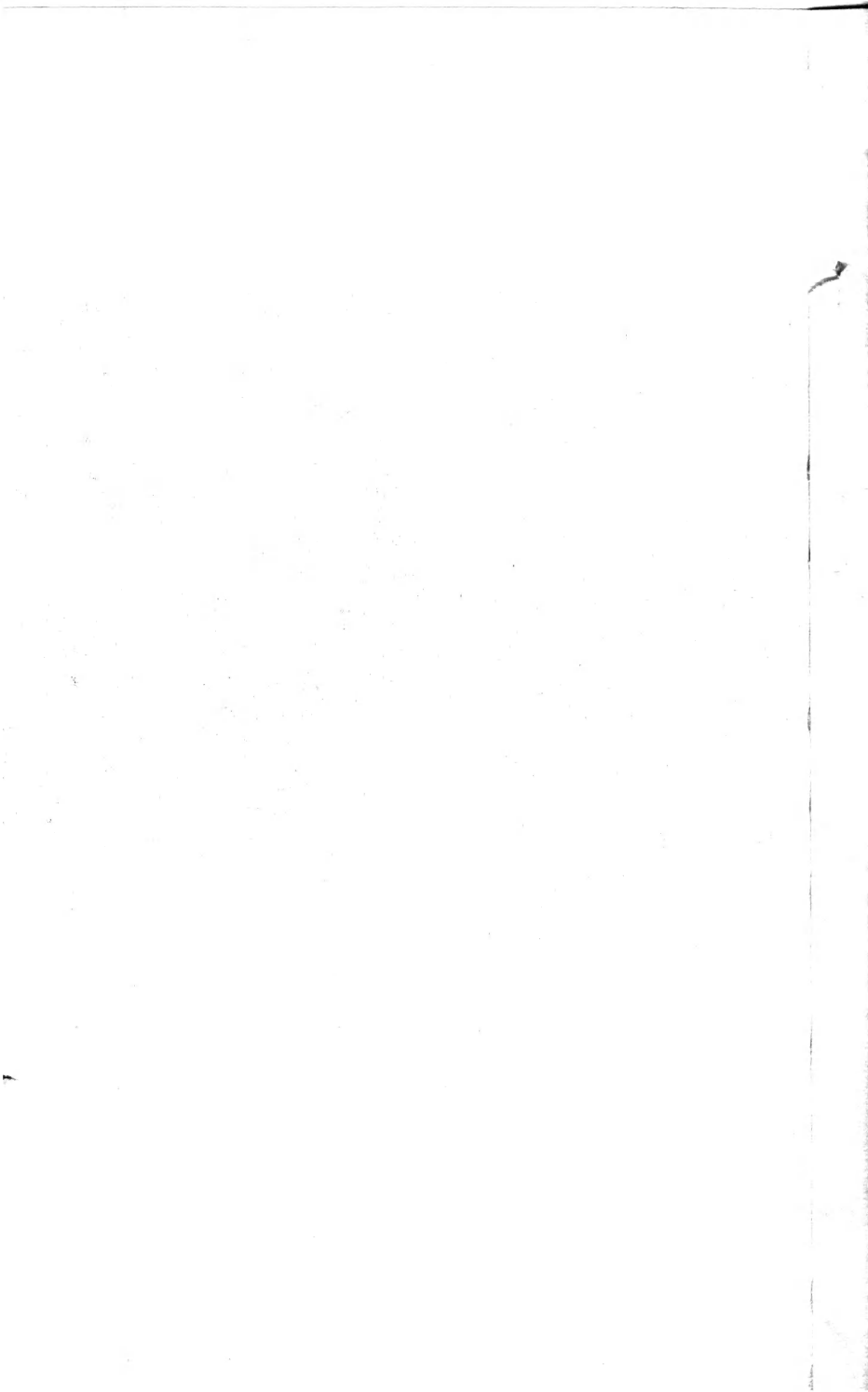

О. В. Волобуев

**Идейно-
теоретическая
борьба по вопросам
истории революции
1905-1907 гг.**

ВЫСШАЯ ШКОЛА • 1984

Библиотека историка

О. В. Волобуев

**Идейно-
теоретическая
борьба по вопросам
истории революции
1905-1907 гг.**

Москва • Высшая школа • 1984

ББК 63.3(2)522
В68

Рецензенты:

кафедра истории СССР Калининского государственного университета (зав. кафедрой проф. В. В. Комин); проф. А. В. Ушаков (Московский государственный заочный педагогический институт)

*Рекомендовано к изданию
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР*

Волобуев О. В.

В68 Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг.: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «История». — М.: Высш. шк., 1984. — 159 с. — (Б-ка историка).

30 к.

В пособии прослеживается формирование и развитие ленинской концепции истории революции 1905—1907 гг. в дооктябрьской большевистской литературе. Автором рассматривается борьба по вопросам гегемонии пролетариата в первой российской революции, борьба большевиков против меньшевистских и народнических взглядов на роль крестьянства в революции, раскрыто историческое значение революции 1905—1907 гг. как генеральной репетиции Великого Октября.

0505020000—304
В ————— 35—84
001(01) — 84

ББК 63.3(2)522
9(С)173

ВВЕДЕНИЕ

В постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 гг. в России» отмечается значение изучения опыта первой народной революции эпохи империализма. К числу актуальных вопросов ее истории и историографии относится идейно-теоретическая борьба В. И. Ленина и большевиков с либерально-буржуазными и мелкобуржуазными течениями общественно-политической мысли за творческое марксистское осмысление опыта 1905—1907 гг.

Еще в книге «Что делать?» В. И. Ленин указывал: «Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу*»¹. Без успешного ведения теоретической борьбы с противниками большевизма невозможна была идейная победа в политическом воспитании пролетариата, осуществлении его гегемонии, мобилизации масс на решение революционных задач.

Оценивая уроки революционного движения в России, Ленин всегда имел в виду как опыт 1917 г., так и опыт 1905—1907 гг. К числу этих уроков он относил приобретенный всемирно-историческое значение опыт идейной и политической борьбы большевиков с либерально-буржуазными и мелкобуржуазными партиями. Разъяснению этого урока посвящены многие страницы «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и других ленинских работ².

В классовых боях 1905—1907 гг. проходили первую практическую проверку теоретические, программные и тактические взгляды политических партий России. И начавшаяся еще в ходе революции идейно-теоретическая борьба, связанная с пониманием ее событий, опыта и уроков, не ослабевала вплоть до свержения царизма.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

² См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 6; т. 41, с. 8—10, 14—15, 56; и др.

Отмечая размах этой борьбы, В. И. Ленин писал: «Теперь все и каждый говорит об усвоении и критической проверке опыта революции. Говорят об этом социалисты и либералы. Говорят оппортунисты и революционные социал-демократы»³.

На протяжении всего дооктябрьского периода идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг. выдвигалась на первый план в общественно-политической жизни России в связи с определением революционных перспектив страны и выработкой стратегии и тактики всеми политическими партиями. История революции 1905—1907 гг. была специфическим оселком для выявления глубоких различий между основными направлениями общественной мысли не только в отношении к прошлому, но и к будущему (оценка революционной и эволюционной альтернативы, возможности и характера второй революции).

Опыт и уроки революции 1905—1907 гг. сохранили свое значение на современном этапе идеологической борьбы. С одной стороны, эта борьба глубоко затрагивает историю революционного движения в России, которая подвергается разнообразной фальсификации. Зарубежные советологи при этом широко обращаются к идеям и оценкам, высказывавшимся в свое время либералами, меньшевиками, эсерами. С другой стороны, многие проблемы, являвшиеся предметом теоретической полемики в дооктябрьский период (гегемония пролетариата, союз рабочего класса и крестьянства, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую и др.) не потеряли своей актуальности и по сей день.

Научная обоснованность политического курса большевиков, приведших рабочий класс России к победоносной социалистической революции, соответствие этого курса объективному ходу исторического развития страны на протяжении всех трех революций подвергается непрерывным «опровержениям» в современной буржуазной историографии. Успехи большевиков, как правило, объясняются выдающимися качествами Ленина как исключительно талантливого организатора и тактика, а неудачи их политических противников — слабостями лидеров других партий, допускаящих многочисленные тактические промахи, из которых сложилась цепь «роковых

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 41.

ошибок». Таким образом, революционная практика большевистской партии отрывается от ее теоретических основ, заложенных Марксом и Энгельсом и развитых в новых исторических условиях Лениным. Более того, в современной буржуазной литературе можно встретить прямые заявления об ошибочности и пагубности ленинской теории «развития революционного процесса» применительно к событиям 1905—1907 гг.⁴ Показательно, что, воспроизводя меньшевистские характеристики рабочего движения и большевизма, авторы работ о меньшевистской партии и ее лидерах пытаются уверить в том, что будто не Ленин, а Аксельрод, Мартов, Плеханов, Церетели были истинными носителями марксистских идей в России. Аттестуя меньшевистских лидеров как ортодоксальных марксистов, современные апологеты меньшевизма обвиняют Ленина в отходе от марксизма в сторону волюнтаристского истолкования революционных перспектив в России⁵. По странной логике фальсификаторов получается, будто гибельный закономерный финал лидеров российского оппортунизма «символизирует поражение ортодоксальных марксистских взглядов»⁶.

История партий меньшевиков, эсеров, кадетов, октябристов рассматривается современными буржуазными советологами с точки зрения вероятности осуществления альтернативных политических и социальных программ в России. Буржуазных авторов интересует прежде всего то, в какой мере либеральные и «умеренно-социалистические» партии могли предложить реальные альтернативы большевизму. В зависимости от своих политических симпатий одни авторы подсчитывают возможности, упущенные «либеральной демократией», другие — возможности, упущенные «демократическим социализмом». Отрицая идейное банкротство непролетарских

⁴ См.: *Ruffmann K.-H.* Sowjetrussland. Struktur und Entfaltung einer Weltmacht. München, 1971, S. 39.

⁵ См.: *Baran S.* Plekhanov. The Father of Russian Marxism. Stanford, 1963; *Getzler J.* Martov. Melbourne, 1967; *Ascher A.* Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge (Mass.), 1972; *Roobol W.* Tsereteli: A Democrat in the Russian Revolution. Amsterdam, 1976.

⁶ *Baran S.* Op. cit., p. 224. О буржуазной историографии меньшевизма см.: *Романовский Н. В.* Критика буржуазной историографии борьбы большевиков против меньшевизма. — В кн.: Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979.

партий, буржуазные историки берут за основу тезис о «случайности победы большевистской концепции» в ряду многих иных альтернатив⁷.

Как меньшевики, так и эсеры изображаются «жертвами» большевиков, стремившихся к уничтожению своих политических конкурентов. Повторяются утверждения самих эсеров о том, что они являлись партией всех трудящихся — рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Обеляется позиция эсеров, отказавшихся в 1917 г. от немедленного и решительного осуществления программы социализации земли, а большевики обвиняются в «похищении» эсеровской аграрной программы⁸. Ж. Бенак даже утверждает, что большевики не успокоились, пока не расправились с социалистами-революционерами и не «вытравили из памяти» народа «альтернативу, которую представляли эсеры»⁹.

Особенно удручает советологов крушение либеральной альтернативы, которая, по их мнению, могла бы создать наиболее благоприятные условия для модернизации России. Идеи либерализма квалифицируются как высшие духовные ценности человеческой цивилизации, а виднейшие представители русского либерализма рисуются благородными защитниками «общенародных интересов» и выразителями самых передовых взглядов в России¹⁰. Как и их герои в прошлом, современные буржуазные историки либерализма подчеркивают его якобы внеклассовый характер, а неудачи «либеральной демократии» связывают в первую очередь с неподготовленностью общества к восприятию идеалов «западного кон-

⁷ См.: *Rauch G.* Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969, S. 1—2.

⁸ Подробнее см.: *Петров А. П.* Критика фальсификации аграрно-крестьянского вопроса в трех русских революциях. М., 1977, гл. IV; *Ильяшук Г. И.* История партии эсеров в современной французской буржуазной историографии. — В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982; *Канищева Н. И.* Буржуазные историки ФРГ о крахе партии эсеров в 1917 г. — Там же.

⁹ *Baynac J.* Les socialistes-révolutionnaires de mars 1881 a mars 1917. Paris, 1979, p. 12.

¹⁰ См.: *Esseys on Russian Liberalism.* Univ. of Missouri Press, 1972; *Putnam G.* Russian Alternatives to Marxism. Knoxville 1977; *Pipes R.* Struve. Liberal on the Right. 1905—1944. Cambr. (Mass.), L., 1980.

ституционализма», с «темнотой» и «невожеством» народных масс¹¹.

Сравнительно-историографический анализ ленинской концепции истории первой российской революции, с одной стороны, и концепций меньшевиков, эсеров и кадетов — с другой, опровергает культивируемые в современной буржуазной «советологии» мифы о «жизненности» тех или иных альтернатив большевизму. С полным основанием можно сказать, что идейно-теоретическая борьба по вопросам революционного движения в России, уходящая своими истоками к началу века, продолжается и в настоящее время, превращая историографические сюжеты в идеологически злободневные проблемы.

Трудно переоценить значение для мирового революционного процесса XX века вопросов, впервые практически и теоретически поставленных революцией 1905—1907 гг. Это и гегемония пролетариата в демократических революциях, и массовая революционная стачка с ее перерастанием в вооруженное восстание, и тактика «левого блока», и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, и Советы как органы новой власти, и ряд других вопросов.

Исходная методологическая установка при изучении проблемы — марксистско-ленинское понимание социальных функций исторической науки, ее связи с современностью, роли исторических знаний в политической борьбе, в обосновании партийных программ, в формировании идеологии. Существенные сдвиги в понимании хода исторического развития и его перспектив чаще всего связаны с социально-политическими переменами и обострением идеологической борьбы в обществе, с классовыми конфликтами, выдвижением альтернативных политических программ, с революциями. В этих случаях особенно явственно проступает связь истории с современностью. С одной стороны, исторические аргументы и историческая оценка современности широко используются как средство воздействия на политическое сознание партий,

¹¹ Подробнее см.: *Думова Н. Г.* Русский либерализм в освещении новейшей буржуазной историографии. — В кн.: *Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. О взглядах на «либеральную альтернативу» в 1905—1907 гг.* см.: *Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций.* М., 1983, с. 63—72.

классов, масс. С другой стороны, ошутимее сказывается влияние современности на состояние исторической науки, представители которой принимают активное участие в историческом обосновании политических программ и лозунгов, стратегии и тактики политических партий. В силу этого идеологическая борьба в бурные периоды общественной жизни всегда выступает и в «историографическом обликии». Как подчеркивала академик М. В. Нечкина, идеологическая борьба «может быть рассмотрена не в целом и не вообще, а в плане историографии. Для этого ей надо преломиться в историографических фактах, проявиться в них»¹². Именно в данном аспекте нами и рассматривается борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг.

Книга написана с учетом достижений советской историографии, но, к сожалению, ограниченный объем не представляет возможности дать характеристику всех этих достижений. Отметим поэтому только наиболее важные для нас моменты.

Благодаря исследованиям Н. Н. Яковлева и других авторов¹³ тема «Ленин как историк первой русской революции» приобрела историографическую определенность: в центре внимания оказалась не просто сумма ленинских оценок тех или иных событий 1905—1907 гг., а их взаимосвязь в исследовательской проблематике ленинских произведений. Ленинские работы о первой российской революции в их совокупности составили, как показали историографы, полноценную историю этой революции, в которой с позиций исторического материализма раскрывались ее закономерности, периодизация, узловые моменты, особенности, уроки и т. д. Заметим, что ленинские выводы и оценки покоились на огромном

¹² История СССР, 1962, № 2, с. 63.

¹³ См.: Яковлев Н. Н. В. И. Ленин как историк первой русской революции. — История и историки. Историографический ежегодник. 1970. М., 1972; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 гг.). М., 1975; Иванова Н. А. В. И. Ленин о революционной массовой стачке в России. М., 1976; Первая русская революция — генеральная репетиция Великого Октября. Тбилиси, 1977; Наумов В. П. К вопросу о ленинской концепции истории российских революций. — История СССР, 1980, № 6; Чиковани А. Ю. Ленинская концепция первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.). М., 1981; и др.

фактическом материале. Ленин проанализировал массу официальных документов, документы всех политических партий и организаций, статистические данные, разнообразную литературу, текущую прессу.

Обобщение и анализ опыта революции 1905—1907 гг. В. И. Лениным, теоретическое, методологическое и историографическое значение этой стороны ленинского наследия отражены в многочисленных работах советских историков. В этих работах рассматривались различные аспекты ленинского наследия: революция 1905—1907 гг. — качественно новое звено в общелитературной цепи буржуазно-демократических революций, значение этой революции с точки зрения социалистической перспективы, пути и этапы развития революции, пути и формы революционной борьбы, стратегические уроки революции 1905—1907 гг. и т. д.¹⁴

Для современной историографии ленинской критики меньшевистской концепции истории революции 1905—1907 гг. характерна весьма разнообразная тематика работ, в которых рассматривается этот вопрос. В литературе о борьбе В. И. Ленина и большевиков против тактической линии меньшевиков уделяется известное место критике меньшевистских взглядов на движущие силы и на развитие революции, но эти исследовательские сюжеты не являются ведущими в содержании работ¹⁵. Наибольшее историографическое значение с точки зре-

¹⁴ См.: *Левинтов Н. Г.* В. И. Ленин и некоторые вопросы революции 1905—1907 гг. — Вопросы истории КПСС, 1971, № 8; *Маслов Н. Н.* Ленин как историк партии. Л., 1969; *Персов М. С.* Обобщение и использование исторического опыта в работах В. И. Ленина. Саратов, 1970; *Алуф М. А.* В. И. Ленин о соотношении демократических и социалистических задач пролетариата в революции 1905—1907 гг. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 6; Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978; *Тютюкин С. В.* Международное значение революции 1905—1907 годов: ленинская концепция и историография проблемы. — История СССР, 1980, № 6; Ленин и революция. 1905 год. Л., 1980; и др.

¹⁵ См.: *Косульников А. П.* Критика В. И. Лениным оппортунистической тактики меньшевиков в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. — В кн.: Из истории борьбы ленинской партии против оппортунизма. М., 1966; *Агеев В. А.* Борьба В. И. Ленина против позиции меньшевиков по вопросу об отношении РСДРП к буржуазным партиям в годы первой русской революции. — Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, 1970, № 342; *Бабаева Н. П.* Ленинская тактика «левого блока» в революции 1905—1907 гг. Л., 1977; и др.

ния проблематики данного учебного пособия приобретают те работы, в которых ленинская борьба с меньшевистской концепцией революции 1905—1907 гг. в целом или с ее отдельными компонентами формулируется как предмет исследования ¹⁶.

Значительным достижением советской исторической науки является выход трудов, обобщающих исторический опыт борьбы большевиков против идеологии и политики реформизма в российском рабочем движении ¹⁷.

Таким образом, советскими историками проделана значительная и плодотворная работа по изучению ленинской критики меньшевистских взглядов на историю первой российской революции. Однако внимание исследователей не обращалось в должной степени на источниковедческую основу ленинской критики меньшевистской концепции революции 1905—1907 гг. Нет обстоятельного разбора на основе ленинских оценок таких коллективных меньшевистских изданий, как «Общественное движение в России в начале XX века» и «Борьба общественных сил в русской революции». В имеющихся работах далеко не использовано все богатство ленинской критики меньшевистских взглядов, и в этом отношении ленинское наследие нуждается в дальнейшем изучении. Недостаточно освещены и отдельные аспекты ленинской критики оппортунистической концепции первой российской революции. В числе их, например, можно указать такие важные для темы вопросы, как соотношение классов и политических партий России, социальная основа партий и классовая сущность их программ и тактики, место партий в расстановке классовых сил в 1905—1907 гг.

В 70-е годы советская историография обогатилась рядом интересных исследований, в которых рассматри-

¹⁶ См.: Маслова А. Т. Разоблачение В. И. Лениным меньшевистской концепции движущих сил революции 1905—1907 гг. — Вопросы истории КПСС, 1965, № 1; Тропин В. А., Чиковани А. Ю. Критика В. И. Лениным меньшевистской фальсификации гегемонии пролетариата в революции 1905—1907 гг. — История СССР, 1976, № 5; Волобуев О. В. Критика В. И. Лениным меньшевистских взглядов на роль классов в революции 1905—1907 годов. — В кн.: Вопросы тактического и организационного руководства партии большевиков в период трех революций. М. 1980; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1980; Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. М., 1981; и др.

¹⁷ См.: Большевизм и реформизм. М., 1973 и др.

валось формирование идеологии неонародничества¹⁸. В них были проанализированы народническо-эсеровские представления о развитии капитализма в России, социальной структуре русского общества на рубеже XIX—XX вв., путях некапиталистической эволюции крестьянского хозяйства, задачах освободительного движения и методах политической борьбы. В круг изучаемой проблематики была включена и эсеровская социология революции. При этом в центре внимания всех авторов оказалась оценка эсерами характера движущих сил и перспектив революции в России, хотя в каждой работе выделились свои акценты. Так, В. Н. Гинев рассматривает эсеровское определение характера предстоящей революции, формулировавшееся главным образом в газете «Революционная Россия». У Б. В. Леванова акцент сделан на ленинскую критику субъективно-социологических взглядов эсеров на русскую революцию. В статье Г. Д. Алексеевой главное — крах эсеровской концепции революции в 1917 г. Взгляды эсеров-максималистов на революцию в России обстоятельно разобраны в посвященной этой левоэсеровской группе книге А. Ф. Жукова¹⁹. Однако в вышеназванных работах социологические взгляды эсеров не связываются в должной мере с их пониманием конкретной истории первой российской революции.

Все еще в незначительной степени разработан вопрос о либеральной историографии революции 1905—1907 гг. Конечно, оценки либералами тех или иных событий, например манифеста 17 октября или значения Государственной думы, приводятся в книгах, посвященных истории первой российской революции и либеральному движе-

¹⁸ См.: *Леонов М. И.* Из истории образования партии эсеров. — В кн.: Вопросы истории СССР. М., 1972; *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972; *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М., 1975, гл. 1; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977, гл. 1; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979, гл. 1.

¹⁹ См.: *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974; *Алексеева Г. Д.* Крах эсеровской концепции революции. — В кн.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны; *Жуков А. Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979.

нию, однако специальных работ по теме почти нет²⁰. Взгляды Милюкова, Кизеветтера, Герье и других буржуазных историков на революцию 1905—1907 гг. анализируются всего в нескольких статьях²¹.

Важным источником для понимания сущности идейно-теоретической борьбы, связанной с различными оценками событий и опыта 1905—1907 гг., являются материалы съездов и конференций политических партий. В острых дискуссиях, характерных для них, вырабатывались и уточнялись те идейно-теоретические установки, которые затем развивались в партийной публицистике. Особое значение для понимания идейной борьбы большевиков с меньшевиками и другими политическими противниками имеют протоколы III, IV и V съездов РСДРП.

Ленинская концепция истории первой российской революции рождалась и оттачивалась в противоборстве с либерально-буржуазной и ревизионистской фальсификацией истории революции 1905—1907 гг. Это придает многим работам В. И. Ленина полемически заостренную форму. «... Нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически...»²², — подчеркивал Ленин. В ряде ленинских работ тема критики либерально-буржуазных и мелкобуржуазных взглядов является ведущей. Вождь большевистской партии внимательно изучал весь комплекс литературы политических противников: статьи идеологов либерализма, народничества, меньшевизма в газетах, журналах, персональных и коллективных сборниках, политические брошюры, публикации их речей и выступлений, труды по вопросам экономики, социологии, истории и т. д. Ленин критически проанализировал все основные оценки революции 1905—1907 гг., характерные для представителей различных направлений русской общественно-политической мысли.

²⁰ См.: *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977, с. 57—87. Имеется и специальный курс лекций, посвященный непростетарским партиям [см.: *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Ч. I (1900—1917 гг.). Калинин, 1970].

²¹ См. *Волобуев О. В.* Революция 1905—1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков. — Исторические записки. М., 1978, т. 102; *Черемешский Е. Д.* I и II Государственные думы. Историко-графический очерк. — В кн.: Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции.

²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 66.

Ленинские произведения, посвященные революции 1905—1907 гг., являясь многоплановыми, включают в себя ряд элементов, взаимопереплетающихся и взаимосвязанных. Их выделение зависит от целей, поставленных исследователем, обращающимся к ленинскому наследию. В историографическом плане в ленинском наследии можно выделить несколько аспектов: во-первых, элементы исторического исследования; во-вторых, элементы историографического исследования; в-третьих, использование исторического опыта для развития теории революции; в-четвертых, использование исторических и историографических выводов и оценок в политической борьбе.

Развитие В. И. Лениным теории марксизма, стратегии и тактики рабочего класса и его партии опиралось на обобщение и использование исторического опыта, в первую очередь опыта трех революций в России. Ленин как революционер и политический публицист неотделим от историка. Исторический подход к современности, при котором она выступает как составная часть истории, был в высшей степени присущ Ленину.

Предлагаемая вниманию читателей (в первую очередь будущих специалистов-историков) книга призвана раскрыть значение ленинской концепции истории революции 1905—1907 гг. как вклада в марксистскую теорию революции и как орудия борьбы с либеральной, народнической и меньшевистской интерпретацией революционного движения начала XX века в России.

В книге раскрываются главные направления идейно-теоретической борьбы по вопросам истории первой российской революции. Вместе с тем дается представление о ленинской концепции истории первой российской революции в единстве ее теоретических основ и конкретных оценок событий 1905—1907 гг. На основе ленинских методологических принципов в книге критически проанализированы меньшевистские, народнические и либеральные концепции. При этом выявлена их политическая направленность и теоретическая несостоятельность, что подтверждается приводимыми в книге цитатами из произведений самих представителей либерально-буржуазных и мелкобуржуазных партий. Логически и композиционно книга завершается главой, в которой рассматривается банкротство либеральных, народнических и меньшевистских идей в 1917 г.

1. НОВЫЙ ТИП РЕВОЛЮЦИИ,
ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Обоснование В. И. Лениным нового типа буржуазно-демократической революции. Два с половиной года — с января 1905 по июнь 1907 — бушевали над Российской империей революционные грозы. Грандиозные, невиданные раньше по масштабам и накалу политической страстности, стачки рабочих (в Октябрьской политической всероссийской стачке 1905 г. число бастовавших достигало 2 млн. человек); крестьянское движение, охватившее свыше половины всех уездов губерний и областей европейской части России и Кавказа (18 тыс. крестьянских выступлений за период революции); Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. в Москве и восстания моряков на броненосце «Потемкин» и в Севастополе были предвестниками крушения трехсотлетней империи Романовых. Это тогда было ясно многим. Но нужен был гениальный ленинский ум, чтобы увидеть в событиях 1905—1907 гг. начало нового периода всемирной истории, периода политических потрясений и революционных бурь, которые через каких-нибудь десять лет (мгновение на временной шкале истории!) приведут к победе пролетарской революции на $\frac{1}{6}$ части суши земного шара. Ученый и вождь российского пролетариата на опыте 1905—1907 гг. продолжил развитие марксистской теории революции.

Ленинская концепция революции 1905—1907 гг. явилась выдающимся вкладом в революционную марксистскую теорию. Выделение В. И. Лениным нового типа буржуазно-демократической революции, разработка им стратегии и тактики пролетарской партии в такой революции, раскрытие перспектив перерастания ее в революцию социалистическую можно с полным основанием отнести к замечательным достижениям марксистской мысли.

В. И. Ленин проанализировал и обобщил опыт одной из великих народных революций. Великой он называл революцию 1905—1907 гг. неоднократно, начиная с марта 1905 г. и кончая последним упоминанием о «великой и могучей» революции в «Письме немецким коммунистам» в августе 1921 г.¹

Ленинская концепция демократической революции нового типа возникала непосредственно в ходе классов-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 306; т. 44, с. 94.

вых битв 1905—1907 гг. Анализ текущих событий, осмысление накапливающегося опыта революционных боев вели к историческим обобщениям, из которых складывалась концепция. Дальнейшее ее формирование, углубление и уточнение ее положений происходило на всем протяжении межреволюционного периода и получило к 1917 г. свое выражение в «Докладе о революции 1905 года». Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции дали возможность полностью оценить значение боев 1905—1907 гг. для победы в 1917 г.

Предвидение Лениным революции основывалось на глубоком анализе социально-экономического развития пореформенной России, на раскрытии присущих этому развитию противоречий, на внимательном изучении рабочего движения. Классовая борьба ведет Россию к буржуазной революции — к такому заключению он пришел в написанной буквально накануне январских событий 1905 г. статье «Самодержавие и пролетариат». Буржуазного характера наступающей революции не видят ни либералы-освободенцы, ни эсеры, так как «...все старые русские социалисты, все деятели типа освободителей совершенно игнорировали и игнорируют глубину классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности»².

Творчески развивая марксистскую теорию применительно к новым историческим условиям, В. И. Ленин обосновал положение о том, что 1905—1907 годы в России явили миру новый (особый) тип буржуазно-демократической революции, отличный от буржуазных революций, происходивших в прошлом. Это было обусловлено в первую очередь объективными изменениями в обстановке и соотношении классовых сил «...в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России»³. К началу XX в. царская Россия стала узловым пунктом противоречий всей системы империализма, ее наиболее слабым звеном. Классовые противоречия в России носили более острый характер, нежели в Западной Европе в период, когда в ней происходили буржуазные революции.

И большевики и меньшевики признавали, что революция 1905—1907 гг. по своему социально-экономиче-

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 132.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

скому содержанию является буржуазной. Дело заключалось, однако, в том, как конкретизировалось общее понятие «буржуазная революция», как исторически обосновывался тип революции 1905—1907 гг. «... Понятие буржуазной революции недостаточно еще определяет те силы, которые могут одержать победу в такой революции»⁴, — указывал Ленин. Согласно догматическим воззрениям меньшевиков в центре революции должна стоять буржуазия. И даже если последняя не подготовлена к своей ведущей роли, не хочет ее выполнять, ни один другой класс заменить ее не сможет. Такова, дескать, объективная закономерность буржуазной революции. Если для догматически мыслящих меньшевиков характер революции 1905—1907 гг. как буржуазной всецело определял историческую неизбежность участия в ней либеральной буржуазии в качестве движущей силы и будущего субъекта власти, то для В. И. Ленина в создании концепции революции нового типа исходным рубежом была констатация иной по сравнению с Западной Европой XVIII — первой половины XIX в. расстановки классовых сил в новую историческую эпоху. Меньшевики шли от «образцов», данных западноевропейскими буржуазными революциями (чем они даже гордились, подчеркивая свою «ортодоксальность»); Ленин шел от анализа конкретной исторической действительности России конца XIX — начала XX в.

Уже в ленинских работах на рубеже двух веков были выдвинуты идеи о гегемонии пролетариата и его союзе с крестьянством в борьбе против самодержавия. Однако было необходимо, чтобы эти идеи прошли проверку практикой революции. Было бы ошибочным полагать, будто до 1905 г. могла быть создана концепция буржуазно-демократической революции в России, ибо тогда, заранее нельзя было видеть все особенности будущей революции.

Весной 1905 г. В. И. Ленин сформулировал основные положения концепции демократической революции нового типа. Показательна в этом отношении его заметка «Победоносная революция» (май — июнь 1905 г.), в которой пролетариат и крестьянство определялись как движущие силы революции, а крестьянство рассматривалось в качестве главного представителя революционной мелкой буржуазии. Победоносной же революция, в

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 44.

ленинском разъяснении, может считаться только в случае доведения ее до установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

С уже сформировавшейся теорией буржуазно-демократической революции в России Ленин выступил в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Он отмечал, что наступила новая эпоха, начался период политических потрясений и революций и что «в такой период, какой переживает Россия, непозволительно ограничиваться старым шаблоном». Разрывая со старыми шаблонами, Ленин развивал в этой книге ряд новаторских в теоретическом отношении положений. На основе анализа расстановки классовых сил в России в новую историческую эпоху он пришел к выводу о том, что «...в известном смысле буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии»⁵. Причем более последовательные и радикальные демократические преобразования лучше обеспечивают интересы пролетариата и крестьянства и в меньшей мере являются выгодными исключительно для буржуазии. Отход либеральной буржуазии от революции не будет означать ее ослабления, как это утверждали меньшевики. Наоборот, чем дальше либеральная буржуазия отойдет от революции, тем шире в нее станут втягиваться народные массы и тем шире окажется ее размах.

Исход революции — крушение монархии и всего старого порядка или сделка буржуазии с монархией — связан с ее размахом. Наибольший размах революции делает самым вероятным ее радикальный исход (вариант типа 1789 г.). Но в новых исторических условиях у революции иная перспектива — не утверждение буржуазного строя на длительный период, а развитие по пути к социалистическому преобразованию общества. Теория буржуазно-демократической революции в период империализма, созданная В. И. Лениным, явилась методологическим ключом к пониманию событий 1905—1907 гг.

Развивалось В. И. Лениным в борьбе с меньшевиками также и другое важное положение для всех революций XX века — о том, что сила рабочего класса, его воздействие на ход истории неизмеримо превышает его долю в общей массе населения. Отвергая меньшевистский подход к оценке силы пролетариата с позиций «экономического материализма», на основе одних ста-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 18, 38.

тистических подсчетов его численности и процентного соотношения с крестьянством и другими слоями населения, Ленин всегда отмечал великую революционную энергию российского пролетариата, которая приводила в движение массы. Это обнаружилось в революции 1905—1907 гг. Это подтвердили и последующие события в России и во всем мире. Возвращаясь к этому вопросу в 1919 г., Ленин писал: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения»⁶. Так вывод, сделанный на основе российской действительности, получил всемирно-историческое значение.

Отличительной чертой революции 1905—1907 гг. было переплетение двух «различных и разнородных» социальных войн: одна из них — общенародная борьба против самодержавия и остатков крепостничества, за радикальную демократизацию социально-экономического и политического строя страны; другая — классовая борьба пролетариата против капитала, конечной целью которой являлось социалистическое переустройство общества⁷. Соответственно перед политической партией встала задача — возглавить одновременно две социальные войны⁸, поскольку в программе, стратегии и тактике большевиков было учтено двоякое проявление и содержание классовой борьбы пролетариата. Наличие двух социальных войн придавало событиям 1905—1907 гг. не только особый размах и глубину, но и новую направленность по сравнению с западноевропейскими буржуазными революциями. Для революции нового типа характерно сближение демократических и социалистических задач пролетариата, так как решение первых создает условия для осуществления вторых. Двоякое проявление классовой борьбы пролетариата в новых исторических условиях явилось исходным пунктом для ленинских рассуждений о гегемонии пролетариата, что обогатило марксистскую теорию классов и внесло существенный вклад в разработку проблемы соотношения борьбы за социализм и демократию. Ленин развил положение о рабочем классе как передовом борце за демократию. Выступая в этой роли, пролетариат оттесняет

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 282—283.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 446—447.

буржуазию от руководства освободительным движением и осуществляет свою гегемонию.

Борьбу народных масс России за ликвидацию самодержавия и пережитков крепостничества возглавил рабочий класс. В 1905—1907 гг. пролетариат впервые выступил в новой роли — гегемона освободительного движения периода буржуазно-демократических революций. Эта новая роль пролетариата обуславливалась как объективными, так и субъективными факторами исторического процесса. Развитие промышленности в России отличалось высокими темпами и высоким уровнем концентрации производства в главных отраслях индустрии. Сосредоточение рабочих на крупных предприятиях способствовало росту их организованности и сознательности в борьбе за свои права. Внутренняя политика царизма, исключавшая существенное улучшение положения рабочих, произвол предпринимателей и административных властей толкали на политическую борьбу. Экономические и политические интересы пролетариата превращали его в последовательного и стойкого борца с самодержавием.

По своей боевитости и революционности российский пролетариат превосходил западноевропейский. Он был закален в боях с хищническим капитализмом и самодержавным режимом. Им руководила созданная Лениным революционная партия нового типа — партия большевиков. Она обеспечивала ясность цели в революционной борьбе, выдвижение мобилизующих лозунгов, организованность, сплоченность, единство воли пролетариата. Ленинское учение о партии было важнейшей составной частью развивающейся в новых исторических условиях марксистской теории революции. Возрастание роли пролетариата в историческом процессе, его гегемония в революционной борьбе означали также возрастание значения его сознательного авангарда — партии.

В годы первой русской революции большевики доказали, что они «... есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906—1907 гг. ...»⁹. Под руководством партии российский пролетариат вышел на передовые рубежи международного рабочего движения. Подготовленная объективными условиями гегемония пролетариата становится возможной лишь благодаря неустанной по-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 364.

литической и организационной работе большевистской партии. Партия нацеливает рабочие массы на гегемонию в революции, и сама гегемония немислима вне деятельности революционной марксистской партии. Только в этом случае пролетариат осознает свои классовые задачи, подымается до понимания своей всемирно-исторической миссии.

Установление гегемонии пролетариата в освободительном движении происходило в результате «оттеснения» буржуазии, стремившейся подчинить это движение своим интересам и направить его в реформистское русло. В свою очередь буржуазия не раз пыталась, особенно в период I и II Государственных дум, «перехватить инициативу», «увести» массы с революционного пути на путь «мирного обновления» России. Борьба пролетариата с буржуазией за гегемонию в освободительном движении вне всякого сомнения являлась идейным стержнем первой русской революции.

Будучи гегемоном демократических сил, пролетариат придавал особый характер революции 1905—1907 гг. также использованием своих специфических средств борьбы, способов действия. Стачное движение 1905—1907 гг. превратилось в могучее орудие осуществления гегемонии пролетариата. По выражению Ленина, рабочий класс был «главной пружиной общего направления событий», а статистика стачек показала его роль как главной движущей силы социально-политической эволюции страны¹⁰. Рабочий класс выступал во имя своих собственных требований и одновременно выдвигал общенародные лозунги борьбы с самодержавием.

В. И. Ленин отмечал, что Россия породила «...своеобразные формы стачечного движения»¹¹, и квалифицировал «революционную стачку» как своеобразную форму, *новый* тип «массовой стачки»...»¹². Революционная массовая стачка неизбежно приобретала общенародное значение, являлась орудием в борьбе за гегемонию пролетариата, была неотделима от вооруженного восстания.

Стачное движение 1905—1907 гг. продемонстрировало жизненность ленинского положения о том, что воздействие пролетариата на ход истории неизмеримо превышает его долю в общей массе населения. Стачное

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 394—395.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 317.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 369.

движение показывало, сколь неисчерпаема революционная энергия пролетариата. «Это говорит о том, что человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!»¹³

Такое напряжение сил пролетариата и развитие его революционной энергии явилось следствием политической зрелости российских рабочих, руководимых большевистской партией. В борьбе с меньшевиками Ленин подчеркивал, что «... из всех классов русского общества именно пролетариат обнаружил в 1905—1907 годы *наибольшую* политическую зрелость»¹⁴.

В условиях развертывания двух социальных войн буржуазия меньше, чем когда-либо в прошлом, была заинтересована в доведении демократической революции до конца, в последовательных и радикальных преобразованиях во всех сферах общественной жизни — экономической, социальной, политической. Последовательные демократические преобразования не ограничиваются тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Они в огромной степени обеспечивают выгоды пролетариата и крестьянства. Происходит расширение рамок буржуазно-демократической революции, укрепляются позиции пролетариата в его борьбе с буржуазией за осуществление как настоящих, так и конечных целей классовой борьбы. Более того, при благоприятном для рабочих исходе революции может установиться революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, что коренным образом изменит условия для борьбы за социализм. Таким путем, как указывал В. И. Ленин, должен идти пролетариат, решая и демократические, и социалистические задачи, поставленные перед ним историей.

Объективно крестьянство было классом, кровно заинтересованным в победоносной революции. Только крутая (и никакая иная!) ломка помещичьего землевладения (буржуазная по своей социально-экономической сущности) могла улучшить положение многомиллионного крестьянства, страдающего от малоземелья и полукрепостнической кабалы. Но эта ломка помещичьего земле-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 312.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 358—359.

владения была невозможна без ликвидации всех политических привилегий дворянства и сокрушения самодержавного государственного строя. Радикальное «буржуазное начало» в революции 1905—1907 гг. представляли мелкобуржуазные крестьянские массы, политически более сознательные, чем в предшествующих буржуазных революциях. Крестьянин-труженик имел двойственную природу как объект нещадной эксплуатации — полукрепостнической и частично капиталистической, с одной стороны, и как собственник — с другой.

Но силу и размах первой российской революции придавали не только, если так можно выразиться, количественные масштабы крестьянского движения (численность, территориальный охват, длительность и т. д.), но и уровень его политической сознательности, более высокий по сравнению с предшествующими буржуазными революциями. Осенью 1905 г. Ленин писал: «Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции»¹⁵. Показательно, что в «Докладе о революции 1905 года» «...пробуждение первого крупного, не только экономического, но и политического *крестьянского движения* в России» расценивается как «...поворотный для истории факт...». При этом важно отметить, что политическое пробуждение крестьянства происходило под воздействием рабочего движения, в новую историческую эпоху, когда полностью выявилась гегемония пролетариата в революционной борьбе.

Однако политическая сознательность крестьянства (высокая по сравнению с буржуазными революциями в прошлом) не могла не быть ограниченной. Крестьянство с трудом преодолевало вековые предрассудки, царистские иллюзии, подпадало под власть либеральных иллюзий и народнических утопий. Оно все еще действовало «...слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно...»¹⁶. Недаром Ленин, придававший столь большое значение политическому пробуждению крестьянства, постоянно выступал против народнической идеализации «крестьянского социалистического сознания». В книге «Аграрная программа социал-демократии

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 94.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315, 322.

в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин писал: «Марксистский анализ классов русского общества так блестяще подтвержден всем ходом событий вообще и первыми двумя Думами в частности, что немарксистский социализм подорван окончательно»¹⁷. Однако революция внесла в этот анализ свои коррективы. Так, понадобилось новое определение степени капиталистического развития в земледелии, с учетом тех остатков крепостничества в деревне, которые явились экономической основой «крестьянской аграрной революции»¹⁸. Мощное общенародное движение крестьянства придало революции особый характер.

«Опыт первого периода¹⁹ русской революции окончательно доказал, — подчеркивал Ленин, — что победоносной она может быть только как крестьянская аграрная революция и что эта последняя не может выполнить целиком своей исторической миссии без национализации земли»²⁰.

Чрезвычайно важный для понимания истории первой российской революции вывод о том, что она оказалась крестьянской буржуазной революцией, обосновывался в ряде работ, в которых Ленин вел острую полемику с меньшевиками по вопросу об исторической роли крестьянства в России. Соответственно Ленин конкретизировал и понятие о гегемонии пролетариата: его роль «... пришлось определить точнее, как роль вождя, ведущего за собой *крестьянство*»²¹.

Придавая исключительное значение крестьянскому движению, Ленин в то же время связывал победу крестьянских масс, реализацию их требований с осуществлением гегемонии пролетариата. Союз пролетариата и крестьянства был выражением экономической необходимости коренного и полного уничтожения всего русского «средневековья».

Задача утверждения гегемонии пролетариата в освободительном движении, поставленная историей и реализованная под руководством партии большевиков, осу-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 269.

¹⁸ Ленин определял революцию 1905—1907 гг. как крестьянскую буржуазную революцию (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 9, 31, 152, 164, 169, 210).

¹⁹ «Первый период», «первая кампания» и т. п. русской революции — так В. И. Ленин часто называл революцию 1905—1907 гг.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 407.

²¹ Там же, с. 269.

ществлялась в России в условиях более глубокого, нежели в Западной Европе 1789—1848 гг., антагонизма между пролетариатом и буржуазией. Соответственно русская буржуазия в отличие, например, от французской конца XVIII в. не была радикальной, как последняя, и в еще большей мере, чем немецкая буржуазия 1848 г., склонялась к политическому компромиссу с монархией и дворянством за счет интересов народных масс.

В ряде ленинских произведений можно встретить оценки, относящиеся к эволюции русского либерализма под влиянием событий 1905—1907 гг. Ленин отмечал, что начиная с лета 1905 г. (июньская делегация земских и городских деятелей для представления петиции царю) не было ни одного сколько-нибудь крупного этапа русской революции, когда бы буржуазный либерализм не пытался выступить в роли посредника между «исторической властью», т. е. царским самодержавием, и борющимися массами рабочего класса и крестьянства²². В работах «Революция и контрреволюция», «О Вехах» и др. Ленин проанализировал основные этапы отхода либералов от революции. Выход в 1909 г. «энциклопедии либерального ренегатства» — «Вех» — знаменовал полный разрыв русского либерализма с освободительным движением. Показательно, что именно в год выхода «Вех» Ленин в последний раз говорит о двух разновидностях «буржуазной демократии» — крестьянской и либеральной. В дальнейшем он применяет понятие «буржуазная демократия» только по отношению к крестьянству. В статьях 1910—1912 гг. он дал полное обоснование деления буржуазии на два типа и доказал, что либерализм не представляет в России буржуазной демократии.

Главной линией в становлении марксистско-ленинской историографии революции 1905—1907 гг. была борьба за ее понимание как буржуазно-демократической революции нового типа. Эта борьба, с одной стороны, требовала глубокого обоснования в большевистской литературе особой роли пролетариата и крестьянства и, с другой стороны, систематической критики меньшевистских, неонароднических и либеральных историко-социологических и политических взглядов.

Марксистско-ленинское понимание характера революции 1905—1907 гг. отстаивалось большевистскими

²² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 53.

публицистами в их дискуссии с меньшевиками по поводу работы К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» и написанного к ней В. И. Лениным предисловия. Основной порок меньшевистской литературы о революции 1905—1907 гг. Ленин видел в том, что ее авторы оперируют старым шаблоном буржуазной демократии и догматическим понятием «буржуазная революция». «Начиная с женевских газет «Вперед» и «Пролетарий» и продолжая брошюрой «Две тактики», русские большевики, — писал он, — *всегда* основу своей борьбы с меньшевизмом видели в извращении правыми с.-д. понятия: «буржуазная революция». Сотни раз говорили мы и показывали на бесчисленных заявлениях меньшевиков, что понимать категорию «буржуазная революция» в смысле признания за буржуазией главенства и руководящей роли в русской революции есть опoшление марксизма»²³. Насколько те или иные классы способны к совместной борьбе, насколько и в чем их борьба совпадает и не совпадает определяется тем, в каком отношении к развитию революции находят-ся эти классы.

«Банкротство либерализма», пояснял Ленин, точно так же заложено в положении и интересах буржуазии, как революционность крестьянства в его положении и интересах. Либералы не хотят и не могут хотеть революционного решения аграрного вопроса, к которому стремится крестьянство. Ленин обращал внимание на тот вывод Каутского, что «...в России нет буржуазной демократии старого шаблона, в которой первенствующее положение занимала городская мелкая буржуазия. В отличие от Запада, в России городская мелкая буржуазия «никогда не будет надежной опорой революционных партий»²⁴. Общность экономических интересов объединяет не буржуазию и крестьянство (их интересы в основном не совпадают), а пролетариат и крестьянство, делая их союзниками в революционной борьбе. Как неоднократно подчеркивал Ленин, большевистская и меньшевистская концепции революции 1905—1907 гг. отличаются друг от друга прежде всего взглядом на классы, способные быть движущими силами революции²⁵. Отрицая гегемонию пролетариата, Мартов пытался

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 184.

²⁴ Там же, с. 182.

²⁵ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 333—334.

объяснить парадокс буржуазной революции без буржуазии противоречием между объективными (экономическими) условиями и субъективными (политическая неподготовленность прогрессивной части буржуазии). Он утверждал, будто причиной поражения революции 1905—1907 гг. явилась неспособность буржуазии стать ее движущей силой и руководителем и что революция в России не завершится, пока дальнейшее развитие буржуазии не позволит ей сыграть предначертанную историей роль²⁶. Эти взгляды были подвергнуты обстоятельной критике С. Суворовым²⁷ и С. Шаумяном²⁸. В дискуссии с позиций ленинской оценки движущих сил революции участвовали М. Ольминский, написавший рецензию на работу Каутского²⁹, и И. Сталин, написавший предисловие к ее грузинскому изданию³⁰. Дискуссия была ярким подтверждением полной противоположности ленинской и меньшевистской оценки всех основных вопросов революции.

Исторический опыт первой российской революции позволил В. И. Ленину сформулировать ряд теоретических положений о новых явлениях, характерных для мирового революционного процесса XX в. Это прежде всего относится к коренным изменениям в расстановке классовых сил, борющихся за социальный прогресс, за революционные преобразования. Пролетариат выступает как основная и главенствующая сила, не только осуществляя задачу социалистического преобразования общества, но и решая задачи буржуазно-демократических революций. Будучи гегемоном в таких революциях нового типа, пролетариат в странах с преобладанием сельского населения действует в союзе с крестьянством, заинтересованным в доведении демократической революции до конца.

Ленинская идея диктатуры пролетариата и крестьянства и Советы 1905 г. Гегемония пролетариата, подчеркивал В. И. Ленин, необходима для доведения рево-

²⁶ См.: *Мартов Л. К.* Каутский и русская революция. — Отклики. Сборник II. СПб., 1907; *его же*. Еще о характере русской революции. — Отголоски. Сборник — апрель. СПб., 1907; *его же*. *Левение буржуазии*. — Возрождение, 1909, № 1—2.

²⁷ См.: *Вестник жизни*, 1907, № 3.

²⁸ См.: *Шаумян С. Г.* Избранные произведения. М., 1978, т. 1, с. 292—297.

²⁹ См.: *Вестник жизни*, 1907, № 2.

³⁰ См.: *Сталин И. В.* Соч., т. 2.

люции до установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В западноевропейских буржуазных революциях народные массы, будучи их главной силой, выполняли задачу уничтожения феодализма, однако работа по созданию новой государственности выпадала на долю буржуазии, которая пользовалась плодами победы. Существенным образом изменилось положение в буржуазно-демократической революции эпохи империализма, гегемоном которой явился пролетариат, возглавивший крестьянство. В ней вопрос о государственной власти в силу отстранения от революции буржуазии должен был решаться по-другому.

Уже в самом начале революции, в феврале 1905 г., Ленин писал: «Цель восстания: временное революционное правительство, вооружение народа, учредительное собрание, революционные крестьянские комитеты»³¹. Это временное революционное правительство, как показал Ленин в апрельских статьях 1905 г. «Социал-демократия и временное революционное правительство» и «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», может быть органом диктатуры пролетариата и крестьянства. В новых исторических условиях буржуазно-парламентарная республика не обеспечит завоевания трудящихся. Радикальное, демократическое решение аграрного вопроса и осуществление программы-минимум РСДРП может быть проведено наиболее успешно только революционной диктатурой пролетариата и крестьянства.

Ленинская идея диктатуры пролетариата и крестьянства определяла классовую основу новой революционной власти, условия ее возникновения (гегемония пролетариата, союз двух трудящихся классов), ее характер (демократическая, но не социалистическая), ее задачи (самый полный объем демократических преобразований) и способ деятельности (насильственное подавление сопротивления помещичьих и капиталистических элементов)³². Такая революционная власть, не выходя за пределы буржуазных экономических отношений, могла бы не только ликвидировать все феодальные пережитки, коренным образом улучшить положение рабочих, но и подорвать позиции крупной буржуазии. Такая революционная власть приобретала известную антиимпериали-

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 318.

³² Подробнее см.: Алуф И. А. Указ. соч.

стическую направленность и создала бы условия для развития по пути к социалистической революции.

Ленин творчески развивал идеи Маркса о революционной диктатуре, которые основывались на анализе буржуазной революции 1848 г. в Германии. Опыт первой демократической революции в России позволил Ленину продвинуть эти идеи далеко вперед. В частности, он указывал, что самодержавно-помещичью государственную машину необходимо разрушить уже в ходе демократической революции.

Новыми формами организации власти масс были рожденные революцией 1905—1907 гг. Советы рабочих депутатов. Изучение этого опыта Ленин считал насущной задачей марксистов. «Вопрос о временном правительстве с теоретической стороны выяснялся уже неоднократно. Возможность участия с.-д. доказана, — писал он вскоре после поражения декабрьского вооруженного восстания. — Но теперь интереснее другая, *практическая* постановка этого вопроса, *данная* октябрем — декабрем. Ведь Советы рабочих депутатов и т. п. были *на деле* зачатками временного правительства; власть *неизбежно* досталась бы им в случае победы восстания. Надо перенести центр тяжести именно на изучение этих, исторически данных, зародышевых органов новой власти, на изучение условий их работы и *их успеха*»³³.

Важным вкладом В. И. Ленина в марксистскую теорию и в историографию революции 1905—1907 гг. явилась разработка вопроса о Советах рабочих депутатов. 1 ноября 1905 г. в большевистской газете «Новая жизнь» статьей Б. Кнунянца «Совет рабочих депутатов или партия» была открыта дискуссия о роли и функциях Советов и их взаимоотношениях с РСДРП. В дискуссии приняли участие как большевики, так и меньшевики.

Разноголосица по вопросу о Советах в меньшевистских кругах свидетельствует о том, что созданный впоследствии меньшевиками миф об их решающей роли в возникновении и деятельности Советов 1905 г. не имеет под собой оснований. Одни из меньшевиков рассматривали Советы как своего рода местные представительные органы профессиональных союзов, другие — как временные объединенные стачечные комитеты.

Часть меньшевиков склонялась к тому, чтобы использовать Советы как возможную основу движе-

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 324.

ния, которое в конечном счете приведет к образованию широкой рабочей партии, т. е. реформистской оппортунистической партии «западноевропейского образца». Противопоставляя Советы РСДРП, Троцкий заявлял о том, что Советы есть «организация пролетариата», тогда как партия только «организация в пролетариате»³⁴. В дальнейшем в меньшевистских кругах стала преобладать тенденция связать Советы рабочих депутатов с идеей «революционного самоуправления». Такой взгляд на Советы получил отражение в меньшевистских проектах резолюций к IV съезду РСДРП, где они рассматривались как местные органы, призванные согласовать «...борьбу всей революционной и оппозиционной части народа»³⁵.

Не все было ясно в вопросе о Советах и для петербургских большевиков³⁶. Показательно, что Б. Кнунянц и в 1906 г. все еще полагал, что Советы таят в себе некоторую угрозу для развития рабочего движения в сторону социал-демократии³⁷. М. И. Васильев-Южин считал, что Советы необходимы, поскольку партия не могла охватить всех рабочих, недостаточно сознательных, чтобы видеть в ней единственно возможную для себя форму организации³⁸.

Впервые ленинская оценка Советов 1905 г. как органов вооруженного восстания и зачатков новой революционной власти была дана в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)», написанной в начале ноября для газеты «Новая жизнь». Отвергая альтернативную постановку вопроса — Совет рабочих депутатов или партия, — В. И. Ленин разъяснял, что «...вопрос состоит только в том, как разделить и как соединить задачи Совета и задачи Российской социал-демократической рабочей партии»³⁹. Ленинское письмо в редакцию не было напечатано, но знаменательно, что 8 ноября, в день своего приезда в Петербург, Ленин выступил на расширенном заседании Петербургского ко-

³⁴ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 611.

³⁵ Там же, с. 571.

³⁶ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т. М., 1967, т. 2, с. 104.

³⁷ См.: *Радин Б. (Кнунянц Б.) Первый Совет рабочих депутатов. 13 октября — 3 декабря 1905 г.* СПб., 1906, с. 102.

³⁸ См.: *Борьба, 1905, 1 декабря.*

³⁹ *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 61.*

митета большевиков об отношении партии к Советам. Взгляды Ленина на Советы, высказанные в работе «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», были в ноябре 1905 г. в той или иной степени отражены в статьях «Неудавшаяся провокация», «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти», «Социализм и анархизм».

Некоторые большевики настаивали на обязательном признании Советами рабочих депутатов Программы РСДРП, ибо не понимали еще тогда истинного значения и роли Советов. Б. И. Горев вспоминая, что В. И. Ленин в ноябре 1905 г. упрекал членов ПК большевиков за недооценку той громадной силы, которую представляют собой Советы, и за требование подчинения Совета партии. «Он тогда сказал, — пишет Горев, — что Совет есть зародыш той диктатуры пролетариата и крестьянства, которую он пропагандировал с весны 1905 года». Ленин выразил надежду, что «сюда примкнут еще депутаты от крестьян (а в Сибири уже выбирались депутаты от солдат)... и будет Совет рабочих и крестьянских депутатов, орган диктатуры пролетариата и крестьянства»⁴⁰. О зарождении идеи Советов у В. И. Ленина в 1905 г. сообщает в своих воспоминаниях и А. В. Луначарский⁴¹.

Итак, Ленин сразу же определил Советы как зародыш власти. Он писал: «...в политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, лишь в иной форме) должен *создать* временное революционное правительство»⁴².

В начале 1906 г., когда восстания потерпели поражения и Советы были ликвидированы, Ленин, обобщая их опыт в проекте резолюции о Советах для IV съезда партии, ставит перед ними ту же задачу: стать — при определенных условиях — революционным правительством. Он пишет, что «при расширении деятельности и сферы влияния Советов рабочих депутатов необходимо указывать на то, что такие учреждения, не опираясь на рево-

⁴⁰ Историко-революционный бюллетень, 1922, № 1, с. 15; см. также: Горев Б. И. Из партийного прошлого. Л., 1924, с. 76—77.

⁴¹ См.: Пролетарская революция, 1925, № 11, с. 57.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 63—64.

люционную армию и не свергая правительственных властей (т. е. не превращаясь во временные революционные правительства), неизбежно осуждены на падение...»⁴³. В. И. Ленин исходил при этом из того, что Советы могут и должны создаваться лишь в ходе подъема революции, в момент назревания восстания.

На IV съезде РСДРП, оценивая деятельность Советов и крестьянских комитетов в конце 1905 года, В. И. Ленин говорил: «Революционная власть не интеллигентов, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян уже имела место в России, уже осуществилась на деле в ходе нашей революции»⁴⁴. Таким образом, Советы, утверждал Ленин, уже осуществляли власть, уже прошли проверку как власть.

Разоблачая оппортунистическую затею меньшевиков с «рабочим съездом», В. И. Ленин показывал, что они на деле игнорируют такие массовые организации, как Советы, и снова отмечал, что историческое развитие Советов состоит «...в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были советы рабочих депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в революционное временное правительство...»⁴⁵.

Дискуссия о Советах возобновилась в июне—июле 1906 г. в связи с эсеровско-меньшевистскими предложениями о восстановлении в Петербурге Совета рабочих депутатов. Большевики указывали на несвоевременность такой акции в условиях спада революции. 4 июля в газете «Эхо» были опубликованы статья Г. С. Хрусталева-Носаря «Быть или не быть новому Совету рабочих депутатов?» и полемический ответ на нее В. И. Ленина «Об организации масс и о выборе момента борьбы». В противовес меньшевикам Ленин делал акцент на боевой роли Советов в конце 1905 г., на их значении как органов вооруженного восстания. Эту мысль он развивает и в работе «Роспуск Думы и задачи пролетариата».

Критикуя несвоевременность попытки призыва возродить Советы в иной обстановке, когда начался спад революции, В. И. Ленин разъяснял, что такие организации нельзя насаждать сверху в любой момент. Они

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 231.

⁴⁴ Там же, с. 367.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 187.

рождены определенным периодом революции, когда непосредственно стояла задача восстания. *«Создавать Совет значит создавать органы непосредственной массовой борьбы пролетариата, — писал Ленин. — Такие органы нельзя создавать в любой момент, тогда как профессиональные союзы и политические партии необходимы всегда и безусловно, могут и должны быть создаваемы при всяких условиях»*⁴⁶.

Подчеркивая, в каких исторических условиях появляются такие организации, как Советы, и когда их необходимо создавать, Ленин ссылается на опыт конца 1905 г. Говоря об опыте октября — декабря, он отмечал, что Советы возникли вначале как органы борьбы стачечной, но очень быстро превратились в органы общереволюционной борьбы с правительством и в условиях перехода от стачки к восстанию стали органами восстания⁴⁷. Так в ходе революции вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, разработанный теоретически Лениным, начал воплощаться в жизнь творчеством народных масс. Характеризуя Советы 1905 г. как зачаточные органы революционной власти, Ленин обращал внимание и на элементы стихийности, неформальности, распыленности в составе и функционировании Советов. Но оценивая революционное творчество народных масс в конце 1905 г., он рассматривал Советы как *«...прием борьбы не только против старой власти, а борьбы посредством революционной власти, прием, впервые примененный широкими массами русских рабочих и крестьян в знаменитые октябрьские и декабрьские дни»*⁴⁸.

Много лет спустя, в январе 1917 г., в «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин опять вернулся к вопросу о Советах. Отметив, что в огне борьбы образовались своеобразные массовые организации — *«...знаменитые Советы рабочих депутатов...»*, он сказал, что в ряде мест появились маленькие республики, где *«...Совет рабочих депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти»*⁴⁹. Касаясь другой стороны Советов 1905 г., В. И. Ленин в январе 1918 г. говорил, что *«...уже тогда социалисты поняли,*

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 288.

⁴⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 320.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 366.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 322.

что организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран»⁵⁰.

Из ленинских высказываний видно, что он определял Советы как органы власти, как форму, в которой может осуществляться демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Ленин неоднократно возвращался к этим положениям в годы империалистической войны, осмысливая опыт первой народной революции и намечая революционные перспективы. И он пришел к выводу еще до Февральской революции, что Советы могут стать и формой диктатуры пролетариата. В своих записях «Марксизм о государстве», сделанных в конце 1916 г. и в феврале 1917 г., Ленин заявлял, что задача социалистической революции состоит в том, чтобы сломать государственную машину буржуазии и заменить ее «...прямой властью вооруженного пролетариата, его диктатурой...» в форме Советов рабочих депутатов⁵¹.

На основе изучения истории возникновения и деятельности Советов 1905 г. Ленин разработал теорию Советского государства, окончательно сложившуюся в 1917 г., в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую явилась выдающимся вкладом в сокровищницу марксизма. Как известно, впервые вопрос о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революций был поставлен К. Марксом и Ф. Энгельсом. Высказанная ими идея непрерывной революции была развита В. И. Лениным в стройную, научно аргументированную теорию. Ограниченность исторической практики XIX в. не могла дать основоположникам марксизма того материала, который дала Ленину первая демократическая революция в России. Если раньше содержание буржуазных революций сводилось к одним только общедемократическим требованиям, то в 1905—1907 гг. в России эти требования уже переплелись с социалистическими устремлениями пролетариата. Ленин учил не терять в борьбе за демократию социалистической перспективы и готовить поли-

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 238.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 154.

тические кадры и народные массы на основе перегруппировки классовых сил к решению социалистических задач.

Таким образом, победа буржуазно-демократической революции в новую историческую эпоху создает реальные условия для перерастания ее в революцию социалистическую. Непрерывность революции достигается не только действиями масс «снизу», но и одновременными усилиями государственной власти в лице революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства «сверху». Гегемония пролетариата в демократической революции перерастает в гегемонию пролетариата в социалистической революции и в его диктатуру.

II. В. И. ЛЕНИН — ИСТОРИК ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Три политических лагеря. Расстановка классовых сил в революции 1905—1907 гг. обусловила одну из ее особенностей: наличие на политической арене революции трех лагерей. Ленинское положение о трех политических лагерях в первой российской революции исключительно важно для ее понимания. Между тем в историографической практике взгляды В. И. Ленина по этому вопросу, как правило, сводятся к цитированию получившего широкую известность заключительного абзаца работы «Политические партии за 5 лет третьей Думы»: «*Борются и будут бороться три главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле свою, а не либеральную рабочую политику, используя конфликты лагеря первого с лагерем вторым, но не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной демократии, — таковы задачи рабочих*»¹. Но положение о трех политических лагерях, пусть не в такой классически законченной форме выражения, развивалось В. И. Лениным да-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 172.

леко не в одной работе. Причем Ленин рассматривал каждый политический лагерь в его эволюции и в его взаимодействии с другими.

Уже в ленинских произведениях, относящихся к лету—осени 1905 г., определяются три основные и главные социальные силы происходящей революции. В главе 12 книги «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин характеризует общественные силы, от которых зависит «размах революции». «Против революции, — писал он, — стоит самодержавие, двор, полиция, чиновничество, войско, горстка высшей знати». Далее Ленин рисует «социальный портрет» буржуазии: «... буржуазия в общем и целом стоит теперь за революцию, усердствуя с речами о свободе, все чаще и чаще заговаривая от имени народа и даже от имени революции», но «... буржуазия стоит за революцию непоследовательно, своекорыстно, трусливо». Какая же из этих двух тенденций либеральной демократии (в статье «Бойкот булыгинской Думы и восстание» Ленин пользуется терминами «либеральная демократия» и «революционная демократия») одержит верх, или, говоря иными словами, как и куда должна эволюционировать либеральная буржуазия? «Буржуазия, — прогнозирует Ленин, — неизбежно повернет, в своей массе, на сторону контрреволюции, на сторону самодержавия против революции, против народа, как только удовлетворятся ее узкие, корыстные интересы...» Определив две социальные силы, Ленин переходит к третьей: «Остается «народ», то есть пролетариат и крестьянство...»² Пролетариат последовательно революционен, крестьянство неустойчиво, но его неустойчивость принципиально отличается от неустойчивости буржуазии. Просвещающий крестьянство ход революционных событий может превратить его в оплот республики и революции.

В статье «Единение царя с народом и народа с царем» В. И. Ленин говорит о трех политических теориях по вопросу о народном представительстве в России: 1) теории совещания царя с народом; 2) теории соглашения царя с народом и 3) теории самодержавия народа. Причем каждая из этих теорий связывается с определенными политическими силами. Так, теория самодержавия народа — это «программа социал-демократии, а также революционной демократии вообще». Положение

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 87.

о трех политических теориях в связи с тем, «... какие силы и как именно «творят историю» русской революции...»³, развивается также в ленинской статье «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?». В октябре 1905 г. в статье «Первые итоги политической группировки» Ленин, поставив вопрос о политической размежевке партий и классов в связи с бойкотом булыгинской Думы, отмечал: «Три основных типа взглядов на Думу выступают выпукло, в полном соответствии с тремя основными и главными социальными силами происходящей революции: взгляды *черносотенский* (самодержавие), *либеральный* (буржуазия) и *революционный* (пролетариат)»⁴. В статье дается характеристика этих социальных сил, причем обращается внимание на то, что пролетариат практически объединился, без всякого соглашения и всякого договора, с пробудившимися слоями революционной буржуазной демократии, которую составляет прежде всего крестьянская масса. Таким образом, в ленинских работах августа—октября 1905 г., можно считать, уже была сформулирована концепция трех лагерей как самостоятельных борющихся между собой политических сил (термин «лагерь» еще не применяется).

В работах 1912—1913 гг. В. И. Ленин, развивая мысль об отделении либерализма от демократии, четко формулирует положение о трех политических лагерях в русской революции. Выступая против, по его выражению, нелепой теории о «единой реакционной массе», (т. е. о смешении либералов и правых в одно политическое понятие реакционного блока, реакционной массы)...», он подчеркивал, что «...буржуазный монархический либерализм, при всей его половинчатости, совсем не то, что крепостническая реакция»⁵.

В ленинских произведениях, посвященных революции 1905—1907 гг., дается всесторонняя характеристика линии поведения всех трех политических лагерей на протяжении революционного трехлетия. «В России, — писал Ленин, — есть три *основные* политические силы и, следовательно, политические линии: черносотенцы (классовые интересы крепостников-помещиков) и «бюрократия» рядом с ними и над ними; затем либерально-монархиче-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 184, 198.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 9.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 362, 364.

ская буржуазия, «центр» — левый (к.-д.) и правый (октябристы); наконец, демократия буржуазная (трудовики, народники, беспартийные левые) и пролетарская. Правильность именно такого и только такого деления подтверждена всем опытом первого десятилетия XX века ...»⁶ Раскрывая состав каждого из лагерей, Ленин показал его слагаемые, подчеркивая известную неоднородность этого состава, за которой скрываются противоречия внутри политических лагерей и возможность политических комбинаций на их «границах». В этом направлении и развивается дальше ленинская мысль: «Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих *«на границе»* основных делений, неизбежны, но суть дела, порожденная соотношением классовых сил в России начала XX века, несомненно, определяется именно указанным «тройственным» делением»⁷. Никакие политические комбинации кадетов — левого крыла либерально-монархической буржуазии с буржуазной демократией (например, с трудовиками) или октябристов с черносотенцами не могут изменить этого «тройственного» деления. И Ленин придавал чрезвычайно важное значение пониманию основных политических линий в русской революции для успеха освободительного движения и упрочения гегемонии пролетариата.

В годы первой русской революции необычайно быстро развивается процесс размежевания либеральной буржуазии и «буржуазной демократии» в лице крестьянства. Происходит политическая консолидация буржуазии, и складывается либерально-монархический центр. Летом 1905 г. политическая группировка резче всего выявилась в вопросе об отношении к булыгинской Думе: за Думу ради сохранения самодержавия и с целью подавить революцию (правительственный лагерь), за Думу ради ограничения самодержавия и с целью остановить революцию (либеральный лагерь), против Думы с целью уничтожения самодержавия и доведения до конца победоносной революции (демократический лагерь)⁸. Осенью 1905 г. политическая группировка определялась отношением к манифесту 17 октября. Правительственный лагерь, не отказываясь на словах от манифеста, добивает-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 38.

⁷ Там же, с. 39.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 13.

ся «...сохранения и формального восстановления самодержавия»⁹. Либералы приветствуют манифест и считают, что его выполнение привело бы к прекращению революции. Демократы видят в манифесте попытку обмана масс и стремятся организовать борьбу за победоносный исход революции. В 1905—1907 гг. оселком в политическом размежевании является оценка роли и значения Дум.

Для правительства созыв Дум был вынужденной необходимостью. Суть его политики сводилась к тому, чтобы при наивысших возможных репрессиях созвать Думу ради примирения с буржуазией, а цель — создать послушную Думу. Как отмечал Ленин, «...пришлось искать иных средств защиты, кроме совершенно обессилившей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии»¹⁰. Правящие круги нашли опору в организации черносотенных элементов. «Крепостник-помещик, — писал Ленин, — сплотился и окончательно «сознал себя» в революции. Черные партии становятся классовой организацией тех, кто должен защищать не на живот, а на смерть самые угрожаемые современной революцией блага: крупнейшее землевладение, — этот остаток крепостной эпохи, — привилегии высшего сословия, возможность вершить государственные дела путем личных связей с камарильей и т. д.»¹¹. Таким образом, в правительственном лагере под влиянием событий 1905—1907 гг. происходит более тесное смыкание «бюрократии» с черносотенными элементами при формальном сохранении манифеста 17 октября.

Подводя итоги исторической роли буржуазии за пятилетие 1905—1907 гг., Ленин отмечал, что на деле оба крыла буржуазии — и кадетское и октябристское — оказались нейтрализованными борьбой революции и контрреволюции¹². Именно потому, что русская буржуазия отвернулась от демократии, правительство смогло осуществлять «...гегемонию Совета объединенного дворянства над буржуазией, настроенной контрреволюционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии»¹³. «Банкротство», «крах»

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 26.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 326.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 20.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 212—213.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 328.

русского либерализма (Ленин употреблял оба эти термина) в годы первой русской революции выразились, следовательно, и в крушении попыток кадетов повести за собой массы, и в подчинении либеральной буржуазии гегемонии Пуришкевичей. «Русский либерализм, — писал Ленин в 1908 г., — за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции даже свыше ста лет: эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма»¹⁴. Сближение октябристов с правительственным лагерем и идеология «Вех» — яркие показатели этой эволюции русского либерализма.

Революционно-демократический лагерь в России составляла рабочая демократия («центр притяжения») и буржуазная демократия в лице крестьянства. «...Экономические условия революции 1905 года, — отмечал В. И. Ленин, — поставили пролетариат в враждебные отношения к либеральной буржуазии — не только из-за вопроса об улучшении быта рабочих, но также из-за аграрного вопроса, из-за всех политических вопросов революции и т. д.»¹⁵. Формирование революционно-демократического лагеря происходило в процессе осуществления гегемонии пролетариата в освободительном движении на основе выдвижения общих задач борьбы рабочими и буржуазной демократией и противопоставления последней либеральной буржуазии.

Принадлежность крестьянства к революционно-демократическому лагерю не определялась наличием или отсутствием у него «конституционных иллюзий», хотя это и было очень важным моментом для размежевания либералов и новой буржуазной демократии. Дело заключалось в коренной противоположности классовых интересов крестьянства и буржуазии. Полемизируя с народническим публицистом В. В. Водовозовым, В. И. Ленин указывал, что «...надо выдвинуть на первый план именно различие *классовых интересов*, а не различие «взглядов» на абсолютизм и конституцию или на мирную эволюцию»¹⁶. Входя в революционно-демократический лагерь, буржуазная демократия не всегда осознавала свою несовместимость с либералами в революции 1905—1907 гг., колебалась между ними и пролетариатом и не

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 459.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 359.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 245.

раз «срывалась» на поддержку либералов. Тем не менее классовые тенденции крестьянства в конечном счете одерживали верх над либеральными иллюзиями.

Идейно-политическая задача пролетариата как гегемона в революции состояла в организации сил всей демократии в борьбе с самодержавием. Эта задача, как подчеркивал Ленин в статье «Революция и контрреволюция» и других работах, успешно выполнялась в 1905—1907 гг. «... Рабочий класс России, — писал он, — показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму»¹⁷. Говоря о союзе пролетариата с крестьянством как условии победы буржуазной революции в России, Ленин ссылаясь на опыт первой русской революции, в которой все решительные выступления масс были не чем иным, как «совместными действиями» этих двух классов¹⁸. Вместе с тем Ленин указывал, что революционно-демократический лагерь не может ни сложиться, ни существовать без систематической критики либерализма¹⁹. Можно сказать, что любые «совместные действия» рабочего класса и крестьянства возможны были в России только «вопреки либерализму». Таким образом, эволюция революционно-демократического лагеря шла в направлении создания боевого союза рабочего класса и крестьянства как основного условия победы буржуазно-демократической революции в России.

«Величайшие движения пролетариата после Коммуны». В. И. Ленин придавал особое значение тому факту, что марксистские взгляды на революцию были «...особенно наглядно подтверждены опытом 1905 года»²⁰. При этом он, в частности, имел в виду вопрос об объективных и субъективных факторах революции. В. И. Ленин рассматривал революцию как процесс, складывающийся из ряда этапов. Смена этих этапов зависит от степени «зрелости» объективных и субъективных факторов. Каждой революции, учил Ленин, предшествует революционная ситуация. В работе «Крах II Интернационала» он дал характеристику революционной ситуации в единстве трех ее признаков. Это кри-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 220.

¹⁸ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 382, 389.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 64.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

зис «верхов», политики господствующего класса; ухудшение по сравнению с обычным положением народа; повышение активности народных масс, толкаемых всей обстановкой кризиса к самостоятельному историческому выступлению. Следовательно, процесс назревания революции включает в себя прежде всего возникновение объективных условий, т. е. создание революционной ситуации. Начало складывания третьей революционной ситуации в России В. И. Ленин относил к 1901 г.²¹

Революция начинается тогда, когда к объективным условиям, ее порождающим, присоединяются субъективные. Сами по себе угнетение низов, ухудшение их положения и наличие кризиса верхов не создают революцию. Они вызывают лишь гниение страны, «...если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания»²². Таким образом, решающим фактором перерастания революционной ситуации в революцию являются массовые действия готового к борьбе с существующим строем передового класса. Характеризуя готовность пролетариата и крестьянства к революционной борьбе, Ленин пользуется такими социально-психологическими категориями, как «настроение», «возбуждение», «убеждение». В революционные моменты истории настроение, возбуждение и убеждение масс проявляются в действии, в активной политической деятельности²³.

Накопленный в массах «запас озлобленности» является одним из условий, обеспечивающих их готовность к активным действиям, определяющим размах революции²⁴. «...Объективная революционная ситуация... — подчеркивал Ленин, — неизбежно порождает революционные настроения...»²⁵ у наиболее сознательных пролетариев. Он отмечал, что предшествующее первой российской революции десятилетие пролетарского движения воспитало десятки тысяч рабочих, их классовый инстинкт окреп в стачечной борьбе и в политической аги-

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 56. Подробнее о третьей революционной ситуации в России см.: Корелин А. П., Тютюкин С. В. Революционная ситуация начала XX в. в России. — Вопросы истории, 1980, № 10.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 301.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 58.

²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 381.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 263.

тации. Однако за ними все еще продолжали стоять сотни тысяч и миллионы трудящихся, которые обвиняли во всех бедах только чиновников-фабрикантов. Революционные настроения еще не овладели массами, а без такой перемены они не могли идти на восстание. Обращаясь к психологическому феномену «гапонады», Ленин признавал, что Гапон выразил чувства и настроения, уровень знания и политического опыта сотен тысяч пролетариев и полупролетариев, которые «...способны были только просить и умолять»²⁶.

Историческое значение 9 января 1905 г. заключалось, по Ленину, в «...пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе...»²⁷. Положение, которое сложилось в России после 9 января, Ленин характеризовал как общенациональный политический кризис²⁸. Это, в его понимании, первый этап революции: этап массовых революционных действий, которые потрясают основы государственного устройства. По образному выражению Ленина, кризис «...касается фундамента здания, а не той или иной пристройки, не того или иного этажа»²⁹. Из отсталых пролетарских слоев в течение нескольких месяцев сформировалась «...миллионная армия, идущая за революционным авангардом пролетариата»³⁰. В первой четверти 1905 г., по подсчетам В. И. Ленина, бастовало 810 тыс. человек, в том числе политических стачечников насчитывалось 206 тыс.³¹

Ленинская периодизация истории первой российской революции основывалась на глубоком изучении ведущих тенденций событий в 1905—1907 гг. Первый период (1905) Ленин характеризовал как время подъема революции, движения ее по восходящей линии, как период «революционного натиска», «непосредственно революционной борьбы масс». 1905 год был временем развертывания и углубления общенационального кризиса. Обострение его в последние месяцы года вплотную подвело к решению коренного вопроса революции — вопроса о власти. Революция вступила в этап своего наивысшего подъема, закончившегося декабрьским вооруженным вос-

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 217.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 310.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 143.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 300—301.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 263.

³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 401.

станием. С поражением декабрьских восстаний начинается нисходящая линия революции.

Второй период (1906—1907) явился временем спада революции, ее отступления, периодом расцвета и краха конституционных иллюзий, «...поворота революции на конституционно-монархический тупик...». Если в 1905 г. «...происходило массовое и непрерывное *наступление* революции, систематически нападавшей, теснившей врага», то в 1906—1907 гг. наступление уже ведет реакция, «контрреволюция шаг за шагом переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы»³².

С периодизацией первой российской революции тесно связан вопрос о прямом и зигзагообразном пути развития революционного процесса, рассмотренный В. И. Лениным в написанной сразу же после третьеиюньского переворота работе «После бойкота». Прямой путь развития революции наблюдается при свержении старой власти в результате массовых революционных действий классов, борющихся с прежним режимом и создающих новые органы власти. Это путь, требующий наибольшего напряжения сил революционного народа. Победа революции достигается «прямой фронтальной атакой» и обеспечивается подавляющим перевесом сил революционных классов. Прямой путь развития революции предпочтительнее. Он означает доведение революции до конца и сокращает исторические сроки революционного процесса. Поэтому обязанность пролетарской партии помогать массам в выборе прямого пути, давать им соответствующие лозунги.

Прямой путь характеризовал развитие первой российской революции в последние месяцы 1905 г. Поражение декабрьских вооруженных восстаний переводило ее на зигзагообразный путь развития. В период спада революции отступает, сопротивляясь реакции, совершая героические попытки приостановить ее натиск и в свою очередь подготовить новое контрнаступление. Самые боевые элементы рабочего класса сопротивляются дольше всех и упорнее всех. Путь развития революции шел зигзагами: выжидание — отступление — наступление. Зигзагообразный путь развития революционного процесса, однако, еще не определился окончательно. Царизм стремился перевести страну на «конституционно-монархические рельсы». Революционные силы боролись за

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 19, 12, 120.

прямой путь развития. Разрешался вопрос о выборе страной пути на сравнительно продолжительное время³³.

Характеризуя две линии в развитии революции и ссылаясь на опыт 1905—1907 гг., В. И. Ленин указывал, что движение той или иной конкретной революции по восходящей или нисходящей линии заключено «...в различии соотношения классов». Так, в России «...наблюдались две линии революции в смысле борьбы двух классов, пролетариата и либеральной буржуазии, за руководящее влияние на массы»³⁴. Используя и насаждая «конституционные иллюзии» в массах, либеральная буржуазия поддержала царизм в борьбе за «успокоение» и способствовала развитию революции, особенно в период спада, по нисходящей линии.

Конкретная оценка соотношения борющихся классовых сил определяла для Ленина проблему путей, средств и форм борьбы. Могучим орудием гегемонии пролетариата в 1905—1907 гг. явилось стачечное движение. К его истории обратился Ленин в работе «О статистике стачек в России». Она связана как временем написания (осень 1910 г.), так и использованием одного и того же источника (статистические издания, подготовленные В. Е. Варзаром) со статьями «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» и «Уроки революции». Следует отметить, что о роли массовой стачки Ленин писал и раньше, но в сентябре—ноябре 1910 г. им была изучена вся динамика стачечного движения за революционное трехлетие и его формы, а также его воздействие на ход революции. По всей видимости, в этой статье Ленин видел основу для создания истории революции 1905—1907 гг. О том значении, которое придавал Ленин стачечному движению, можно судить по его замечанию, что это «...первая революция во всемирной истории, которую лучше всего и точнее всего можно уразуметь и изучить по (истории) статистике забастовок»³⁵.

Ленин показал размах стачечного движения, невиданный ранее в истории. Он проследил, как развитие стачечного движения соотносится с уровнем сознательности и организованности пролетариата: рабочие разных местностей и различных производств принимали неодинаковое участие в забастовках. Передовые слои рабочих

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 8, 9.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 76, 77.

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 479.

влияти на другие части пролетариата, вели их за собой, происходил процесс сплочения всех рабочих. Если воздействие пролетариата на революционную борьбу крестьянства замалчивалось апологетами либерально-буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, то заслугой Ленина являлось раскрытие этой связи при выявлении динамики стачечного движения. Стачечное движение создавало условия не только для крестьянских выступлений, но и для других форм непосредственной массовой борьбы, в частности для бойкотирования. Эти важные положения явились значительным вкладом в марксистскую историографию революции 1905—1907 гг., что отмечал еще в 20-е годы М. Н. Покровский³⁶.

Рассматривая отношение между металлистами и текстильщиками, принимавшими участие в стачечном движении 1905 г., Ленин считал, что оно характерно как отношение передового слоя к широкой массе. Выделяя роль авангарда пролетариата как застрельщика революции, ведущего борьбу с величайшим упорством и с величайшим самопожертвованием, Ленин обращал внимание и на такие закономерности, как особо упорные и повторяющиеся на протяжении одного и того же года забастовки на крупных предприятиях, и на особо значительную роль пролетариата больших промышленных городов. Как указывал Ленин, энергия и упорство стачечного движения в петербургском и варшавском округах были столь велики, что если бы аналогичная картина наблюдалась по всей России, то число стачечников было бы вдвое больше³⁷.

Под непосредственным влиянием рабочего движения в России начались крестьянские выступления. Правда, весной 1905 г. масштабы крестьянской борьбы по сравнению с последующим ее ростом к концу года были еще незначительны. Крестьянское движение охватило лишь приблизительно седьмую часть уездов Европейской России. Но, несмотря на относительно скромные размеры, это был «поворотный для истории факт»: «... волны массовой стачки... пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна»³⁸.

Лето 1905 г. ознаменовалось революционными выступлениями в армии и на флоте. Восстание на бронеп

³⁶ См.: Покровский М. Н. Избр. произв. М., 1967, кн. 4, с. 28.

³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 379—389.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315, 316.

носце «Потемкин» было первым переходом части армии на сторону революции. С этого времени, указывал В. И. Ленин, обозначились три формы народного, т. е. массового, восстания: выступления рабочих, крестьянские волнения, военные «бунты». Успех революции зависел от слияния набиравших силу трех ручьев борьбы. В том, что за ружье взялась армейская «серая скотинка», Ленин увидел «...гигантский прогресс революции со времен Народной воли...»³⁹.

Ход революции в 1905 г. свидетельствовал и об успехах и о трудностях этого развития, о разрыве в действиях передовых отрядов рабочего класса (петербургский пролетариат, металлисты) и других его отрядов, о сложном процессе перехода от экономических требований к политическим. В 1919 г. Ленин говорил: «Мы знаем, с каким трудом в 1905 г. авангард русских трудящихся масс раскачался на борьбу с царизмом. С каким трудом после 9-го января 1905 г., после первого кровавого урока, медленно и трудно шло развитие стачечного движения до октября 1905 г., когда в первый раз массовая стачка в России одержала успех»⁴⁰. Высоко оценивая значение партизанской борьбы как формы гражданской войны, Ленин в то же время указывал, что ее породил «...недостаток силы для открытой, прямой вооруженной борьбы, для восстания в тесном смысле слова»⁴¹. Таким образом, восходящая линия революции, будучи сменой низших форм борьбы высшими, переходом с одной ступени движения на другую, никогда не представлялась Лениным упрощенно в виде некоего «накопления» успехов.

Последние три месяца 1905 г. Ленин рассматривал в их неразрывной связи. Он не раз говорил и писал об опыте октябрьско-декабрьских дней, анализировал его, возвращался к нему, подчеркивал его значение для русского и мирового революционного движения. Обращаясь к событиям конца 1905 г., Ленин выделял черты, характеризующие высший подъем революции. Именно на эти месяцы приходится апогей стачечного движения с преобладанием политической стачки над экономической, с

³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 212.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 138.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 418—419. Взгляды Ленина по этому вопросу наиболее развернуто изложены в статье «Партизанская война» (Полн. собр. соч., т. 14).

их переплетением в массовой революционной стачке. Причем всеобщие стачки конца 1905 г. возникали в результате перерастания ряда локальных стихийных взрывов в организованную борьбу под руководством РСДРП.

Всеобщая стачка в октябре и декабрьское вооруженное восстание знаменуют, в ленинской оценке, всемирно-исторический прогресс в массовой борьбе пролетариата ⁴². Одним из существенных отличий ленинского подхода к пониманию событий конца 1905 г. от меньшевистского является раскрытие причинно-следственных связей между всеобщей стачкой и восстанием как двумя формами классовой борьбы пролетариата. Отрывая всеобщую стачку от вооруженного восстания, меньшевики использовали декабрьское поражение рабочих Москвы и других городов для того, чтобы обвинить большевиков в бланкизме.

Отрицая закономерность перерастания всеобщей стачки в вооруженное восстание в условиях развивающейся революции, меньшевики, естественно, рассматривали октябрьскую стачку и декабрьское восстание как изолированные эпизоды великой битвы конца 1905 г. Для Ленина же «декабрь был естественным и неизбежным завершением *массовых* столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев» ⁴³. Высший подъем революции был временем революционного политического творчества народных масс, когда власть народа была противопоставлена старой власти. Эту особенность развития революции в последние месяцы 1905 г. Ленин никогда не забывал выделять и подчеркивать. Для него вопрос о формах борьбы был неотделим от вопроса об организации сил для борьбы.

Период «вихря» был временем сплочения всех революционных сил, сближения социал-демократии с революционной буржуазной демократией в их совместных действиях против старого порядка, создания их боевого союза. «Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства, — подчеркивал Ленин. — Этот союз был стихийен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего

⁴² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 159.

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 368.

центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старой самодержавии, бесспорен»⁴⁴. Октябрьская стачка, начатая пролетариатом, приобрела всенародный характер. Она оказала влияние на демократические массы города и деревни, втянув ту их часть, которая медленно раскачивалась, в революционное движение несколько позже, в ноябре—декабре.

Составной частью высшего подъема революции в конце 1905 г. было и национально-освободительное движение. Всероссийская политическая стачка, по словам Ленина, объединила «...в героическом подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской». Политические цели стачки, подчеркивал Ленин, «состояли в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола»⁴⁵. Обращаясь к истории революционной борьбы в 1905 г., Ленин использует многочисленные факты ее проявлений в Польше, Прибалтике, Финляндии, на Кавказе и в других национальных районах.

Наряду с общей характеристикой периода высшего подъема первой русской революции, в ленинских работах дается анализ и оценка его самых значительных событий. Историческую ситуацию в октябре 1905 г. Ленин характеризовал как временное равновесие сил, когда самодержавие уже не в силах открыто выступить против революции, а революция еще не в силах победить. В этих условиях царизм отступил и оставил поле сражения за революционным пролетариатом. Революция одержала первую победу. Однако эта победа неполная. Это не капитуляция царизма, а его отступление на новые позиции для того, чтобы выбрать лучший момент для нападения⁴⁶. «Манифест 17-го октября был юридическим выражением этого уравнивания сил»⁴⁷, — констатировал Ленин.

В. И. Ленин очень высоко оценивал октябрьскую всеобщую политическую стачку и даже называл ее революцией. «Октябрьская революция, в связи с последую-

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 2, 62.

⁴⁶ См.: «Всероссийская политическая стачка», «Равновесие сил», «Первая победа революции», заметки к первой и третьей статьям.

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 72.

щими военными восстаниями, — писал он, — до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыленной политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу»⁴⁸. Ленин связывал, таким образом, появление новых органов власти с октябрьской стачкой.

Из сложившегося в октябре и продолжавшегося в ноябре состояния неустойчивости равновесия сил («чашки весов колеблются») с объективной неизбежностью вытекал решительный бой. Либеральной сказкой окрестил Ленин утверждение Мартова, будто 17 октября открыло для России «перспективы» мирной конституции. И в октябре, и в ноябре фактом была гражданская война. «Эта война, — подчеркивал Ленин, — готовилась не субъективной волей партий или групп, а всем ходом событий с января 1905 года»⁴⁹.

В ноябре — декабре 1905 г. крестьянское движение развернулось во всю ширь. Его наивысший подъем совпал с соответствующим подъемом революционной борьбы пролетариата. Характеризуя непосредственную борьбу крестьянских масс, Ленин указывал, что целью восстания должно быть как «...устранение всех и всяких местных властей, с заменой их новыми, народными властями...», так и захват помещичьих земель, с изгнанием их владельцев⁵⁰. В «Докладе о революции 1905 года» он выражал сожаление, что крестьяне тогда уничтожили только пятнадцатую часть дворянских усадеб и не стерли полностью крупное феодальное землевладение в России⁵¹.

В ряде ленинских работ всесторонне проанализированы история и опыт декабрьского вооруженного восстания, которые подвергались фальсификации в либеральной и меньшевистской историографии. Опираясь на источники, Ленин обоснованно опроверг либерально-меньшевистскую версию о декабрьском восстании как столкновении войск с лишь немногочисленными отрядами дружинников. Только поддержка народных масс позволила дружинникам оказывать эффективное сопротивление правительственным войскам. Взаимодействие вооруженной борьбы дружинников и невооруженных рабо-

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 126.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 367.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 319.

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 322.

чих масс, участвовавших в стачках, демонстрациях, митингах, постройке баррикад, составляло характерную черту декабрьского восстания, придавало ему размах и превращало его в широкое народное движение.

Партия большевиков в 1905 г. проделала огромную работу по организации боевых рабочих дружин. Однако этих сил у революции было все еще недостаточно. «Столичные Советы рабочих депутатов, — указывал Ленин, — пали потому, что у них не хватило прочной опоры в боевой организации пролетариата»⁵². Другим источником пополнения революционной армии являются переходящие на сторону восставшего народа части правительственных войск. В «Уроках московского восстания» Ленин признавал: «Мы не сумели использовать имевшихся у нас сил для такой же активной, смелой, предприимчивой и наступательной борьбы за колеблющееся войско, которую повело и провело правительство»⁵³. История революции 1905—1907 гг., как и история Парижской Коммуны, по выражению Ленина, «...дает нам непреложный урок, что милитаризм никогда и ни в коем случае не может быть побежден и уничтожен каким-либо иным способом, как только победоносной борьбой одной части народной армии против другой ее части»⁵⁴. Вообще взаимосвязь уроков 1905—1907 гг. и уроков Парижской Коммуны можно встретить у Ленина часто. И это не случайно. До всемирно-исторических событий 1917 г. Ленин видел в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 г. «величайшие движения пролетариата после Коммуны»⁵⁵.

История «думского периода» в трудах В. И. Ленина. Показателем силы подъема и степени спада революции для Ленина служило отношение масс к призывам и лозунгам революционеров. Он обращал внимание на то, что лозунги революционеров в 1905 г. всегда находили отклик в массах. Более того, революционные действия часто опережали призывы к ним. Об этом свидетельствует и 9 января, и массовые стачки после него, и восстание на броненосце «Потемкин». Такого революционного призыва, «...который бы массы встретили пассивно, молчанием, отказом от борьбы, не было в 1905 году». Выделяя «не было в 1905 году», Ленин делает на этом

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 168.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 373.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 319.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 50.

особый акцент. В период же спада революции «...целый ряд призывов систематически оказывался не встречающим отклика в массах»⁵⁶. К ним Ленин относил бойкот выборов в I Думу, призывы к активной борьбе в ответ на разгон I и II Дум. Даже призывы посредством революционного действия, какими были выступления солдат и матросов в мае—июне 1907 г., не нашли массовой поддержки.

Спад революции В. И. Ленин объяснял не только поражением декабрьских вооруженных восстаний, неравномерностью развития революционного рабочего движения и неустойчивостью его отдельных отрядов (фабрично-заводские рабочие сельской местности, рабочие мелких предприятий)⁵⁷, но и распространением конституционных иллюзий во второй период революции. Имея их в виду, он часто пользовался такими определениями, как «конституционный», «думский», «кадетский» период. Применяя подобные выражения, Ленин отнюдь не ставил под сомнение гегемонию пролетариата в 1905—1907 гг.⁵⁸ Для него важно было подчеркнуть, что конституционные иллюзии угрожают гегемонии пролетариата, поскольку она — следствие не одних объективных условий, поскольку «...колебания мелкобуржуазного народа... показывают тяжелое и трудное развитие революции...»⁵⁹. Ленинские оценки роли пролетариата во второй период революции принципиально противостояли меньшевистским утверждениям о полном истощении его сил и утере им гегемонии. Меньшевики и кадеты обвиняли большевиков в том, что они «...форсируют, т. е. подхватывают, искусственно взвинчивают движение, что они разжигают движения, *заведомо* безнадёжные»⁶⁰. Отвергая эти оппортунистические рассуждения, Ленин указывал, что развитие революционного сознания, активности и требовательности масс большевиками ничего общего не имело с «форсированием» рабочего движения ни в 1905, ни в 1906—1907 гг.

Революционный подъем весной—летом 1906 г. был столь значительным, что даже вселял надежду на про-

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 12, 22.

⁵⁷ Эти явления В. И. Ленин проанализировал в работе «О статистике стачек в России».

⁵⁸ Подробнее см.: Волин М. С. и др. О гегемонии пролетариата в первой русской революции. — История СССР, 1973, № 4.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 279.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 58.

должение восходящей линии революции. Вторая четверть 1906 г., в оценке В. И. Ленина, обозначила внепарламентскую деятельность народных масс как реальную «линию борьбы». Этот ленинский вывод обосновывался ростом стачечного (число участников экономических забастовок поднимается с 73 тыс. до 222 тыс., а политических — со 196 до 257) и крестьянского движения, военными восстаниями на Балтике⁶¹. Свеаборг и Кронштадт явились завершением, по выражению Ленина, солдатских и крестьянских «бунтов»⁶². Лишь после их подавления реакция переходит в решительное наступление, водворяя военно-полевые суды, отнимая по частям избирательные права и, наконец, идя на третьеиюньский переворот.

Анализируя статистические данные, Ленин выявил особенности, присущие рабочему движению 1906—1907 гг., и определил его значение в общем ходе развития революции. В 1906 г. стачечное движение в промышленных губерниях после напряженной борьбы в период подъема пошло на убыль. В то же время повысился процент рабочих, участвовавших в стачках, в непромышленных губерниях. Наибольшее снижение уровня стачечного движения наблюдается у металлистов, которые в 1906 г. не проявили боевой активности. Текстильщики же в 1906 г. держатся стойко; и число забастовщиков уменьшилось у них всего в два раза по сравнению с предыдущим годом. В 1906 г. упадок стачечного движения носил повсеместный, но неравномерный характер.

В 1907 г. картина меняется. Стремясь приостановить отступление, авангард пролетариата вновь поднимается на борьбу. Повышается процент участников стачек в промышленных губерниях. В забастовках преимущественно участвуют рабочие крупных предприятий, среди которых, как и в 1905 г., почетное место принадлежит металлистам. Авангард пролетариата начал революцию, и он же ее заканчивает⁶³. В. И. Ленин высоко оценивал двукратный подъем рабочего движения весной—летом 1906 г. и весной 1907 г.

Во второй период революции, как установил Ленин, при общем снижении стачечного движения число эко-

⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 370.

⁶² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 305.

⁶³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 381—382.

номических стачечников уменьшилось быстрее, нежели политических. Это свидетельствовало о слабости движения в 1906 и особенно в 1907 г., так как экономическая борьба служит широкой и прочной базой для борьбы политической. С другой стороны, замедленное падение числа политических стачечников указывает на то, что передовые слои пролетариата с наибольшей энергией сопротивляются наступлению реакции и сами переходят к контрн наступлению⁶⁴.

«Два года революции, — писал В. И. Ленин, — с осени 1905 г. до осени 1907 года, дали громадный исторический опыт относительно крестьянского движения в России, характера и значения крестьянской борьбы за землю». Говоря о крестьянском движении, Ленин выделял два (разумеется, переплетающихся) направления в нем. Одно «...в смысле непосредственной борьбы крестьянских масс против помещиков...», другое — «...в смысле хоть сколько-нибудь свободного выражения крестьянских требований в собраниях народных представителей»⁶⁵. Неизбежность внедумских выступлений, неизбежность новых классовых битв определялась тем, что удовлетворение крестьянских требований нельзя было осуществить через Думу.

В отличие от лидеров непролетарских партий Ленин никогда не отводил Думам роль арены, где якобы решаются судьбы революции. Он утверждал, что «...в силу объективных исторических условий, не зависящих от нашей воли, *главной* формой освободительного движения в России в настоящее время *не* может стать парламентская борьба»⁶⁶. Характерной особенностью ленинских статей, посвященных думской жизни, является совмещение в большинстве из них двух планов: собственно думского и другого, связывающего думские вопросы с принципиальными вопросами развития революции.

История «думского периода» рассматривается В. И. Лениным с точки зрения борьбы различных политических сил за тот или иной исход революции. В центре внимания Ленина находятся деятельность политических партий, их программные документы и тактика. В ленинских работах раскрывается классовая сущность непролетарских политических партий в России, дается

⁶⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 397—398.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 195.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 195.

обстоятельный анализ их тактики в годы первой российской революции. Именно тактика партий и борьба за конкретные требования, а не широковещательные лозунги, отражающие либеральные или народнические иллюзии, помогают определить реальное содержание их политики. Так, анализ тактики кадетов и борьбы народнических партий, в первую очередь трудовиков в Думах, обосновывают ленинский вывод о прогрессивности трудовиков и эсеров по сравнению с кадетами. Анализ тактики меньшевиков обосновывает ленинский вывод о том, что «...из неверных основ меньшевистской тактики действительно развилась исторически политика зависимости от либералов»⁶⁷.

Событиями большой важности Ленин считал образование Трудовой группы и проект 104-х. Трудовики с наибольшей полнотой выразили интересы, чаяния и психологию крестьянства. Именно благодаря им и вопреки кадетам I Дума стала революционным парламентом, как ее определил Ленин, отметивший одновременно и ее абсолютное бессилие⁶⁸.

В начале 1907 г. состоялись выборы во II Думу, в которых приняли участие все политические партии России. Эти выборы свидетельствовали об успехах «левого блока» в городах и успехах трудовиков в деревне. «Левый блок стал фактом, — констатировал Ленин. — Гегемония революционного пролетариата стала фактом». Кадеты потерпели на выборах крушение: «...Гегемония кадетов над мелкобуржуазной городской демократией, — писал Ленин, — несомненно, серьезно подорвана на выборах во вторую Думу»⁶⁹. II Дума оказалась более левой, чем первая.

Главным в истории I и II Дум В. И. Ленин считал борьбу либералов с трудовиками и социал-демократами и полный крах либерализма, так и не сумевшего «приручить» мужика. Подводя итог аграрным прениям во II Думе, Ленин отмечал, что самое ясное понимание своих классовых интересов обнаружили помещики, тогда как либералы, по существу, играли им на руку; что крестьяне в Думе проявили стихийную революционность, но не вполне отчетливо понимали политические условия борьбы за землю; что социал-демократы реши-

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 371.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 370.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 369, 407.

тельно защищали дело крестьянской революции, однако вследствие ошибочности меньшевистских взглядов по аграрному вопросу, получивших одобрение на IV съезде РСДРП, не были в состоянии последовательно руководить крестьянской борьбой⁷⁰.

В советской историографии достаточно полно раскрыты сущность и содержание ленинских оценок исторического значения первой народной революции в России, причин ее поражения и ее уроков. Основными, коренными, краеугольными вопросами в оценке революции 1905—1907 гг. Ленин считал вопрос о классовых силах, которые двигали вперед революцию, стремились сделать ее победоносной, и вопрос о формах борьбы масс, которые были выдвинуты в ней⁷¹. С выяснением этих двух вопросов и связано понимание первой русской революции как генеральной репетиции Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций.

III. ЛИКВИДАТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Отрицание гегемонии пролетариата меньшевиками. Двум тактикам в российском рабочем движении вообще и в революции 1905—1907 гг. в частности соответствовали два мировоззрения, одно из которых характеризовалось творческим развитием марксизма в трудах Ленина и его соратников, а другое — отходом от основных принципов марксистского анализа исторической действительности в меньшевистской литературе. Несовместимость этих двух мировоззрений, этих двух противостоящих друг другу концепций революции в России признавали и меньшевики. Эта мысль, например, настойчиво звучала в докладе А. Мартынова о современном моменте и классовых задачах пролетариата на IV съезде РСДРП. «Мы, меньшевики и большевики, — говорил Мартынов, — прежде всего расходимся в критериях, в теоретическом представлении о ходе революции и потому мы неизбежно должны были различно оценить уроки прошлых событий»¹. На V съезде РСДРП бундовец Гроссер отме-

⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 402.

⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 42.

¹ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, с. 193.

чал, что большевизм и меньшевизм — это два существующих теоретических направления, обусловленных реальными факторами российской жизни. В подобном же духе на этом съезде высказался и Абрамович².

Ленинское понимание движущих сил буржуазно-демократической революции в России, роли различных классов определяло политические задачи социал-демократии, ее тактику и ее лозунги, четко ставило вопросы размежевания с меньшевиками. В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции», а также в других работах В. И. Ленин, рассматривая и анализируя историю разногласий между большевиками и меньшевиками выделял три взаимосвязанных вопроса: о гегемонии пролетариата, союзе пролетариата и крестьянства и революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. В них получала концентрированное выражение ленинская концепция буржуазно-демократической революции в России. «Суть спора между обоими крыльями русской социал-демократии, — подчеркивал Ленин, — лежит в решении, признавать ли гегемонию либералов, или стремиться к гегемонии рабочего класса в буржуазной революции»³. Признание гегемонии пролетариата или гегемонии буржуазии служило Ленину критерием для определения типа направления политической мысли⁴.

Но вопрос о гегемонии пролетариата был неотделим от того, движение каких классов и социальных слоев возглавляет пролетариат. Без этого определения вопрос лишался содержания. Гегемония была невозможна без союза пролетариата и крестьянства. В свою очередь, разъяснял Ленин, «...коалиция пролетариата и крестьянства», одерживающая *победу* в буржуазной революции, и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Это положение есть исходный пункт тактических разногласий внутри с.-д. во время революции. Только приняв его во внимание, можно понять все частные споры (по вопросу о поддержке кадетов вообще, о левом блоке и его характере и т. д.) и столкновения по отдельным случаям. Только в этом основном тактическом разногласии, отнюдь не в «боевизме» или «бойко-

² См.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963, с. 143, 393.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 45.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 88.

тизме», как думают иногда несведущие люди, заключается *источник* расхождения большевиков и меньшевиков в первый период революции (1905—1907 годы)»⁵. В гегемонии пролетариата и союзе пролетариата и крестьянства проявилось взаимоотношение движущих сил первой российской революции 1905—1907 гг.

И большевики и меньшевики, считая первую российскую революцию буржуазной по своему социально-экономическому содержанию, делали принципиально различные выводы о ее типе и о роли разных классов в ней. Меньшевики, как и кадеты, расстановку политических сил в России представляли в виде двух лагерей — правительственного и общенационального оппозиционного, а не трех — революционного, либерального и правительственного, в чем заключалась особенность освободительного движения. Не учитывая изменений в политической позиции буржуазии, роста сознательности и организованности рабочего класса, а также конкретных условий российской действительности, меньшевистские идеологи видели в буржуазии ведущую силу революционного движения, как это было в западноевропейских буржуазных революциях.

Соответственно, поскольку руководящая роль в революции принадлежит буржуазии, революционные потенции рабочего класса преуменьшались, а его возможность возглавить общенародное движение в борьбе против самодержавия ставилась под сомнение. Квинтэссенцией меньшевистских взглядов на движущие силы буржуазной революции в России была брошюра А. Мартынова «Две диктатуры». В этом, по выражению Ленина, «образцово-хвостистском произведении»⁶ проводилась мысль о том, что всякое отчуждение буржуазии от революционного движения приведет к ослаблению размаха революции. Критический разбор основных положений брошюры Мартынова дается в ряде ленинских работ, написанных весной и летом 1905 г. Столь частое обращение к «мартыновской» постановке вопроса, отрицавшей гегемонию пролетариата в русской революции и тем самым возводившей в идеал, по образцу либералов, не доведенную до конца буржуазную революцию, вызывалось тем, что эта постановка вопроса, по существу,

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 44—45.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 20.

совпадала с освободительской политической позицией⁷.

В сугубо ликвидаторском духе освещалась история революции 1905—1907 гг. в таких меньшевистских изданиях, как «Общественное движение в России в начале XX века» и «Борьба общественных сил в русской революции». Вышедшая в четырех выпусках «Борьба общественных сил в русской революции» посвящена одной проблеме — роли классов в революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин внимательно проанализировал эту меньшевистскую работу, о чем свидетельствуют его неоднократные упоминания о ней в статьях и сохранившийся экземпляр третьего выпуска с ленинскими пометками, цифровыми вычислениями, подчеркиваниями и отчеркиваниями⁸. Особое возмущение Ленина вызвал написанный Череваниным и переведенный на немецкий язык выпуск «Пролетариат в революции».

Основные положения о роли пролетариата в революции 1905—1907 гг., развиваемые Череваниным, призваны были доказать ликвидаторский вывод о том, что борьба пролетариата приводила к успеху только в тех случаях, когда она сочеталась с движением либеральной буржуазии, получала ее поддержку. Российский пролетариат предстает в изображении Череванина как масса с низким уровнем классовой сознательности и организованности. Особенно преуменьшался этот уровень при характеристике московских рабочих, показавших образцы сознательности и организованности в декабре 1905 г. Революционное движение пролетариата, в меньшевистском восприятии Череванина, носит стихийный характер, протекает «совершенно независимо от воли, от тех или других планов социал-демократии». Ликвидатор обвиняет социал-демократию в том, что она находилась во власти той иллюзии, «что партия уже является признанным идейным выразителем пролетариата и может говорить от его имени». По мнению Череванина, которое он тщетно стремится обосновать искажающими историю революции ссылками на 9 января и 1 мая 1905 г., на декабрьское восстание и стачечное движение 1906 г., дело обстоит наоборот: «...социал-демократия не владела еще пролетариатом, она не была еще его настоящим

⁷ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 119—120.

⁸ См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 211.

идейным вождем»⁹. А коль так, и здесь сказывается вовсю ликвидаторство Череванина, социал-демократия не имела права брать на себя организацию выступлений рабочих масс и тем более восстания. Ошибки социал-демократии и пролетариата Череванин видит и в борьбе за 8-часовой рабочий день (это оттолкнуло буржуазию), и в том, что пролетариат пошел на восстание, а не сделал ставку на Думу. Пролетариат оказался неспособным к гегемонии в революции — таков конечный итог рассуждений меньшевика.

В том же духе излагалась история борьбы российского пролетариата в 1905—1907 гг. в меньшевистском труде «Общественное движение в России в начале XX века». Его авторы также преуменьшали уровень классовой сознательности пролетариата, утверждая, будто, «сильно пропитанный мещанскими и крестьянскими элементами, он отвергал все, что выходило из кругозора этих общественных групп, внешний радикализм которых соответствует их социальной ограниченности». Победа в октябре 1905 г. противопоставлялась поражению в декабре. Успех всероссийской октябрьской стачки, по мнению меньшевиков, объяснялся тем, что в ней приняли широкое участие непролетарские слои населения, и это сделало движение победоносным. Участие же пролетариата «в октябрьском движении лишь придавало ему более агрессивный характер и радикализировало его требования. В декабрьские дни произошла самоизоляция пролетариата в буржуазной революции»¹⁰ в силу разрыва между его передовой частью и остальной массой населения страны.

Уже в декабре 1905 г. в № 4 «Дневника социал-демократа» Г. В. Плеханов противопоставил «успех» Октябрьской всеобщей политической стачки «неудаче» декабрьского вооруженного восстания. «Несвоевременно начатая политическая забастовка, — писал Плеханов, — привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И, все-таки, его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть.

⁹ Череванин. Пролетариат в революции. М., 1907, с. 16—19, 20, 27, 30—31, 37, 54, 105.

¹⁰ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909, т. II, ч. 2, с. 226, 235.

А потому не нужно было браться за оружие»¹¹. Плехановская позиция не раз подвергалась критике В. И. Лениным¹². Так, Ленин писал о том, что «...восстание было необходимым отпором отнятию свобод, что оно подняло все движение на высшую ступень и доказало возможность борьбы с войском»¹³. Неоднократно он указывал на то, что период октября—декабря 1905 г. был периодом революционного творчества народных масс.

Обоснованию тезиса о том, что в декабрьском восстании пролетариат как масса не выступал, был посвящен меньшевистский сборник документов и материалов «Москва в декабре 1905 года». Характеризуя этот сборник, вышедший в 1906 г., В. И. Ленин показал, что интереснейший, несмотря на его неполноту, материал фальсифицируется и используется для выводов, которые должны подтвердить меньшевистскую оценку восстания¹⁴. Как в сборнике «Москва в декабре 1905 года», так и в «Общественном движении в России» упор делался на то, что восстание якобы организовали и проводили не пролетарские массы, а немногочисленные дружинники. Причем боевые дружины были не более чем «чужеродный нарост» на рабочем движении¹⁵.

Уроки октябрьско-декабрьских дней, по мнению меньшевиков, будто бы показали, что «пролетариат может явиться самой крупной силой освобождающегося буржуазного общества, но не может взять на себя бремя совершения революции за это общество»¹⁶.

Рассмотрим оценку причин поражения декабрьского вооруженного восстания у Ленина и Мартова. По Л. Мартову, «... общественный кризис, являющийся по историческому содержанию буржуазным, может увенчаться победой над старым порядком лишь при условии, что сформируется и в центре движения станет буржуазная демократия». Поэтому исход октябрьских и декабрьских событий «был предопределен»¹⁷. Для В. И. Ленина по-

¹¹ Плеханов Г. В. Соч., Л., 1926, т. XV, с. 12.

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 176—179, 213—215, 276, 342; т. 13, с. 22, 25, 49, 371, 406.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 342.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 369, 388—392.

¹⁵ См.: Общественное движение в России в начале XX века, т. II, ч. 1, с. 24.

¹⁶ Отзвуки. СПб., 1907, с. 6.

¹⁷ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1913, т. III, с. 610.

ражение декабрьского вооруженного восстания явилось следствием не объективных условий, а субъективных причин¹⁸. Исход декабрьского вооруженного восстания, указывал В. И. Ленин, не «был predetermined», как утверждали меньшевики. Точно так же по-разному оценивали Ленин и Мартов стачки 1906—1907 гг. Мартов считал, что они были «безумны», «несвоевременны» и являлись «слабой стороной движения». Полемизируя с ним, В. И. Ленин доказывал, что если бы пролетариат не подымался еще дважды, в 1906 и 1907 гг., для нового натиска на самодержавие, то государственный переворот произошел бы значительно раньше и поражение было бы еще сильнее. «Вот этого значения революционной борьбы масс, — подводил итоги критике меньшевизма В. И. Ленин, — абсолютно не понимает Мартов»¹⁹. Ленинское учение о значении революционной борьбы для поступательного движения общества вперед направлено против исторического фатализма, пронизывающего меньшевистскую концепцию русской революции.

Передовая роль пролетариата в революции, утверждали меньшевики, будто бы имела место только в 1905 г. и была вызвана тем, что русская либеральная буржуазия не проявила достаточной организованности²⁰. После декабрьского поражения вся энергия рабочих сосредоточилась на организации профессиональных союзов, а партизанские действия населения являлись симптомом разложения революции²¹.

Говоря о меньшевистской оценке роли пролетариата в революции 1905—1907 гг., Ленин писал: «... духом отречения от революции веет от статей Череванина, от Потресова, от всего «Общественного движения»... Череванин, Потресов и «Общественное движение» = отречение от революции с оговорочками»²². В работе «О статистике стачек в России» Ленин показал, как статистика, давшая для декабря 1905 г. максимум числа чисто политических стачек, опровергла взгляды Череванина (и либералов), видевших в декабрьском подъеме эле-

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 366—377.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 370.

²⁰ См.: Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы, с. 195—197, 214; Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы, с. 73.

²¹ См.: Общественное движение в России в начале XX века, т. II, ч. I, с. 179; ч. 2, с. 337.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 145.

мент «искусственности» и утверждавших, будто соединение экономической и политической стачки было «слабой стороной движения»²³. Таким образом, череванинская оценка роли пролетариата в революции 1905—1907 гг. не только извращала марксистскую, но и искажала фактическую основу истории революции.

Не гегемония, а «изоляция» пролетариата, по мнению меньшевиков, характеризовала революцию 1905—1907 гг. Игнорируя влияние рабочего движения на крестьянство, Дан писал о пролетариате: «Он один стоял на политической арене в качестве борца»²⁴. Пролетариат не в состоянии повести за собой мелкобуржуазную Россию, утверждали меньшевики.

Поиски буржуазной демократии, могущей возглавить революцию и противопоставить свое влияние влиянию пролетариата, заменить его на авансцене освободительной борьбы, как любили выражаться меньшевики, составляет сердцевину статей Л. Мартова, А. Мартынова, Ф. Дана и других лидеров оппортунизма, которые печатались в различных журналах и сборниках. В этом отношении особенно примечательна полемика Л. Мартова с К. Каутским по вопросу о характере и движущих силах буржуазной революции в России, которая, по существу, направлена против ленинских взглядов. В центре группировки общественных сил, по Мартову, должна находиться «буржуазная демократия». Эту «буржуазную демократию» прежде всего представляют «новые средние слои» городского населения, «платные интеллигентные работники». Мартов обвинял Каутского в том, что он игнорирует данный слой городского населения, который выступает «подобно старой мелкой буржуазии» и «перекидывает мост между либерально-помещичьим либерализмом и пролетарским движением». Именно благодаря этому слою, утверждал Мартов, возможна «коалиция взаимно враждебных социальных классов в борьбе с общим врагом...». А что коалиция с торгово-промышленной буржуазной реальна, Мартов не сомневался. Торгово-промышленная буржуазия хотя и не является активно борющейся силой, но, как оценивал ее Мартов, все же играет «роль силы, содействующей революции...»²⁵. Решающей же силой революции выступает

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 396—401.

²⁴ Отзвуки, с. 6.

²⁵ Отклики. Апрель (II). СПб., 1907, с. 15, 12.

«класс мелких производителей», который составляет большинство народа. Мартов заявлял, что «в этом смысле можно говорить о мелкобуржуазном характере русской революции», или, что для Мартова одно и то же, о «демократической революции». Так весь ход рассуждений Мартова приводит к тому, что «демократическая революция» в его понимании не отличается по своему типу от западно-европейских буржуазных революций. Не случайно Мартов находит для революции в России аналогию в революциях 1830 и 1848 гг. во Франции, предвещая ей тот же исход, что имел 1848 год. Подобные же мысли пронизывали статью Мартынова «Старые схемы и современная действительность». Мартынов, следуя приверженности меньшевистской историографии к шаблонам, утверждал: старые схемы правильны, их подтверждали события 1905—1907 гг.²⁶

Все рассуждения Мартова были направлены против ленинского положения о том, что по мере развития революции происходит сближение пролетариата с крестьянством, а буржуазии — с царизмом. Ведущим процессом и в то же время результатом революции, по Мартову, является формирование «буржуазной демократии», которое знаменуется союзом радикальных элементов городской буржуазии (а они количественно увеличиваются) с осознающими буржуазное содержание своего движения крестьянскими массами. Отсутствие такого союза в 1905 г., согласно взглядам Мартова, поставило во главе освободительного движения пролетариат, который не мог в силу своих особых классовых интересов объединить массы под «социалистическим знаменем». Историческую миссию «общенационального вождя» призвана выполнить «буржуазная демократия», и больше никто. Но революция 1905—1907 гг. не получила своевременно «настоящего» вождя, так как организация «буржуазной демократии» происходила медленно, с большим запозданием. Не может быть буржуазной революции, не возглавляемой буржуазией, — с этого тезиса начинал Мартынов в январе 1905 г. и им же кончал свой анализ расстановки движущих сил в революции Мартов незадолго до третьеиюньского переворота.

Итак, меньшевики вынуждены были констатировать,

²⁶ См.: Отголоски. Сб.: Апрель. СПб., 1907, с. 65—66; Отклики современности, 1906, № 2 (16 апреля), с. 3—27; № 3 (5 мая), с. 3—19.

что либеральная буржуазия оказалась неспособной к революционным действиям. Тем не менее они пытались доказать, что даже торговая и промышленная буржуазия «далека, по-видимому, от перехода к явной или замаскированной реакции»²⁷. Таким образом, прогрессивная роль буржуазии в русской революции не признавалась оконченной и исчерпанной.

Крестьянская буржуазная революция, в ленинском понимании, характеризуется не только новой ролью в ней крестьянства, но и новой ролью в ней пролетариата, без руководства которого крестьянство не в состоянии добиться успеха. Эту взаимосвязь рабочего и крестьянского движения в едином революционном процессе отрицали меньшевики. Плеханов и другие меньшевики рассматривали крестьянство как исконную опору самодержавия²⁸. «Когда крестьянин требовал отобрания земли у помещиков, — заявлял Плеханов, — и даже когда он сам принимался отбирать ее, он вел себя не как революционер, а, напротив, как самый убежденный охранитель: он охранял ту аграрную основу, на которой так долго держался весь общественно-политический строй России»²⁹.

Меньшевики противопоставляли буржуазию и пролетариат классам старого общества — дворянству и крестьянству. Будучи экономическими врагами, буржуазия и пролетариат, рассуждали меньшевики, должны выступать в революции как политические союзники, обоюдно заинтересованные в уничтожении самодержавия³⁰. Крестьянское движение изображалось в меньшевистских работах зачастую всего лишь в виде «примитивной экономической революции», а само крестьянство именовалось классом, «лишенным политического развития, общественной ориентировки»³¹. Крестьянские бунты хотя и усиливают революцию, но из народническо-трудовического «социализма» может вырасти «бонапартистский, плебисцитарный, демагогический монархизм»³². Отмечая наличие глубоких разногласий в понимании историче-

²⁷ Отклики. Апрель, (II), с. 12.

²⁸ См.: Плеханов Г. В. Соч., т. XV, с. 31—40, 67—76, 439—440; т. XX, с. 68—84, 106—115; Меч В. Социальная закономерность революции. — В кн.: Итоги и перспективы. М., 1906; и др.

²⁹ Плеханов Г. В. Соч., т. XX, с. 112.

³⁰ См., напр.: Плеханов Г. В. Соч., т. XV, с. 120, 284.

³¹ Меч В. Силы реакции. М., 1907, с. 24—26.

³² Отголоски. Сб. V. СПб., 1907, с. 16.

ской роли крестьянства, авторы «Общественного движения в России...» стояли на той точке зрения, что перевес в крестьянской борьбе «вплоть до коренного преобразования экономического и политического строя страны имеют и будут иметь моменты, свойственные прошлому феодально-полицейскому обществу, а не нарождающемуся буржуазному»³³.

Недооценка революционной роли крестьянского движения в подрыве основ самодержавной России явственно проступает во всех рассуждениях меньшевиков. Попытки меньшевиков противопоставить интересы буржуазного развития страны интересам крестьянских масс многократно разоблачались В. И. Лениным. Так, например, в статье «Сила и слабость русской революции» он писал: «Только непонимание задач и сущности буржуазной революции порождает рассуждения вроде следующих: «Она (наша революция) в последнем счете порождена не интересами крестьян, а (??) интересами развивающегося буржуазного общества» или «эта революция буржуазная и *потому* (!!??) она не может идти под крестьянским знаменем и руководством» («Народная Дума», № 21, от 4 апреля). Выходит, что крестьянское хозяйство в России стоит на какой-то иной, не на буржуазной, почве! Интересы крестьянской массы это и есть интересы самого полного, быстрого и широкого «развития буржуазного общества», развития «американского», а не «прусского»³⁴.

Один из узловых пунктов меньшевистской концепции заключался в противопоставлении «прогрессивной» буржуазии крестьянству. Так, в выступлениях меньшевиков на V съезде РСДРП преувеличивалась роль буржуазии и недооценивалась роль крестьянства в первой русской революции. Правда, определенные коррективы в первоначальную меньшевистскую схему буржуазной революции были внесены, но они не выходили за рамки догматических представлений. Например, Мартынов, признав большую революционность крестьянства по сравнению с городской средней и мелкой буржуазией, тут же заявлял, что «...в современном русском крестьянстве наряду с революционными имеются и такие реакционные социальные и политические тенденции, которых нет у город-

³³ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909, т. I, с. 233.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 228.

ской буржуазной демократии...». Абрамович, оценивая роль, которую сыграли в революции буржуазия и крестьянство, говорил: «...не так давно было время, когда эта самая к.-д. буржуазия была гораздо прогрессивнее крестьянства. Да и сейчас, по целому ряду вопросов, культурному и политическому воспитанию, городская буржуазия ближе нам, чем стихийно-революционное темное крестьянство»³⁵.

Отвечая на поставленный меньшевиком Кольцовым вопрос, «кто скорее будет поддерживать все меры, клонящиеся к свободному развитию производительных сил?»³⁵, В. И. Ленин анализировал экономическое содержание политики кадетов и трудовиков³⁷. Экономическое положение крестьянства, борющегося за землю и за ликвидацию пережитков крепостничества в деревне, толкает его и к уничтожению помещичьего землевладения, и к полной демократизации политических отношений, без чего невозможно осилить помещиков. В силу этого крестьянство не может не быть прочным и надежным союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции. Победа крестьянской демократии и конфискация помещичьих земель создали бы благоприятные условия для развития производительных сил в России.

В работах Б. Веселовского, В. Горна, П. Маслова, Н. Саваренского и других меньшевистских или близких к ним по взглядам авторов довольно подробно, с использованием большого статистического материала и документальных данных описано крестьянское движение 1905—1907 гг.³⁸ В целом эти работы отличаются фактографичностью, в них значительное внимание уделяется формам крестьянского движения и географии крестьянских выступлений в 1905—1907 гг. В них можно найти немало признаний выдающегося значения крестьянского движения в первой российской революции. «Экономическая кабала и политическое рабство деревни, — пишет, например, Вл. Горн, — основные причины русской ре-

³⁵ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы, с. 379, 394.

³⁶ Кольцов Д. Кадеты и буржуазная демократия. — Русская жизнь, 1907, № 49, 27 февраля (12 марта).

³⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 74—77.

³⁸ См.: Веселовский Б. Крестьянские бунты. СПб., 6/г; его же. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902—1906). СПб., 1907; Маслов П. Аграрный вопрос в России. СПб., 1908.

волюции. Правда, деревня не инициатор революции, но если бы крестьянство не вовлекалось в движение, то революции уже давно бы не было»³⁹.

Меньшевистские историки справедливо отмечали, что «либеральным землевладельцам не удалось достигнуть сколько-нибудь заметного слияния с крестьянством»⁴⁰. Однако они отрицали воздействие пролетариата на крестьянское движение. Распространенный в советской историографии тезис о недооценке меньшевиками революционных возможностей крестьянства совершенно правилен, но нуждается в конкретизации. Дело не в том, что меньшевики недооценивали размах и силу крестьянского движения. Они (и это главное) не признавали, что в революции 1905—1907 гг. сплачивался союз пролетариата и крестьянства, не верили в возможность одновременных совместных действий двух классов. По существу, ими обосновывалось положение о «параллельных» революциях в 1905—1907 гг. — городской и крестьянской.

Поскольку крестьяне являются мелкими собственниками, догматически рассуждали меньшевики, они в перспективе найдут себе союзников в лице мелкой городской буржуазии. Городское «новое среднее сословие» и станет во главе общенационального движения, приобретая массовую социальную опору в крестьянстве. Так, место либеральной буржуазии, которая уже не может олицетворять буржуазную демократию, займет новообразованная социальная сила. «Банкротство либерализма» приводит «не к переходу крестьянства в социалистический лагерь, а к усилению значения буржуазной демократии как «движущей силы» русской революции». Этим и разрешается «кажущееся противоречие» буржуазной революции без буржуазии»⁴¹. Как явствует из вышеприведенных рассуждений меньшевиков, они возлагали свои надежды на то, что «внутри либерально-демократического движения городов произойдет отделение мелкобуржуазного радикализма от либерализма крупной буржуазии»⁴².

В ряде статей («Опыт классификации русских поли-

³⁹ Саваренский Н., Марев П., Горн Вл. Крестьянство и революция. М., 1907, с. 139.

⁴⁰ Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России, с. 57.

⁴¹ Отклики. Апрель (II), с. 17.

⁴² Отголоски. Сб. IV. СПб., 1907, с. 66.

тических партий» и др.) В. И. Ленин дал классовый анализ политических партий в России, сопровождая его критическим разбором взглядов Мартова, Плеханова, Череванина и других меньшевистских публицистов. Характеризуя брошюру Мартова о политических партиях⁴³, Ленин указывал, что автор ее дает «...совершенно неверную, немарксистскую классификацию наших политических партий и обнаруживает основную ошибку меньшевизма, относя партии типа октябристов к партиям «центра»⁴⁴. Партией «центра», полемизировал с меньшевиками Ленин, являются не октябристы, а кадеты. В отличие от меньшевиков В. И. Ленин рассматривал роль каждой политической партии в России исторически конкретно, поэтапно, применительно к вехам и фазам первой русской революции.

В качестве важнейшей задачи Ленин выдвигал требование «...все внимание направить на точное, выведенное из *данных истории* нашей революции, различение либерально-монархической и революционно-демократической буржуазии, на различие между кадетами, энесами и эсерами, если говорить конкретнее»⁴⁵. Это было чрезвычайно важно, так как меньшевики объявляли кадетов и энесов объективно прогрессивнее эсеров и трудовиков и отдавали предпочтение аграрной программе кадетов, которая выражала интересы капиталистического развития, так как программа трудовиков якобы представляет выражение интересов «реакционного крестьянского социализма»⁴⁶. Теоретический источник ошибочной оценки меньшевиками народнических партий В. И. Ленин видел в непонимании проблемы двух возможных путей капиталистического развития сельского хозяйства.

Меньшевики, разумеется, не могли совершенно не видеть характерных для первой русской революции новых явлений, а именно: ведущей роли пролетариата в революции, неожиданной для них революционности крестьянства, неспособности и нежелания либеральной буржуазии «быть с революцией». Однако эти факты-тенденции не связывались ими с новой исторической эпохой, а получили ошибочную трактовку в рамках старой схемы,

⁴³ См.: Мартов Л. Политические партии в России. СПб., 1906.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 43.

⁴⁵ Там же, с. 78.

⁴⁶ Отголоски. Сб. V, с. 20.

которая служила теоретическим обоснованием оппортунистической идеологии.

Будучи выразителями мелкобуржуазных взглядов, меньшевики рьяно выступали против гегемонии пролетариата. Измена либеральной буржуазии своим собственным революционным задачам, незрелость буржуазной демократии «возложила непосильное бремя на плечи пролетариата» — «одному, исключительно своими силами» двигать вперед буржуазную революцию⁴⁷. Поражение революции «предопределено изолированностью пролетариата и отсутствием организованной демократии»⁴⁸. Само по себе признание пролетариата «главным двигателем революции» (но, заметим, не гегемоном) не означало ни в коей мере отказа меньшевиков от старой схемы. Как «пояснил» Ю. Ларин, «... события у нас развиваются, хотя и в других, гораздо более запутанных формах, но по тому же шаблону (в смысле роли пролетариата), как в свое время в Западной Европе»⁴⁹.

Основной причиной поражения первой русской революции меньшевики считали раскол «общенационального движения», непрочность коалиции взаимновраждебных, как выражался Л. Мартов, классов (буржуазия, пролетариат, крестьянство) в борьбе с самодержавием. Эта непрочность коалиции была якобы следствием отчуждения от революции либеральной буржуазии из-за переоценки пролетариатом своих сил, приверженности его к крайним формам классовой борьбы, таким, как вооруженное восстание, осуществление явочным порядком введения 8-часового рабочего дня, устранение Советами владельцев от руководства предприятиями. «... Формальная гегемония пролетариата, в действительности являющаяся проводником общенациональных интересов, — осуждающе заявлял Ю. Ларин, — при слабой классовой сознательности внушает ему иллюзию, что он «все может»⁵⁰.

Соответственно при оценке уроков 1905—1907 гг. меньшевики исходили из, пользуясь выражением Мартова, «алгебраической формулы» буржуазной революции. Важнейшим уроком революции 1905—1907 гг., с точки зрения меньшевиков, представлялась необходимость вы-

⁴⁷ Отклики. Сб. III, с. 38.

⁴⁸ Отклики современности, 1906, № 3, с. 6.

⁴⁹ Отклики. Сб. III, с. 50.

⁵⁰ Отклики современности, 1906, № 3, с. 26.

движения в центр будущей революции в России «буржуазной демократии» и отказ от гегемонии пролетариата, что должно было создать условия для устойчивости коалиции взаимно враждебных классов.

Антимарксистское истолкование особенностей революции «слева». Как и меньшевики, Троцкий отрицал наличие «революционной демократии», которую мог бы возглавить пролетариат, и изображал революцию 1905—1907 гг. как схватку пролетариата с царизмом один-на-один. «Основная ошибка Троцкого, — указывал В. И. Ленин, — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической»⁵¹. Эта путаница явственно прослеживается и в сборнике статей Троцкого «Наша революция» (1907); и в другом сборнике его статей «1905 год» (дрезденское издание на немецком языке — 1909 г.). У Троцкого, отмечал Ленин, «философия истории» та же, что и у меньшевиков⁵².

Характеризуя политические зигзаги Троцкого, Ленин писал: «Он был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательные соглашения с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций»⁵³. Воззрения Троцкого всегда отличались эклектичностью и «шараханием» из крайности в крайность. Тем не менее его принадлежность в целом к меньшевизму не подлежит никакому сомнению.

В конце 1904 г. под редакцией меньшевистской «Искры» выходит брошюра Троцкого «Наши политические задачи. Тактические и организационные вопросы». Развиваемые в ней взгляды Троцкого были типично меньшевистскими, новоискровскими и повторяли рассуждения «экономистов», на что указывало даже либеральное

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 381.

⁵² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 358.

⁵³ Там же, с. 375.

«Освобождение»⁵⁴. В 1905 г. Троцкий испытывает влияние Парвуса, который уже в статье «Что дает нам 9-е января?» выдвигает положение об «одиночестве» пролетариата. В дальнейшем Парвус прямо пишет о том, что требуется «не отыскивание союзников при образовании временного правительства, а выделение пролетариата...»⁵⁵. По существу, у Парвуса и Троцкого то же характерное для меньшевистской теории «обособление» пролетариата, отграничение его от крестьянства как революционной демократии. Рассуждения Троцкого о роли пролетариата в русской революции наглядно демонстрируют отмеченный В. И. Лениным плагиат «из идейного багажа» разных фракций. Таковы, например, рассуждения о двух гегемониях — гегемонии города в деревенской стране и гегемонии пролетариата в революции. Причем последняя превращалась Троцким в голую фразу, поскольку он, отрицая союз пролетариата и крестьянства, даже не мог научно поставить вопрос о содержании этой гегемонии. «Троцкий извращает большевизм, — писал Ленин, — ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции»⁵⁶.

Непонимание и запутывание вопроса о роли пролетариата в революции 1905—1907 гг. вытекает из антимарксистской концепции Парвуса—Троцкого об особенностях исторического развития России. В России, по их мнению, сложилось чрезвычайно своеобразное соотношение сил между разными классами и государственной властью. Оно объясняется тем, что российское самодержавие якобы «имело» свое собственное политическое содержание», отличное от политических интересов имущих классов⁵⁷. Государство у Парвуса и Троцкого выступает в истории страны «как самостоятельная сила», т. е. является как бы «надклассовым»⁵⁸. Действуют три исторические силы, три общественных компонента: государственная организация, народные массы и господствующие сословия. В отличие от Западной Европы, где сформировались сильные господствующие классы — дворян-

⁵⁴ Об этом см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 74, 307—308; т. 11, с. 55.

⁵⁵ Парвус. Россия и революция. СПб., б. г., с. 211.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 364.

⁵⁷ Парвус. Указ соч., с. 96 и след.

⁵⁸ Подобные взгляды были широко распространены в меньшевистской литературе.

ство, а затем буржуазия, в России эти классы складываются замедленно и характеризуются социальной слабостью. Государство же по отношению к ним выполняет «попечительские» функции. В дальнейшем российское самодержавие нашло опору в западноевропейском капитале. Россия, по выражению Троцкого, превратилась в домен западноевропейской биржи. Новые отрасли промышленности насаждались с помощью западноевропейского капитала государством, заинтересованным в росте военно-экономического потенциала. Они были не более как «искусственной прививкой» к отсталому хозяйству страны. Русское ремесло было осуждено чужеземным капиталом на гибель. Тем самым была вырвана социальная почва из-под ног буржуазной демократии. Роль иностранного капитала в России свела на нет политическое влияние национальной буржуазии.

Историческая концепция Троцкого обосновывала его представление о расстановке сил в русской буржуазной революции. Итак, революционная мелкобуржуазная демократия в России отсутствует (как и все меньшевики, Троцкий отождествлял революционную демократию с мелкобуржуазным населением городов и отделял ее от крестьянства), либеральная буржуазия не является самостоятельной политической силой, крестьянство — сомнительный союзник пролетариата. В этих условиях, утверждал Троцкий, сломить самодержавие в России пролетариат сможет лишь в том случае, если его борьба будет поддержана западноевропейским пролетариатом, т. е. произойдет мировая пролетарская революция. Тезис об «изоляции» пролетариата был одним из основополагающих в меньшевистской историографии. Но если в классической меньшевистской схеме «спасительный выход» обнаруживался в союзе с «либерально-демократической» буржуазией, то в троцкистской схеме такой же «спасительный выход» находился в «мировой революции». «Теория перманентной революции» Парвуса — Троцкого имела (да иначе и не могло быть) много общего в посылах с классической меньшевистской схемой, хотя и отличалась от нее в выводах.

Авантюристические выводы Троцкого покоились, как и политические выводы всех меньшевиков, на неверии в силы российского пролетариата, на отрицании действенной авангардной роли социал-демократии по отношению к рабочему движению. «Наши исторические фракции,

большевизм и меньшевизм, — заявлял Троцкий, — по происхождению своему являются чисто интеллигентскими образованиями». Прочитывая эти часто повторяющиеся Троцким клеветнические измышления, В. И. Ленин заключает: «Это — повторение либеральной сказки. На деле же вся русская действительность поставила рабочих перед вопросом об отношении к либералам и к крестьянству. Не будь никакой интеллигенции, рабочие *не могли бы* обойти этого вопроса: идти за либералами или *против* либералов руководить крестьянами»⁵⁹. Естественно, что Троцкий, не умея по-марксистски поставить вопрос об отношении пролетариата к другим классам, не мог, как отмечал Ленин в уже приводимом нами высказывании, усвоить «сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции». А это в свою очередь искажало всю картину революции 1905—1907 гг., которая сводилась Троцким к событиям в Петербурге, где якобы концентрировалось единоборство пролетариата с самодержавием. «Местные провинциальные события», как пренебрежительно выражался Троцкий, за исключением восстаний на флоте и в крепостях, не имели, с его точки зрения, никакого самостоятельного значения.

В «теории перманентной революции» Троцкого не различались грани между буржуазной и социалистической революциями. И это было связано с ошибочной оценкой роли классов в обеих революциях. Вот, как, например, Парвус рисует благоприятную для пролетариата ситуацию: «Победа революции выдвигает на политическую сцену крестьянство. Оно способствовало революции, умножая политическую анархию, но не было в состоянии концентрировать свою политическую борьбу. Теперь оно внесет в борьбу партий всю путаницу своих экономических требований и экономических невозможностей. Капиталистический строй не в состоянии разрешить крестьянский вопрос. Поэтому вступление крестьянства осложнит и продлит революцию и надолго еще помешает упрочению буржуазного строя»⁶⁰. В этой обстановке российский пролетариат, опираясь на поддержку западноевропейского, сможет взять курс на социалистическую революцию, несмотря на то что, как выражался Троцкий, «мелкобуржуазный характер и политическая

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. собр., т. 22, с. 362.

⁶⁰ Парвус. Указ., соч., с. 204.

примитивность крестьянства» создадут страшные затруднения для революционной политики пролетариата. В изображении Троцкого диктатура пролетариата приведет к нарушению революционной связи между пролетариатом и нацией, так как его политика будет превращаться из общедемократической в классовую. Так, при переходе от буржуазной революции к социалистической общедемократические задачи необоснованно противопоставляются классовым задачам пролетариата, а пролетариат противопоставляется всей остальной массе трудящегося населения, в том числе и беднейшему крестьянству.

Ленинская критика ликвидаторских выводов. Поражение первой русской революции привело к обострению борьбы по вопросу о роли и гегемонии пролетариата в освободительном движении между большевиками и меньшевиками. Особо рьяно повели атаку против ленинских взглядов ликвидаторы. Раскрывая сущность ликвидаторского мировоззрения, В. И. Ленин писал: «Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и, в частности, в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции»⁶¹. Он указывал, что «именно ликвидаторы... ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии» пролетариата в журналах «Наша Заря» и «Жизнь», а также в «Общественном движении в России в начале XX века»⁶². Обращение к опыту революции было использовано меньшевиками для протаскивания ликвидаторских идей о необходимости союза пролетариата с либеральной буржуазией и руководящей роли последней в буржуазно-демократической революции.

В статье «Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России» В. И. Ленин, полемизируя с Л. Мартовым и Л. Троцким, пытавшимися представить большевиков в виде интеллигентской группы, которая, борясь за влияние на политически незрелый российский пролетариат, приспосабливается к нему, показал действительные корни расхождения большевиков с меньшевиками. На самом деле эти корни, как подчеркивал Ленин, заключались в «...экономическом содержании русской ре-

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 45.

⁶² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 130.

волюции...». Экономические условия революции, классовые интересы пролетариата определили его отношение к демократическому крестьянству и либеральной буржуазии. «Революция 1905—1907 годов, — писал Ленин, — обострила, сделала открытым, выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о *форме* буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам нового общества явилась борьба большевизма и меньшевизма»⁶³. Разное понимание расстановки классовых сил в России, соотношения классов и партий обосновывало две политические линии — революционную и оппортунистическую — в российском рабочем движении.

Каковы бы ни были индивидуальные различия (а они были) во взглядах отдельных меньшевистских лидеров, ленинская критика меньшевизма позволяет выделить основные черты и общие методологические посылки, присущие оппортунистической истории буржуазно-демократической революции. В отрицании гегемонии пролетариата в народной революции, его возможности повести за собой крестьянские массы Ленин обнаруживал центральный пункт всех воззрений меньшевизма⁶⁴, его суть⁶⁵, главнейшее проявление зависимости меньшевистской мысли от либерализма. Ленин неоднократно подчеркивал, что основной итог меньшевистской интерпретации опыта революции 1905—1907 гг. заключается в попытке доказать неосуществимость гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, сводится к ликвидации идеи гегемонии пролетариата⁶⁶.

IV. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И НАРОДНИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

Отрицание народниками буржуазного характера революции в России. Народническая идеология в России на рубеже XIX—XX вв. смогла выжить и сохранить какие-то позиции в революционном движении только благодаря своей перестройке и модернизации. Происходив-

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 359, 372.

⁶⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 359—360.

⁶⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 231.

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 45, 64, 275, 308, 359—360; т. 20, с. 130, 205, 282; т. 47, с. 272—273.

шие в ней изменения можно проследить по работам, которые печатались в «Русском богатстве», «Революционной России», «Вестнике русской революции» и принадлежали представителям нового поколения народничества, или неонародничества, будущим теоретикам и публицистам партий социалистов-революционеров и народных социалистов. Идейный разгром в 90-е годы XIX в. народничества В. И. Лениным и Г. В. Плехановым показал слабость этического и экономического обоснования крестьянского пути к социализму. Развитие капитализма в России подрывало веру в народнические идеи. Вывод народничества из теоретического тупика происходил в форме своеобразного обновления его историко-социологических и политических взглядов, характеризующихся соединением традиционных народнических догм с ревизионистскими положениями западноевропейских критиков Маркса¹.

Сохраняя и отстаивая в борьбе с марксизмом основные принципы народнической доктрины, неонародники вынуждены были под влиянием требований времени «обратиться» к Марксу. Мысль их шла по пути поисков аргументов «от Маркса» и «против Маркса». Так, они заявляли, что признают вслед за марксистами существенную роль экономического фактора в истории, но что эта роль ограничена другими факторами исторического процесса. Они писали о том, что «марксистская выучка, через которую прошла вся русская интеллигенция 90-х годов, европеизировала народническую концепцию, поставила ее на почву теории классовой борьбы»², но в то же время отказывались видеть в теории классовой борьбы ключ к пониманию истории антагонистических обществ и отвергали историческую миссию пролетариата. Признав наличие капитализма в России, что отличало их от предшественников, неонародники, как и их предшественники, строили свои социальные прогнозы на обосновании особого, крестьянского пути к социализму, связанного с допуском возможности «в каждый данный момент прервать» капиталистическое развитие страны³, допуском столь же идеалистическим, как и ранние на-

¹ Об этом см.: *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм. М., 1972, гл. 3; *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977, гл. 1; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979, гл. 1.

² Почин. Париж, 1912, № 1, с. 13.

³ Социалист-Революционер, Париж, 1910, № 1, с. 161—164.

роднические надежды на возможность для России «миновать фазу капитализма». В. И. Ленин указывал, что народнические социологи создали «...теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития...»⁴.

Если до первой российской революции неонародничество выступало как более или менее единое направление общественно-политической мысли (хотя уже тогда наметились тенденции к расхождению между народниками, группировавшимися вокруг «Русского богатства» и вокруг «Революционной России», а с 1904 г. — также между ними и будущими эсерами-максималистами), то с конца 1905 г. в неонародничестве четко определились три политических течения: энесовское, собственно эсеровское и эсеровско-максималистское. Такой раскол в неонародничестве был неизбежным. Эклектическое соединение в его идеологии элементов оппортунизма, идущих от легального народничества и ревизионизма, и элементов революционаризма, идущих от народничества 70-х годов, предопределило под напором открытых классовых битв 1905—1907 гг. выделение чистого оппортунизма (в лице энесов) и крайнего революционаризма (в лице максималистов). Все три политических течения по-разному в соответствии со своими партийными позициями оценивали революцию 1905—1907 гг. и в то же время опирались на одну и ту же историко-социологическую концепцию⁵. Их взгляды на особенности русской революции базировались на общем для всех неонародников тезисе о своеобразии исторических судеб России по сравнению с капиталистическим развитием стран Западной Европы. «В основе наших расчетов, — заявлял теоретик и лидер энесов А. В. Пешехонов, противопоставляя неонародничество марксизму, — лежит другая историко-социологическая концепция и другие из нее следуют выводы»⁶.

Неонародники часто говорили и писали о неизбежности и закономерности социализма в России, но принцип исторической детерминации трактовался ими столь же вольно и широко, как и их предшественниками.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 422—423.

⁵ Это признавали и сами неонародники. См., напр.: *Нестроев Гр. (Цыпин Г.)*. Беглые заметки (от минимализма к максимализму). — В сб.: Воля труда. М., Луч, 1907, с. 28.

⁶ Трудовой народ. Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906, вып. I, с. 11.

Убеждение в существовании исторической закономерности у неонародников не имело ничего общего с марксизмом. «Историческую необходимость, — писал эсер-максималист Нил Кольский, — мы понимаем, конечно, не в диалектически-марксистском духе, а подразумеваем под нею особенности структуры общественно-экономической российской действительности»⁷. Таким образом, взгляды неонародников на революцию 1905—1907 гг. как на революцию особенную, не имеющую никаких аналогий в прошлом, исходили из представлений о том, что сложившаяся в России социально-экономическая структура и политический строй принципиально иные, чем в Западной Европе. И не случайно А. В. Пешехонов специально обращался к истории России для обоснования партийной программы энесов⁸.

Неонародники, как и представители либерально-буржуазной историографии, видели особенность России прежде всего в том, что в ней сложилось всесильное самодержавное государство, оказавшее исключительное влияние на исторические судьбы страны. Неонародники разделяли тезис либеральных историков о закреплении и раскреплении сословий самодержавием и о слабой социальной дифференцированности и пассивности русского общества. В течение тысячелетней истории России, заявлял Пешехонов, только война «была единственным общенародным делом», в котором «масса принимала активное участие»⁹.

Вместе с тем представление о государстве как решающей силе в политической истории России и о государственном происхождении сословий получало в неонароднической историографии антисамодержавную направленность. Народнические идеологи всегда враждебно относились к дворянско-буржуазным оценкам самодержавного государства как творческого и благотворного начала. Они подчеркивали «военно-политический характер русской государственности», тот факт, что «внешняя независимость была оплачена внутренним рабством и национальное могущество народным бесправием»¹⁰. Но государственный гнет искусственно отделялся от классовой эксплуатации, поскольку понятие «государство»

⁷ Воля труда. Сб. статей. СПб., Молодое течение, 1907, с. 18.

⁸ См.: Пешехонов А. Основные положения нашей программы. — Современность, 1906, март, с. 101—130.

⁹ Русское богатство, 1906, июнь, с. 141.

¹⁰ Там же, с. 144.

противополагалось всем иным общественным организациям, основанным на признаках родовом, сословном, национальном, классовом¹¹.

В отличие от либерально-буржуазной историографии неонароднические представления о прошлом России отнюдь не сводились к истории самодержавной государственности. Социальный строй России изображался в виде двух сосуществовавших столетия комплексов: одного — авторитарного и нетрудового (самодержавие, дворянство, бюрократия), и другого — проникнутого началами труда и автономизма (крестьянство), который получил развитие в общине. Вне зависимости от взглядов на происхождение, эволюцию и судьбы русской общины неонародники идеализировали ее роль в истории России. Община выступала как хранительница трудовых традиций, коллективных форм землепользования и народного правосознания. При таком подходе самодержавие выглядело инородной политической надстройкой, воздвигнутой на фундаменте народного быта.

В отличие от Западной Европы, где капитализм возник и утвердился в результате ее собственного социально-экономического развития, «русский капитализм не вырастал органически на почве эволюционного развития производительных сил страны. Мы почти не знали эволюционного перехода от ремесленничества к крупнокапиталистическому производству»¹², — утверждали вопреки фактам неонародники. В России крупнокапиталистическое производство насаждалось государством, поскольку самодержавие было заинтересовано в техническом прогрессе, видя в нем источник укрепления военных сил и военно-политического могущества. Считая, что капитализм «привнесен» в Россию самодержавием, которое поддерживает его и протектирует ему, Пешехонов выдвинул разделявшуюся всеми неонародниками формулу — «капитализм в России не конкурент абсолютизма, а его соучастник»¹³. Поэтому народу в его борьбе «за землю и волю» противостоит коалиция в лице абсолютизма, феодализма и капитализма.

Таким образом, неонародники извращали в свете своей ошибочной историко-социологической концепции социально-экономические причины революции 1905—

¹¹ См.: Современность, 1906, март, с. 111.

¹² Почин, с. 11.

¹³ Русское богатство, 1906, август, с. 190.

1907 гг. Так, например, Пешехонов заявлял, будто революция требуется вовсе не для того, чтобы освободить для буржуазного хозяйства нужные силы: «...свобода, поскольку таковая нужна буржуазному хозяйству, в России давно уже имеется»¹⁴. Преуменьшая масштабы развития капиталистических отношений в России, неонародники на все лады твердили, что капитализм в стране слаб, что предел индустриализации был положен разорением деревни, что капитализм оказался неспособным включить в сферу буржуазных отношений все проявления общественной жизни и т. д. и т. п. Только наличие «капиталистического производства, успевшего зародиться и превратиться в могучую силу еще в недрах старого общества, есть единственное условие, могущее оправдать марксистскую схему исторического развития России»¹⁵, — писал, полемизируя с социал-демократами, эсер Е. Сталинский, но поскольку этого условия, согласно воззрениям неонародников, в России не было, то в ней, как они полагали, не могло быть и буржуазной революции.

Неонародники оценивали «надвигавшуюся революцию как более широкий и глубокий конфликт, чем конфликт между развитием капитализма и существованием самодержавия в России»¹⁶. Будучи не в состоянии дать научного анализа причин революции 1905—1907 гг., неонародники сбивались на перечень всех существующих в России конфликтов, и реальных и надуманных, но упорно отказывались признать ведущим противоречие между ростом производительных сил, созданных капитализмом, и пережитками феодально-крепостнических отношений. Это и понятно: подобное признание подрывало краеугольные камни народнической доктрины. Зато немаловажное значение придавалось субъективным факторам революции.

Одной из особенностей русской революции неонародники считали борьбу за ликвидацию частной собственности на землю. Эта особенность определялась, в их представлениях, коллективистски-трудовым правосознанием крестьян. Да и объективные условия русской действительности, в аргументации неонародников, не давали для крестьян никакого выхода из тяжелого положе-

¹⁴ Русское богатство, 1906, август, с. 189.

¹⁵ Социалист-Революционер, 1912, № 4, с. 139.

¹⁶ Почин, с. 12.

ния без социализации земли. Экономическая эволюция крестьянства, по мнению неонародников, не ведет к победе капиталистических отношений в сельском хозяйстве, а, наоборот, противопоставляет крестьянство капитализму. Поэтому в России имеется возможность опереться на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни крестьян в борьбе против буржуазно-собственнических начал и в интересах социализма. Социализация земли, по их мнению, выведет земельный фонд страны из товарного оборота, сузит сферу действия капиталистических отношений и пробьет в них брешь в пользу социализма, так как будет означать крутой поворот страны на путь развития трудового, а не буржуазного хозяйства.

Другой особенностью русской революции, в представлении неонародников, являлось присущее ей сочетание коллективистски-трудового правосознания народных масс с социалистической идеологией авангарда революционного движения — передовой интеллигенции. Характерной чертой народнической идеологии всегда было преувеличение роли интеллигенции в социальном прогрессе. Интеллигенция расценивалась как внеклассовая и внеслововая категория, этическим субстратом которой является творчество новых идеалов и форм общественной жизни. Интеллигенция, утверждали народники, выражает обобщенные общечеловеческие интересы, она вместе с пролетариатом и крестьянством составляет единый рабочий класс, являясь самой сознательной и самой активной его частью. Движение интеллигенции, по выражению Пешехонова, окрашивает исторические эпохи¹⁷. «Во время революции, — заявляли эсеры, — народившаяся в народе интеллигенция впервые выступила вождем и руководителем народной массы»¹⁸. Интеллигенция именовалась авангардом авангарда революционного социализма.

Для неонародников было характерно противопоставление сознательного инициативного меньшинства действиям стихийно выступающих в революции 1905—1907 гг. народных масс. «Всякая революционная вспышка требует участия инициативного меньшинства. И декабрьское восстание в Москве, и Свеаборг, и Кронштадт, и

¹⁷ См.: Пешехонов А. В. К вопросу об интеллигенции. СПб., 1906, с. 70.

¹⁸ «Вехи» как знамение времени. Сб. статей. М., 1910, с. 320.

«Память Азова» — все это в значительной мере дело инициативного меньшинства...», — заявлял один из членов ЦК партии эсеров. Разделял подобные взгляды в принципе и Чернов, хотя он и подчеркивал, что силу инициативному меньшинству придает его «кровная связь с массами»¹⁹.

Противопоставление сознательного инициативного меньшинства стихийно и бессознательно действующим народным массам во взглядах эсеровских идеологов на революцию 1905—1907 гг. могло проступать то более резко, то более сглаженно, но оно в них всегда присутствовало. Проведение террористических вооруженных акций никак у эсеров не могло согласоваться с курсом на подготовку масс к восстанию.

Концепция «особой» русской революции противопоставлялась эсерами социал-демократическому взгляду на революцию в России как носящую буржуазный характер. Отметим, что буржуазную революцию как таковую эсеры не отвергали. Они соглашались с марксистским определением революций в Западной Европе как буржуазных. Но в России в силу ее исторических особенностей, утверждали они, революция не может быть буржуазной.

Эсеры декларировали свое неизменное «стремление революционным путем круто поворотить развитие нашей земледельческой страны на путь развития трудового, а не буржуазного хозяйства, общественной, а не частной собственности»²⁰. Движущими силами революции неонародники считали интеллигенцию, пролетариат и крестьянство, которые включали в единый трудовой класс. В то же время, употребляя формулу «союз пролетариата с трудовым крестьянством», эсеры вкладывали в нее иное, чем большевики, содержание. Они отрицали гегемонию пролетариата, а также классовые различия между рабочими и крестьянами, поскольку и те и другие живут на свои трудовые доходы.

При таком понимании задач революции и ее движущих сил эсеры подобрали для якобы «не буржуазной» и «не социалистической» революции в России термин «трудовая». «Наша партия с самого своего возникнове-

¹⁹ Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908. Paris, 1908, с. 112, 140.

²⁰ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Б. м., 1906, с. 110.

ния, — писал Н. Авксентьев в 1912 г., — развивала определенную точку зрения на характер грядущей русской революции. Она говорила: это не будет революция чисто политическая, она не будет носить буржуазного характера; это будет революция с глубоким социально-политическим содержанием, революция трудовая»²¹. В борьбе двух концепций — «буржуазной» и «трудовой» революции — Е. Сталинский видел основное разногласие, разделявшее марксизм и народничество²². Выведенный эсерами гибрид «трудовой» революции не мог, естественно, иметь четкие разграничительные линии с буржуазной и социалистической революциями.

Как отмечал В. И. Ленин, во взглядах эсеров скажется пережитой народнических мнений о небуржуазном будто бы характере предстоящей России революции. Обращаясь к этой черте, Ленин пишет, что эсеровские идеологи, с одной стороны, «... порвали уже со взглядом последовательных народников, которые были против политической свободы, способной-де лишь передать власть в руки буржуазии». С другой стороны, пережитки народничества выступают ясно в характеристике самодержавия и отношения к нему различных классов. Особенно это проявилось в неумении определить роль буржуазии в социальной структуре и политической системе России. Буржуазия как класс отождествлялась эсерами только с одной ее частью, а именно с крупными промышленниками и торговцами. Отрицалась оппозиционность буржуазии по отношению к самодержавию, которое якобы полностью удовлетворяет и устраивает буржуазию. В то же время признаваемая эсерами «либерально-демократическая оппозиция» квалифицировалась не как буржуазная, а как внеклассовая, состоящая из промежуточных в классовом отношении элементов образованного общества²³.

Революция, не оправдавшая надежд эсеров. В отличие от меньшевиков эсерами (как и энесами) не написано специальных работ, посвященных истории первой российской революции. Наиболее полно эсеровские взгляды на события 1905—1907 гг. изложены в выступлениях и статьях лидера и теоретика партии В. М. Чер-

²¹ Почин, с. 4.

²² См.: *Волбуев О. В.* Историография революции 1905—1907 годов (дооктябрьский период). М., 1981, с. 48.

²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 191, 194, 195—196.

нова. Отдельные оценочные суждения о ходе и итогах революции можно найти на страницах эсеровских газет и журналов и в сборниках статей («Сознательная Россия», «На современные темы», «Почин» и др.). Важным источником для выяснения эсеровских взглядов на революцию 1905—1907 гг. являются протоколы I и II съездов и особенно первой общепартийной конференции социалистов-революционеров.

В. Чернов, характеризуя революцию 1905—1907 гг., считал, что Россия переживает те же процессы, которые происходили в свое время в Западной Европе, но «в сокращенном, концентрированном виде, совмещая в одном периоде, одним историческим моменте явления и черты, распределявшиеся там между рядом последовательных моментов»²⁴.

Этот «синтетический исторический момент» и был для Чернова исходным в его рассуждениях об оригинальных чертах русской революции. «... Наша революция должна отличаться крайне сложным, синтетическим характером, — заявлял Чернов. — Все те проблемы, которые государствами Запада разрешались рядом последовательных революций, причем каждая имела место в свою особую эпоху, у нас сплелись в один клубок, в один гордиев узел. Окраины переживают у нас отчасти эпоху, аналогичную освободительным национальным войнам-революциям, — крестьянство в духовном отношении еще не вполне вышло из периода реформации (в лице сектантства), — борьба с остатками социального крепостничества, борьба за политическую свободу, аграрная революция, движение пролетариата, вооруженного самым современным оружием — всеобщей стачкой, — все это представляет небывало сложную картину, и название Великой Русской Революции — не пустая фраза... Мы, как бы одновременно, переживаем и революцию 1789 г., и революцию 30-х годов, и революцию 48 г., и революцию 1870 года, и даже более того»²⁵. Вместо анализа новой исторической эпохи — эпохи империализма и особенностей России в эту эпоху производилось какое-то механическое совмещение черт различных периодов и революций с включением действительных черт, присущих русской действительности. Реальные особенности и конфликты, существовавшие в Рос-

²⁴ Народный вестник. СПб., 1906, № 2, с. 25.

²⁵ Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р., с. 93.

сии, были даны сквозь призму народнической идеологии, и поэтому нарисованная Черновым картина получилась искаженной. «... Именно к вопросу о понимании действительности, — подчеркивал В. И. Ленин, — надо сводить всегда споры социалистов-революционеров, ибо только этот вопрос вскрывает отчетливо причины нашего глубокого политического расхождения»²⁶.

В русской революции, по мнению эсеров, совмещались не только тенденции предшествующих ей в мировой истории революций, ставивших своей целью уничтожение помещичьего землевладения и гнета (крестьянские войны и Французская революция конца XVIII в.), написавших на своем знамени политические свободы (западноевропейские буржуазные революции), выдвигавших задачи национального освобождения (Нидерландская революция XVI в., война за независимость в США), стремившихся к установлению власти рабочих (Парижская Коммуна), но и новые социальные тенденции, которые ранее в мировой истории не наблюдались. Эти тенденции связывались с особой исторической миссией крестьянства и революционной интеллигенции в России.

Революция, по мнению Чернова, наступила преждевременно, когда еще не было подготовленных для победы над самодержавием фактических наличных сил. Русско-японская война ускорила наступление революции, военные поражения вызвали полную растерянность правительства. Благодаря этому революционное движение «скакнуло далеко выше реального соотношения сил». Взрыв возмущения создал «ложную видимость» господствующего положения в стране «левых». Революция не обладала силой, но уверовала в нее и заставила поверить в эту силу правительство. Первая великая победа над самодержавием была «одержана в кредит». В действительности же освободительное движение представляло «мираж огромной силы». Победа в октябре была добыта одним пролетариатом, правда действовавшим в атмосфере всеобщего сочувствия. Социал-демократы были ослеплены успехами рабочего движения. Тактика «левых», тактика «форсирования событий» оказалась губительной. Она привела к «перенапряжению и истощению сил пролетариата». Петербургский Совет рабочих депутатов забежал вперед, не считаясь с настроением масс, а между тем он располагал всего несколькими сотнями

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 195.

вооруженных револьверами дружинников. Осень 1905 г. проявила несоответствие видимого и реального. В действительности бюрократическое правительство являлось единственной по-настоящему организованной политической силой. Войска по-прежнему, несмотря на брожение в них, были послушны командирам и властям. Только октябрьская забастовка имела дезорганизующее по отношению к старому режиму значение. Вторая всеобщая политическая стачка в начале ноября была «эпопеей митингов» и проходила не в атмосфере практического действия, а в атмосфере «партийно-просветительной педагогики». Введение 8-часового рабочего дня было декретировано Советом рабочих депутатов без достаточной подготовки и организации. Борьба за 8-часовой рабочий день и вторая забастовка истощили петербургский пролетариат, и призыв к третьей всеобщей забастовке в декабре окончился в столице полным провалом. Петербург позорно бездействовал во время «агонии Москвы».

Как и Плеханов, Чернов считал, что в декабре «не надо было браться за оружие», потому что фаза «взять власть» еще не была подготовлена развитием революции. Декабрьское вооруженное восстание в Москве было порождено черносотенным террором, развернувшимся в стране после манифеста 17 октября. Он способствовал вооружению народа и склонил пролетариат к большевистской тактике «форсирования событий». Пролетариат без поддержки крестьянства, широкие массы которого не успели вступить в борьбу, не мог добить врага и даже удержать неожиданно вырванные в октябре уступки. Городская революция потерпела поражение. Отдельные изолированные «революционные оазисы» деревенского мира разделили с городским движением его участь. В момент, когда правительство не могло «удержать вожжи в своих руках», а силы революции не могли «взять дело в свои руки», не оказалось «сильного посредника», достаточно организованной оппозиционной партии, которая сумела бы «протереться к власти». Кадеты для этого не годились. Так в изображении Чернова (а кроме него никто из эсеровских публицистов не дал «общей картины» революции) выглядели события 1905 года ²⁷.

²⁷ См.: Чернов В. Прошлое и настоящее. СПб., 1906; Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р. Август 1908, с. 94—108; «Вехи» как знамение времени, с. 31—33; Чернов В. Откро-

Второй период революции, по Чернову, характеризуется еще большим распылением сил. Аграрный террор и партизанская война, наступившая после ноября—декабря 1905 г., привели к «измельчанию революции». Осуждением этих стихийных тенденций проникнута его статья под многозначительным названием «Организация или распыление революции?»²⁸. По-черновски оценивали период спада и эсеры из группы «Почин»: «Первый натиск был отброшен. Революционное движение распылилось и затерялось в отдельных бесплодных вспышках и выступлениях»²⁹. Эсеры, как и меньшевики, не могли уяснить неизбежность новой формы борьбы — партизанской войны и ее связи с вооруженным восстанием.

Лидеры и публицисты эсеров сетовали на то, что в крестьянстве не обнаружилось должного социально-политического сознания. «Развитие крестьянского движения по партизанско-экономическому типу, — писал Чернов, — его направление в обход защитного механизма командующих классов, против отдельных эксплуататоров, не соответствует такой великой задаче, как социализация земли»³⁰. Руководство партии эсеров пугалось того, что разгром помещичьих имений и захват земли приведет к укреплению частнособственнических начал в деревне, что «трудовое» крестьянство проявило в революции свою истинную мелкобуржуазную природу. Это беспокойство отразилось в резолюции IV Совета партии эсеров «Об аграрном терроре» (1908), в которой отмечалось, что применение аграрного террора приводит к результатам, противоречащим задачам эсеровской аграрной программы³¹.

Эсеры заявляли, будто стихийность, неорганизованность, низкий уровень сознательности, преобладание чисто экономических мотивов были присущи не только крестьянскому, но и рабочему движению. Особенно это проявилось в рабочем движении второго периода рево-

венная книга. — Современник, 1911, № 7, с. 181—214; Вечев Я. (Чернов В.). Дела и дни. О «детских болезнях» нашего движения. — Заветы, 1912, № 2, с. 104—131.

²⁸ См.: Сознательная Россия. СПб., 1906, вып. II.

²⁹ Почин, с. 1.

³⁰ Сознательная Россия, вып. II, с. 10.

³¹ См.: Памятная книжка социалиста-революционера. Б. м., 1911, вып. I, с. 48. О позиции эсеров по отношению к аграрному террору и крестьянскому движению см.: Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902—1914 гг. Л., 1983, гл. II.

люции. Эсеры не отрицали полностью той выдающейся роли, которую сыграл пролетариат в революции 1905—1907 гг. Подводя итоги революции, ЦК партии эсеров отмечал, что в течение ее «...главным, часто почти исключительным, действующим лицом был городской пролетариат», и, цитируя это место, Ленин писал: «Это сказано очень хорошо. Это сказано необыкновенно, для эсеров, правдиво»³². Однако такое признание эсеров всегда сопровождалось рядом оговорок. Будучи движущей силой революции, пролетариат, по их мнению, не был, да и не мог стать ее сознательной силой: он готов был разрушать, но не был, как и крестьянство, подготовлен к созидательной работе.

В отличие от либеральной и меньшевистской историографии в эсеровской литературе почти совсем не уделяется внимания I и II Государственным думам, а встречающиеся в ней оценки Дум часто не согласуются между собой. Это, видимо, вызвано той путаницей, которая царилa в партии эсеров по вопросу о месте Дум в освободительном движении³³. Обсуждение думской тактики на II (экстренном) съезде партии эсеров показало полное отсутствие единства взглядов. Одни эсеры считали, что II Дума явится средством организации и агитации народных масс, «средоточием» всенародного движения. Другие упрекали руководство эсеровской партии в преувеличении роли Думы в организации народных масс, в том, что «эфемерная Дума» выдвигается в качестве операционного базиса для революции. Причем в аргументах эсеров «за» и «против» Думы отсутствовал, как указывал Ленин, разбор исторических условий, который должен был определять выбор той или иной тактики³⁴. Соответственно эсеры не могли дать четкого ответа на вопрос о значении Дум в период спада массового революционного движения. История обеих Дум рассматривалась главным образом с точки зрения «измены» кадетов. Если бы кадеты присоединились к бойкоту I Думы, если бы кадеты блокировались с левыми партиями на выборах во II Думу, если бы кадеты поддержали трудовиков и других «левых» в I и II Думах, тогда борьба бы шла

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 339—340.

³³ См.: Леванов Б. В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции, с. 114—130; Гинев В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, с. 80—166.

³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 4.

между всей оппозицией и реакцией. Вообще рассуждения типа «что было бы, если бы» часто заменяли эсерам классовый анализ сил революции и контрреволюции.

И народные массы, и революционные партии в изображении Чернова оказались не «на высоте». Влияние партий не было решающим фактором революции: «Они были слишком малою величиной среди чисто стихийных сил, преобладание которых создано было всей предыдущей историей России...» Между ними и народной стихией не могло быть полного единства. В революционных иллюзиях, по мнению Чернова, не учитывалось реальное соотношение сил. Исход событий (победа контрреволюции была якобы исторически неизбежна) предопределялся тем, что организации государственной власти не могла быть противопоставлена организация народа, а либеральная оппозиция не имела, как на Западе, классовой опоры в лице процветающей и независимой от самодержавия средней умеренной буржуазии. Во всех этих рассуждениях Чернова нельзя найти и намека на то, чьи классовые интересы выражают партии, как они их отражают, как они связаны со своим классом и почему тот или иной класс идет или не идет за «своей» партией. Пессимизмом, неверием в массы проникнут итоговый вывод Чернова: «... в той же мере, в какой русские партии были не властелины над историей для того, чтобы творить ее, они были не властелины для того, чтобы ее «портить»³⁵.

Для обоснования своего тезиса о «разрыве» в действиях и настроениях революционных партий и масс Чернов ссылается на опыт революции. Так, 9 января пролетариат устремился не за революционными партиями, а за Гапоном. После манифеста 17 октября партии предостерегали от обольщения высочайшими обещаниями, а массы ликовали. Левые партии бойкотировали Думу, а массы участвовали в выборах. После роспуска I Думы все активные призывы к сопротивлению «сорвались», так как не встретили поддержки в массах³⁶. Выстроенные в один ряд, тенденциозно подобранные Черновым свидетельства «против народа» призваны были развенчать революционные «иллюзии» социалистических партий. Единственным реальным достижением революции

³⁵ Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р., с. 140; см. также: «Вехи» как знамение времени, с. 33.

³⁶ См.: Вечев Я. (Чернов В.). Дела и дни, с. 118—120.

Чернов считает режим фактических свобод, установившийся в октябре и добытый «явочным порядком». Вместо того чтобы вести дальнейшее наступление на царизм после октября, надо было закрепить этот режим свобод и использовать его возможности для политического воспитания масс. Рассуждения Чернова очень близки по духу кадетской оценке революции 1905—1907 гг. «Главный смысл» событий 1905—1907 гг. Чернов видел «не в активных решительных столкновениях и не в борьбе за государственный руль, за законодательную и исполнительную власть». Все это в «истории событий» для него вторичное, побочное³⁷. Он, как и кадеты, видел наивысшее достижение революции в получении свобод. Только для кадетов это были свободы, дарованные манифестом, а для Чернова — добытые «явочным порядком».

В принципе те же, что и у Чернова, представления о революции 1905—1907 гг. были у эсеров из группы «Почин». «Революция, — писал Н. Авксентьев, — призванная осуществить такие глубоко творческие задачи, каких не имела, быть может, ни одна из предшествующих революций, оказалась творчески бессильной». Разрушительные тенденции в ней преобладали над созидательными. Революционные партии представляли собой «малочисленные идейно подобранные группы», которые не могли внести в массы организующее начало³⁸.

В своем нигилистическом отношении к событиям 1905—1907 гг., к самой идее преждевременного, как считал Чернов, захвата власти он договорился даже до либерального отрицания революции. Он призывал взглянуть на нее «трезвыми глазами», «не судить ее с точки зрения зародившихся в ее буре иллюзий». «Давно пора понять, что это не была «революция», — провозглашал он³⁹. Заявления о том, что революции не было, в прямой или косвенной форме делали и другие эсеры. На наш взгляд, это объясняется несоответствием между реальной революцией 1905—1907 гг. и эсеровской воображаемой революцией. Показательна, например, речь Григоровича на первой общепартийной конференции эсеров: «Много говорили и говорят о русской революции. Но революции у нас не было: был лишь, может быть, пролог

³⁷ Вечев Я. (Чернов В.). Дела и дни, с. 123.

³⁸ См.: Почин, с. 4.

³⁹ Чернов В. Откровенная книга, с. 188.

к революции и было грандиозное недоразумение в понимании и оценке всего совершившегося в «дни свобод». Я, как с.-р., всегда думал, что у нас не может быть ни социальная, ни чисто политическая революция, а только революция народно-трудовая. Но ее-то и не было. Восстал городской пролетариат; восстала интеллигенция — представительница городского населения. Деревня не восстала, — не было, значит, и настоящей революции»⁴⁰. В этом выступлении, как в капле воды, отразились «больные места» эсеровских представлений о революции 1905—1907 гг.: и непреходящая путаница с политической, социальной и трудовой революцией, и крах надежд на почти социалистическое сознание и трудовую психологию крестьянства, и «грандиозное недоразумение в понимании и оценке» событий конца 1905 г., и тезис о «параллельных революциях» — городской и деревенской.

Подводя итоги революции, как отмечал В. И. Ленин, эсеры скрыли основной и главный ее итог в отношении своей партии. Он заключался в том, что эсеровская программа «потерпела поражение во всех открытых и действительно массовых выступлениях представителей от крестьянства», в том, что «...крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков», что трудовики, а не эсеры стали партией крестьянских масс. Несостоятельность своей программы и своих надежд на крестьянство они восприняли как несостоятельность революции («это не была революция»!). «Итоги революции подводятся господами эсерами таким образом, — писал Ленин, — как будто бы ни революции, ни эсеровской программы не было». Эсеровские суждения о революции 1905—1907 гг., то высокопарные (вроде «трудовые массы пришли в революционное просияние»), то нигилистические (о трагедии русской революции, в которой социалистические партии и народные массы не обнаружили единства понимания и настроения), отражали революционный авантюризм эсеров, которые рассчитывали то на инициативное меньшинство, то на восстание, то на террор, то на соглашение с кадетами. Не от опыта 1905—1907 гг. шли эсеры к заключениям-оценкам, а от сопоставления желательного и воображаемого с нежелательной реальностью.

⁴⁰ Протоколы первой общепартийной конференции П. С.-Р., с. 107.

Эсеровские оценки событий 1905—1907 гг. во многом объясняются стремлением «...отмахнуться от неприятной действительности, обнаруженной революцией»⁴¹.

Смешение демократических и социалистических задач революции эсерами-максималистами. Взгляды эсеров-максималистов на революцию были изложены в работах А. Троицкого, М. Энгельгардта, С. Светлова, Г. Нестроева и других идеологов и публицистов этого движения⁴². Эсеры-максималисты заявляли, что революция в России или потерпит поражение, или сразу же приведет к социалистическому перевороту. Для последнего исхода, с их точки зрения, имелись необходимые субъективно-психологические и объективно-экономические предпосылки, а также условия для их реализации. Разумеется, как и все народники, максималисты выдвигали на первое место субъективно-психологические предпосылки. Россия, утверждали они, готова к социалистической революции, потому что в революционном движении господствует социалистическая идеология. Так, Светлов видел характерную черту русской революции, делающей ее великой и отличающей от Французской революции конца XVIII в., в том, что в нее «определяющими элементами входят величайшие знания из области обществоведения и экономики, исключительная сила народного сознания и осознанные трудовым лицом интересы, мощь и творческая роль которых заключается не только в остроте и напряженности, но еще и в том, что современная научная мысль дала им всестороннее обоснование»⁴³. Цель революции — трудовая республика, в которой власть будет принадлежать народу и в которой не только земля, но и вся промышленность (заводы и фабрики) будут социализированы, т. е. станут народным достоянием. Трудовая республика то прямо отождествлялась с социалистической, то рассматривалась как переходная ступень к социализму⁴⁴. Экономические условия в представлении эсеров-максималистов не ставят

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 340, 341.

⁴² См.: Прямо к цели. Сб. ст. СПб., 1906; Сущность максимализма. СПб., 1906; *Таг-ин (Троицкий А.)*. Принципы трудовой теории. СПб., 1906; *Энгельгардт М.* Задачи момента. СПб., 1906; Воля труда. Сб. ст. СПб., Молодое течение, 1907; Воля труда. Сб. М., Луч, 1907; Воля труда. Сб. М., тип. П. Иванова, 1907; *Светлов С.* Очерки по рабочему и крестьянскому вопросу. СПб., 1907; и др.

⁴³ Светлов С. Указ. соч., с. 28.

⁴⁴ О теоретических воззрениях эсеров-максималистов см.: *Жуков А. Ф.* Указ. соч., гл. 2.

предела развитию революции. Был бы только революционный энтузиазм, а поскольку он в России в избытке, то, по мнению Энгельгардта, она готова к социалистической революции ⁴⁵.

Максималисты подвергали убедительной критике программу и тактику эсеров в годы первой русской революции. Они резонно указывали на то, что при сохранении после революции основ буржуазного государства социализация земли и другие социальные реформы не могут проводиться как мероприятия по социалистическому переустройству общества. В отличие от эсеров они не допускали передачи власти ни в какой форме и ни под каким видом в руки буржуазии и рассматривали либеральную оппозицию как антинародную силу.

Наиболее целесообразным методом социального переворота максималисты считали, пользуясь их терминологией, коммунистическую, децентрализованную революцию, или коммунально-федералистский метод революции. В этом отношении взгляды максималистов, можно сказать, полностью совпадали с взглядами русских анархистов ⁴⁶. И те и другие, выдвигая на первый план понятие «захват», представляли революцию как процесс дезорганизации власти и всех сторон государственной жизни на местах — везде, где возможно, — путем захвата и экспроприации земли, предприятий, орудий производства и средств потребления, а также путем экономического и политического террора. В систему боевых актов максималисты включали экономический и политический террор, взрывы правительственных или капиталистических учреждений, экспроприации, партизанскую войну и, наконец, всеобщую стачку. Народные массы должны стремиться к тому, чтобы взять все, пока не исчерпают своих сил.

Разрушительная работа революции начинается с действий инициативного меньшинства. Террористические акты, организованные инициативным меньшинством, пробуждают подражание сначала в сравнительно узком круге представителей трудового народа, затем в более широком и так далее. От единичных террористических актов к массовой террористической борьбе — таков путь развития революции: «Как лавина в своем падении за-

⁴⁵ См.: Энгельгардт М. Указ. соч., с. 26.

⁴⁶ См.: Русская революция и анархизм. Доклады, читанные на съезде коммунистов-анархистов в октябре 1905 года. Лондон, 1907.

хватывает лежащие на пути глыбы, так и действия инициативного меньшинства захватывают в водоворот борьбы огромные массы»⁴⁷. Революционная эпоха, с точки зрения максималистов, — это прежде всего переворот в области человеческой психики, когда ломаются сдерживающие волевые начала привычки, понятия, вкусы.

Вина за поражение революции возлагалась максималистами на левые политические партии, которые «кастрируют размах революции» своими программами и тактикой⁴⁸. Если оппортунизм социал-демократов, по мнению максималистов, вытекал из их теоретической концепции буржуазной революции в России, то оппортунизм эсеров был вызван тем, что руководство этой партии оторвалось от народного движения. Выделение программы-минимум, утверждали максималисты, якобы имеет дезориентирующее значение. Лозунг Учредительного собрания вреден и опасен, поскольку в результате его реализации, как заявлял, например, Светлов, будут созданы более прочные правовые основы для «буржуазно-централистского строя»⁴⁹. Государственные думы ничего не могут дать народу, и участие в них отвлекает народ от революции. Вообще максималисты, как и анархисты, отрицали все формы легальной борьбы, которые, как считали они, мешают развитию революционной воли.

Максималисты остро критиковали тактические установки ЦК партии эсеров. Так, Нестроев писал: «Пользуясь вашими резолюциями, можно остаться только при... Государственной думе. Да здравствует меньшевизм!»⁵⁰ Верно оценивая оппортунизм меньшевиков и оппортунистические тенденции в партии эсеров, максималисты не могли правильно определить роль социалистической партии в революционном процессе. Так, по их мнению, любая партия, поскольку она основана на централизме, подавляет инициативу своих членов и тем сковывает революционную энергию. С. Светлов предлагал даже заменить политические партии самостоятельными организациями трудящихся, родившимися в годы первой российской революции. К ним он относил, не делая различий между задачами и формами общественных

⁴⁷ Воля труда. Сб. тип. П. Иванова, с. 41.

⁴⁸ Светлов С. Указ. соч., с. 12.

⁴⁹ См.: Светлов С. Указ. соч., с. 11. Ср.: Русская революция и анархизм..., с. 3.

⁵⁰ Нестроев Гр. Указ. соч., с. 29.

организаций, Советы рабочих депутатов, профсоюзы, Крестьянский союз⁵¹.

Как и все эсеры, максималисты не поняли классовой природы российской революции и той роли, которую сыграли в ней политические партии как выразители классовых интересов и тенденций.

Правонароднические взгляды на революцию 1905—1907 гг. Оценка событий первой русской революции энесами получила отражение в обзорах журнала «Русское богатство», авторами которых чаще всего были А. Пешехонов и А. Петрищев, и в серии статей В. Мякотина «Наброски современности» в том же «Русском богатстве». Другим источником для выявления этих оценок служит официальный орган партии народных социалистов журнал «Народно-социалистическое обозрение», выходивший в 1906—1907 гг. Однако следует иметь в виду, что энесовские оценки событий в разные фазы революции, в зависимости от тактических соображений не всегда, как это показал Н. Д. Ерофеев, были однозначными⁵².

В революции, по мнению энесов, участвуют как общественные силы, которые приводятся в движение жизненными интересами (материальными, в первую очередь), так и общественные силы, активность которых обусловлена высокими идеалами (внеклассовая интеллигенция)⁵³. Начинается революция в последние месяцы 1904 г. с движения за политические реформы, а с 9 января параллельно с этим политическим движением «верхних слоев» (образованного общества) развивается народное революционное движение. Вплоть до осени 1905 г. между ними, по существу, нет связи, более того, первое идет с «заметным отклонением от народного движения»⁵⁴. В октябре 1905 г. оба потока сблизились и у царизма был вырван манифест 17 октября. «Для народных «Русского богатства», — отмечает Н. Д. Ерофеев, — манифест 17 октября являлся той чертой, за которой все политические и социально-экономические вопросы должны были решаться только мирным путем, стать «делом чистой эволюции»⁵⁵.

⁵¹ См.: Воля труда, с. 11.

⁵² Об энесовских оценках декабрьского восстания и II Думы в разное время см.: Ерофеев Н. Д. Указ. соч., с. 89, 178—179.

⁵³ См.: Современность, 1906, № 1, с. 128.

⁵⁴ Современность, 1906, № 1, с. 60—65.

⁵⁵ Ерофеев Н. Д. Указ. соч., с. 76.

«С появлением масс на сцене, — писал Пешехонов, — совершенно явственно обозначился двойственный характер движения: общество в целом борется с бюрократией и в то же время внутри общества идет борьба между классами»⁵⁶. Понимая классовую борьбу как сугубо экономическую, энесы отрицательно относились к разгрому помещичьих усадеб и «захватным» действиям крестьян. С. Елпатьевский заявлял: «Можно считать развертывающиеся сейчас аграрные волнения ни желательными, ни продуктивными формами осуществления прав крестьян на землю»⁵⁷. Крестьянская борьба за землю носит анархический характер, захватами и разгромами нельзя решить аграрной проблемы — подобными высказываниями пестрят выступления энесов в печати. Положительно расценивались только те формы борьбы, которые отличались «организованностью» и «сознательностью», например забастовки. Особенно высокой похвалы они заслуживали потому, что вводили «стихийное крестьянское ожесточение в русло планомерной борьбы, которая служила до некоторой степени клапаном, предохраняющим от чрезмерных взрывов и чрезмерных эксцессов»⁵⁸. Осуждение крестьянского анархизма энесами мало чем отличалось от либерального страха перед «пугачевщиной».

Крестьянское движение, таким образом, было стихийно-революционным, но столь же стихийно-революционным представлялось энесам и пролетарское движение. Пролетариат переоценил свои силы, утверждали эсеровские меньшевики — энесы. Этому способствовала социалистическая интеллигенция. Благодаря ей «пролетарское движение как бы оказалось перегруженным политическими лозунгами». И хотя эта «перегруженность» движения политикой была психологически неизбежна и для интеллигенции, и для рабочих»⁵⁹, пролетариат подорвал свои силы всеобщими забастовками, предпринятыми «под давлением, главным образом социал-демократических организаций». Прибегая к всеобщим забастовкам и вооруженному восстанию, «революционная тактика сама себя обессилила»⁶⁰.

⁵⁶ Современность, 1906, № 1, с. 128.

⁵⁷ Современные записки (Русское богатство), 1906, № 1, с. 101.

⁵⁸ Русское богатство, 1907, № 7, с. 110.

⁵⁹ Русское богатство, 1907, № 8, с. 143.

⁶⁰ Русское богатство, 1905, № 11—12, с. 180.

Правонароднический, оппортунистический взгляд на революцию 1905—1907 гг., пожалуй, с наибольшей полнотой и ясностью изложен в книге В. М. Владиславлева «Мысли о русской революции». Слабость революции он обнаруживает в том, что все партии антиправительственного лагеря действуют сами по себе, а революция «культивирует» анархические черты в нравах масс». Сколько партий, столько и революций, заявляет Владиславлев, не вскрывая связь между классами и партиями и противопоставляя общенациональную революцию, начавшуюся с сентября 1904 г., партийной разобщенности. Социалистические партии делают ошибку, отталкивая от себя кадетов. Кадетская программа содержит много небуржуазных черт. Половина кадетской партии относится к внесловной интеллигенции, чуждой буржуазным интересам. Социалистические партии обуюла «революционная жадность». «Московское декабрьское восстание было нетерпеливым выступлением с.-д.-ских масс, которых вожаки не могли удержать и к которым они сами, в силу своего бессилия, примкнули». После октября 1905 г. произошло «раздвоение революционных сил и пролетариат без активной поддержки буржуазии, либералов и внеклассовой интеллигенции был раздавлен правительством»⁶¹.

Основные положения книги В. М. Владиславлева близки энесовским взглядам своей направленностью против тактики революционных партий. Примечательно, что даже Выборгское воззвание, которое Владиславлев пропагандирует в качестве реальной политической платформы левых партий, показалось энесам чересчур «революционным»⁶². Как и кадеты, энесы видели в I Думе центр политического движения, однако куда более реалистично, чем кадеты, определяли возможности Думы. По их мнению, I Дума не могла полно выразить народную волю, так как выборы в нее не были прямыми, всеобщими, равными и тайными и в них не участвовали левые партии. В отличие от кадетов энесы считали, что Дума ничего не может добиться без давления организованных народных масс «снизу».

Историческое значение I Думы, по мнению энесов и трудовиков, в том, что она сыграла выдающуюся роль в

⁶¹ Геллий Авл. (Владиславлев В. М.). Мысли о русской революции. СПб., 1907, с. 21, 25, 27, 63.

⁶² См.: Русское богатство, 1906, № 7, с. 177.

развитии народного самосознания. «Будущий историк, — писал С. Елпатьевский, — отметит семьдесят два дня жизни Государственной думы как огромный перелом в истории русского революционного движения». Елпатьевский сравнивает 9 января и 9 июля в смысле их идейного воздействия на массы. 9 января произошел перелом в умах и сердцах рабочих. 9 июля — в день разгона I Думы — произошел подобный перелом в крестьянских умах и сердцах⁶³.

Главным, с точки зрения энесов, в революции 1905—1907 гг. был рост народного самосознания. Чуждые научному классовому анализу сил революции, они делали упор на «общность психологии широких слоев населения»⁶⁴. Так, например, А. Пешехонов пространно рассуждал о переоценке роли, «какая принадлежала и принадлежит пролетариату в общем революционном движении», и сетовал на то, что якобы «забыта была роль, сыгранная «студентом», ничтожным казалось впечатление, уже произведенное на правительство деревней. Все сводилось к пролетариату...». В соответствии с неонародническими воззрениями на «единый трудовой класс» он утверждал, будто в революции действовал не тот пролетариат, о котором говорят «марксисты», а «почти весь трудящийся «народ», на который всегда возлагали свои надежды социал-народники»⁶⁵. Не выделяя классов в революционном народе, энесы, естественно, и не могли решить вопрос о роли каждого из них в революции. Вместо этого они выдвигали надуманную проблему революционных «верхов» (внеклассовая интеллигенция) и «низов».

Справедливо констатируя «самостоятельность» крестьянства, энесовские публицисты не ставили вопроса о том, почему крестьянство отделяло себя от «народнического социализма». Как отмечал В. И. Ленин, «в 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесшее *целый ряд* «корректиров» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий... В 1906 и

⁶³ См.: Народный труд. Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906, вып. II, с. 5, 12.

⁶⁴ Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Л., 1929, с. 397.

⁶⁵ Русское богатство, 1905, № 11—12, с. 179.

1907 гг. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внеся этим *ряд коррективов*, частью отмеченных даже народниками»⁶⁶. Но даже отмечая эти коррективы, народники не понимали их классовой сущности, так как отвергали мелкобуржуазную природу крестьянства.

Критический анализ народнических оценок революции В. И. Лениным. Несмотря на различия взглядов энесов, эсеров и максималистов на революцию 1905—1907 гг., всем им были присущи и некоторые общие исходные теоретические позиции, к критике которых не раз обращался В. И. Ленин. Указывая в плане статьи «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» на то, что история русского революционного движения являлась в то же время историей борьбы народничества с марксизмом, он выделяет центральный пункт народнического мировоззрения — «непонимание *действительного* характера происходящей революции, непонимание *действительного содержания* крестьянского движения»⁶⁷. Народникам кажется, подчеркивает Ленин в этой своей статье, что крестьянское движение опровергает марксизм, так как оно, по их мнению, есть истинно социалистическое и непосредственно-социалистическое. В действительности же крестьянское движение — необходимый спутник демократической революции, буржуазной по своему социально-экономическому содержанию.

Одним из важнейших уроков революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин называл вывод о том, что интеллигенты-трудовики, включая энесов и эсеров, и крестьяне-трудовики представляют существенно различные политические течения и что народнический социализм убит этой революцией⁶⁸. Анализ народнических взглядов на революцию всецело подтверждает сделанный Лениным вывод.

Критический анализ эсеровских оценок первой российской революции, проделанный В. И. Лениным в работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам», убедительно показывает нереалистичность идеологических и политических установок неона-

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 119.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 409.

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 342.

родников. Это проявилось в том, что эсеровская программа «...потерпела поражение во всех открытых и действительно массовых выступлениях представителей от крестьянства», что «...крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков», что трудовики, а не эсеры стали партией народных масс, что крестьянство «...обнаружило свою, отличную от пролетариата, классовую природу, показало свою мелкобуржуазность»⁶⁹. События 1905—1907 гг. доказали буржуазный характер революции, проведеншей ту классовую грань между пролетариатом и крестьянством, на которую всегда указывали марксисты.

Эсеры не разобрались ни в том, почему крестьяне выступают под «прикрытием» народнических идей, ни в том, почему они действуют вразрез с народническими идеями. И в этом сказалась общая для всех народников ошибка, на которую обращал внимание В. И. Ленин: «Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и «уравнительность», как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный, строй»⁷⁰. Неонародники отказывались признать, что в самой крестьянской среде разворачивались две социальные войны: одна — против феодальных форм угнетения и эксплуатации, политических и экономических, другая — против утвердившихся в деревне капиталистических отношений. Они предreshали свое политическое поражение тем, что возлагали на крестьянство не свойственную ему историческую миссию проложить для России путь к социализму и мыслили этот путь вне гегемонии пролетариата сначала в демократической, а затем и в социалистической революции.

Ни одно политическое течение внутри неонародничества не могло правильно оценить те исторические перспективы, которые открыла перед Россией революция 1905—1907 гг. — генеральная репетиция как второй буржуазно-демократической революции, так и Великого Октября. Неонародники часто говорили о трагедии русской революции в 1905—1907 гг., но за этой оценкой скрывался крах народнических иллюзий.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 341.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 213.

Конфликт власти и общественности в свете идей эволюционизма. Уже в июне 1907 г. В. И. Ленин отмечал возникновение либеральной историографии первой русской революции, которая к тому времени представляла собой «громадное течение» в публицистической литературе, ставящее целью изобразить «...революционные способы борьбы, революционные лозунги, революционные традиции как нечто низменное, элементарное, наивное, стихийное, безумное и т. д. ... вплоть до преступного...»¹. Отрицательное отношение к революционным способам борьбы, к политическому самоопределению народных масс в лице пролетариата и крестьянства, к крутой и решительной ломке старого порядка характеризовали идеологию русской либеральной буржуазии.

Идея прогресса в буржуазной социологии связывалась с эволюцией общества, идущего по пути постепенного накопления позитивных достижений. Главным двигателем и в то же время результатом эволюции общества либеральные историки считали изменения во взглядах людей, совершенствование их идеалов, принципов, теорий. Вместе с тем исторический прогресс включал в себя, в их понимании, и развитие форм социальной организации. «Социология с ее теорией прогресса», в высокопарном выражении М. М. Ковалевского, являлась путеводной звездой «для партий, озабоченных поступательным ходом человечества»², т. е. для либеральных партий, видевших свою цель в постепенном преобразовании России путем **реформ**.

Противопоставляя теорию классовой борьбы взглядам либералов, В. И. Ленин писал: «По учению социализма, т. е. марксизма... действительным двигателем истории является революционная борьба классов; реформы — побочный результат этой борьбы, побочный потому, что они выражают неудачные попытки ослабить, притупить эту борьбу и т. д. По учению буржуазных философов, двигатель прогресса — солидарность всех элементов общества, сознавших «несовершенство» того или иного учреждения. Первое учение — материалистич-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 25.

² Новые идеи в социологии. СПб., 1913, сб. 1, с. 5.

но, второе — идеалистично. Первое — революционное. Второе — реформистское. Первое обосновывает тактику пролетариата в современных капиталистических странах. Второе — тактику буржуазии»³.

Государство в либерально-буржуазной социологии и историографии рассматривалось как надклассовая сила, долженствующая заботиться об общественном благе, примирить интересы противоборствующих социальных сил. Однако, будучи воплощением идеи общего блага как цели общественного союза, государство в лице верховной власти может в реальной исторической практике не выполнять своей миссии. Верховная власть в этих случаях уже не выражает интересы общего блага и превращается в орудие достижения эгоистических целей — узкоклассовых, сословных, групповых, династических, личных. Происходит разрыв между государственной идеей и тем, чем государство является в действительности. Так возникает конфликт между властью и общественностью. Взаимоотношения власти (государства) и общества являются в либеральной историографии центральной проблемой политической истории. Наиболее совершенной формой политического строя либералы считали идеализируемое ими правовое государство, в котором якобы находит завершение организация власти на основе законности. За контурами идеализируемого правового государства вполне отчетливо проступала определенная историческая реальность: буржуазный правопорядок.

Революционный кризис в России начала XX в. расценивался либералами как конфликт власти и общественности по вопросу о конституции. Характеризуя положение в России накануне первой русской революции, один из либеральных общественных деятелей правовед В. Д. Кузьмин-Караваев определил его в следующих словах: «Прошлое России — зарождение и медленная эволюция идеи правового государства. Настоящее — разобщение между властью и населением»⁴. Либеральное восприятие исторической ситуации в России начала XX в. очень точно передано в выразительном названии мемуаров видного деятеля кадетской партии В. А. Мак-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 263.

⁴ Кузьмин-Караваев В. Д. Из эпохи освободительного движения СПб., 1907, вып. I. До 17 октября 1905 г., с. 2.

лакова — «Власть и общественность на закате старой России».

Неправильно думать, будто либералы совершенно игнорировали социально-экономические причины революции вообще и революции в России в частности. Они отнюдь не закрывали глаза на то, что не только в политическом устройстве, но и в экономике России сохраняются феодальные пережитки. Либералы понимали, что «обновление» государственного строя должно сопровождаться также проведением аграрной реформы. Они понимали необходимость рабочего законодательства и неизбежность возникновения в новых условиях профсоюзного движения. Еще в самом начале 1905 г. Струве заявлял, что перед конституционалистами-либералами стоит дилемма: либо они «станут во главе революции, либо они будут раздавлены революцией». Он призывал «развернуть широкую аграрную программу» (естественно, не выходящую за рамки «прусского» пути развития в сельском хозяйстве), опасаясь, что «из нужды крестьян» в связи с «социалистическим перевоспитанием рабочего класса» «получится такое движение, с которым было бы бессмысленно бороться»⁵. Либералы стремились утвердить свою гегемонию в освободительном движении, в какой-то мере учитывая требования народных масс для того, чтобы насаждая конституционные иллюзии, выдвинуть в качестве альтернативы революции программу «реформ сверху».

В процессе развития революции в либеральном движении определились две ведущие партии — конституционно-демократическая и «Союз 17 октября». «...Октябристы и кадеты, — писал В. И. Ленин, — два фланга *одного класса*, два фланга буржуазного *центра*»⁶. Соответственно и в буржуазной историографии первой российской революции различаются две основные версии событий 1905—1907 гг. — кадетов и октябристов.

Кадетский вариант истории революции 1905—1907 гг. создавался прежде всего лидерами и идеологами этой партии. Активную роль среди них играли видные представители университетской науки — историки П. Н. Миллюков, А. А. Кизеветтер, А. А. Корнилов, И. В. Лучицкий, юристы А. С. Алексеев, Н. А. Гредескул, С. А. Котляревский, экономисты С. Н. Булгаков, П. Б. Струве,

⁵ Освобождение. Париж, 1905, № 67, 18 (5) марта, с. 281—282.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 170.

М. И. Туган-Барановский, философы Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие буржуазные ученые. Основная идея, которая развивалась в их публицистике, — это идея не доведенной до конца, незавершенной, остановившейся на полпути революции, революции образца 1848 г. в Германии.

Будучи, как и кадеты, сторонниками европеизации России, октябристы в отличие от кадетов, идеалом которых была незавершенная революция, негативно относились к любым действиям народных масс, направленным против существующего строя. Действия темных народных масс, всегда подчеркивали идеологи октябризма, способны только тормозить политический и экономический прогресс страны. Революция, по выражению А. И. Гучкова, «страшное оружие». «... Торжество революции или даже просто обострение революционного кризиса, — запугивал он, — похоронит и нашу молодую политическую свободу и остатки нашей культуры и благосостояния»⁷. Чтобы избежать революции, надо сотрудничать со старой властью, поддерживать ее в борьбе с революционным движением и требовать от нее реформ, не усугубляя конфликт между властью и общественностью.

В отличие от кадетов октябристы располагали гораздо меньшими литературными и научными силами. Кроме лидера партии октябристов Гучкова и историка В. И. Герье о событиях 1905—1907 гг. писали главным образом журналисты октябристского толка — Васильев, Н. Насакин-Симбирский, Н. Николаев. Но особенно много известных журналистов, писавших о революции, было среди кадетов (Р. М. Бланк, И. В. Гессен, А. С. Изгоев и др.).

Наиболее распространенным жанром работ о революции 1905—1907 гг. в либеральной историографии были публицистические статьи, которые печатались на страницах ряда газет и журналов, а также выходили отдельными тематическими (например, посвященными I Думе) и персональными (Милюков, Струве, Изгоев, Кузьмин-Караваев и др.) сборниками.

Особым жанром в либеральной историографии были сборники материалов о событиях 1905—1907 гг. «Новый строй» В. П. Обнинского — единственная значительная по объему собранного в ней фактического материала

⁷ Русские ведомости, 1906, 10 сентября.

книга о революции 1905—1907 гг. в либеральной исторической литературе⁸.

«Общенациональная революция» в кадетской публицистике. Позиции либеральных историков уже четко обозначены в их периодизации истории революции 1905—1907 гг. Так, Милюков⁹ выделял следующие периоды: 1. Первые шаги общественной организации и первые конституционные уступки (с ноября 1904 г. до октября 1905 г.). 2. Высшее напряжение революции в конце 1905 г. и кратковременная общественная реакция 1906 г. — переходный момент революции. 3. Первые шаги на пути развития народного представительства (I и II Думы).

Как и все либералы, исходным моментом революции Милюков считал не 9 января 1905 г., а организованное «Союзом земцев-конституционалистов» и «Союзом освобождения» общеземское совещание 6—9 ноября 1904 г., выдвинувшее состоявшую из 11 пунктов либеральную программу политических реформ. Игнорируя тот факт, что социал-демократическая партия уже имела свою программу, Милюков объявлял это совещание началом процесса переработки литературных мнений в политические программы.

Высший подъем революции для Милюкова, как и для других либеральных историков, связан с октябрьской политической забастовкой, успех которой противопоставляется ими неудаче Декабрьского восстания. Двумя важнейшими событиями этого периода революции Милюков считает октябрьскую политическую забастовку и образование либеральных политических партий. Собственно образование политических партий, по его мнению, логически завершает первый период. Однако развитие революции как бы совместило завершение предыдущего и начало последующего периодов.

Основное содержание последнего этапа революции сводится Милюковым исключительно к парламентской борьбе при полном игнорировании внедумской революционной борьбы народных масс на протяжении 1906 и 1907 гг. Содержание революции с момента созыва I Ду-

⁸ См.: Обнинский В. Новый строй. М., 1909, ч. I. Манифест 17 октября — 8 июля 1906 г.; ч. II. Реакция.

⁹ Взгляды Милюкова на историю революции 1905—1907 гг. наиболее полно изложены в сборниках его статей «Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906» (СПб., 1907) и «Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907». (СПб., 1908).

мы Милюков видит в том, что «борьба парламентская устраняет борьбу революционную; и по мере того, как в стране укореняется парламентская борьба, борьба революционная делается излишней... Страна находится на переломе от революционной тактики к тактике парламентской»¹⁰.

Все фазы русской революции, с точки зрения либералов, являются фазами борьбы за конституцию. Еще более явственно, нежели у Милюкова, это проглядывает в периодизации истории первой русской революции А. С. Алексеева¹¹. Последний выделяет в борьбе за конституцию следующие этапы: 1. 1899—1904 гг. — борьба самодержавия с земством, помогающим реформ государственного строя. 2. 27 августа 1904 г. — 18 февраля 1905 г. («эпоха доверия», обещание реформ министром внутренних дел П. Д. Святополком-Мирским) — поворот к политике нерешительных уступок. 3. 18 февраля — 6 августа 1905 г. — время от сенатского указа о разрешении подавать в Совет Министров предложения об усовершенствовании «государственного благоустройства» до манифеста об учреждении законовещательной Думы. 4. Август — октябрь 1905 г. — провозглашение коренных принципов конституционного строя.

Характерно, что в обеих периодизациях (Алексеева и Милюкова) выпадает такая веха, как 9 января. Это не случайно. Не массы, а интеллигенция — главный двигатель освободительного движения в представлении либералов. «В руках интеллигенции, — утверждали идеологи либерализма, — находятся все ключи от национальной судьбы того народа, представительницей которой она является»¹².

Соответственно в буржуазной историографии революции 1905—1907 гг. прослеживаются два сквозных сюжета — либеральное движение (к нему в первую очередь сводится организация общественных сил) и политика правительства с ее колебаниями по отношению к реформам и с ее репрессиями по отношению к населению. Причем кадеты делают акцент на осуждении репрессий, как средства, не достигающего цели, а октябри-

¹⁰ Милюков П. Вторая Дума, с. 201.

¹¹ См.: Алексеев А. С. Манифест 17 октября и политическое движение, его вызвавшее. М., 1915.

¹² Интеллигенция в России. Сб. статей. СПб., 1910, с. 232.

сты переносят акцент на необходимость замирения страны, как условия проведения реформ.

Свои взгляды на соотношение сил в русской революции Милюков изложил в программной статье «Основные задачи момента», опубликованной в 1-м номере первого печатного органа ЦК кадетов газеты «Свободный народ». В русской революции, по его мнению, действуют три силы — правительство, революционное движение и «сознательные элементы общества, не потерявшие головы вместе с правительством и не подвергшиеся революционному гипнозу...»¹³. Кто овладеет положением — правительство или русская революция — так ставит коренной вопрос Милюков. И правительство, и революционеры выдвигают недостижимые цели: правительство — стремясь сохранить самодержавие; революционеры — надеясь свергнуть самодержавие путем прямого вооруженного восстания и установить в стране демократическую республику.

Подобно Милюкову, историк П. Г. Виноградов выделяет в «Политических письмах»¹⁴ три силы, взаимоотношения которых определяют, каким будет будущее России. Эти три силы, или три фактора, — правительство, образованное общество и народ. От того, как они поведут себя, зависит выбор пути, выбор между революцией и органическими реформами, выбор между двумя историческими образцами — Францией 1789 г. и Германией 1848 г. С точки зрения Виноградова, все три существующие силы в политическом отношении недостаточно сознательны, зрелы. Правительство проявляет отсутствие реализма, понимания обстановки, ибо «бессильная, дискредитированная бюрократия продолжает заправлять государством». Вызывает большие опасения у осторожного либерала и русская интеллигенция, которая напоминает ему французскую накануне событий 1789 г. Ей, по мнению сторонника органических реформ, присущи такие черты, как несбыточные фантазии, прямолинейные шаблоны, вера во всемогущество формальных преобразований, желчная нетерпимость к разномыслящим. Но как ни беспокоит Виноградова радикализм части русской интеллигенции, еще больше он боится революционного натиска народных масс, доведенного до своего логического конца, до уничтожения самодержавия, до пе-

¹³ Милюков П. Год борьбы, с. 164.

¹⁴ См.: Русские ведомости, 1905, 5, 14, 19 августа.

рехода власти в руки — пусть временно в его изображении — самых темных, озлобленных и склонных к анархии, по его аттестации, слоев населения. «Уповать на благоразумие, гуманность, справедливость народных масс, — поучает историк, — было бы неосторожно»¹⁵. Революция, в глазах Виноградова, — «опасный прием исправления крайностей реакции»¹⁶, ее нужно и ее можно избежать, если интеллигенция отречется от радикализма, а царизм проявит благоразумие, как это было в 1861 г., когда в наличии оказалось важнейшее условие нормального исторического развития — союз правительства и «общества».

Несмотря на все различие в оттенках либеральной исторической мысли, вырабатывавшей оценки событий первой русской революции, представляющая ее публицистика полна «...буржуазной ненависти ко всем проявлениям крутого, ломающего старые учреждения, революционного в непосредственном смысле слова способа решения социально-исторических вопросов»¹⁷. Все решительные действия масс, начиная от крестьянских «бунтов» и кончая декабрьскими вооруженными восстаниями, в либеральной публицистике квалифицируются как «революционные ошибки», как «стихия безумия», развязанная «слепыми инстинктами». Эти действия масс выдаются за побочную, тупиковую, бесперспективную линию революции. Именно нерегулируемая революционность, расколовшая освободительное движение, привела, с точки зрения либералов, к успехам реакции.

Поскольку буржуазия в борьбе против самодержавия вынуждена была опираться на народ, использовать массовое движение в интересах достижения своих целей, то «мирные» его проявления, выражавшиеся в забастовках, митингах и иных формах протеста, в отличие от вооруженных выступлений трактовались как политически неэффективные акции. Не случайно всероссийская октябрьская политическая забастовка признавалась вершиной, пиком первой русской революции, пройдя который она вышла на конституционную и парламентскую стезю.

Противопоставление Октябрьской политической забастовки как наибольшего успеха революции неудаче декабрьского вооруженного восстания — одно из крае-

¹⁵ Русские ведомости, 1905, 5 августа.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 228.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 325.

угольных положений либеральной концепции истории первой русской революции. Это положение обосновывалось, с одной стороны, идеализацией манифеста 17 октября, акцентом на его юридическую силу при замалчивании курса царизма на обман масс, с другой — бесперспективностью вооруженной борьбы против самодержавия. Объявляя всероссийскую политическую забастовку «великим гражданским подвигом в октябре», Милюков называет решение Московского Совета рабочих депутатов о начале всеобщей забастовки и переводе ее в вооруженное восстание «роковым для всего хода освободительного движения» и даже «преступлением против революции». Восстание, дескать, выгодно только царскому правительству, которое, воспользовавшись случаем, разгромит революционные силы¹⁸.

«Первый камень русской конституции, — писал Милюков, — был заложен манифестом 17 октября»¹⁹. Манифест 17 октября был добыт благодаря совместным действиям всех оппозиционных сил. Однако этот наибольший успех революции оказался чреват расколом оппозиционных сил, и этим, в трактовке либералов, объяснялся дальнейший спад нажима на царизм. Таким образом, либералы придавали естественному размежеванию классов и политических партий в октябре 1905 г., марксистский анализ которого дал в статье «Первые итоги политической группировки» В. И. Ленин²⁰, значение трагического фактора революции.

В центре внимания либеральной историографии находились I и II Государственные думы. Это и естественно, поскольку для либералов создание представительных учреждений было одной из задач преобразования России. Кадетская Дума, громко названная «Думой народных надежд» и «народного гнева», неумеренно расхваливалась публицистами, партия которых победила на выборах и обеспечила себе в ней большинство. Это ярко проявилось как в работах, вышедших вскоре после разгона I Думы²¹, так и в юбилейной литературе²².

¹⁸ См.: *Милюков П.* Год борьбы, с. 171.

¹⁹ Там же, с. 150.

²⁰ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 7—15.

²¹ См.: *Винавер М.* Конфликты в первой Думе. СПб., 1907; *Езерский Н.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907; *Первая Государственная дума. Сб. статей.* СПб., 1907, вып. 1—3; и др.

²² См.: К 10-летию 1-й Государственной думы. 27 апреля 1906—

Апрель — июль 1906 г., по Милюкову, — период, который характеризует «упорная борьба первой Думы с бюрократическим министерством» и замирение русского общественного мнения, возлагавшего свои надежды на Думу. Перед роспуском I Думы бледнеют, как он презрительно выражается, «мелкие обыденные эпизоды уличной революции, о которых мы устали читать в каждом номере газет...»²³. Ошибку правительства Милюков, верный либеральной политической концепции «разоружения революции» путем реформ, видел в том что, «распустив Думу, оно лишило освободительное движение его легального русла и мирных форм организации»²⁴. Этим правительство продлило революцию.

Заслугу I Думы кадеты обнаруживали в том, что в ней были поставлены, как они выражались, на всенародное обсуждение коренные вопросы русской государственной жизни — аграрный, политической амнистии, создание ответственного министерства, расширение гражданских свобод. Дума, в их изображении, — арена решающей открытой борьбы политических сил, главенствующая роль в которой принадлежит партии «народной свободы», выступающей с самой реалистической программой. Анализируя конфликты с трудовиками в Думе, кадетские публицисты стремились возложить вину на крестьянских депутатов, которые не могли трезво определить границы осуществимости требований «Черного передела». Благородные рыцари свободы, непримиримые борцы с абсолютизмом, радетели крестьянских интересов — такими себя видели (хотели видеть!) кадеты в I Думе.

Вполне в кадетском духе оценивали I Думу и представители ряда незначительных либеральных партий и группировок. Так, М. М. Ковалевский считал, что значение I Думы заключается в обличении самодержавной и бюрократической России. Выступления ее депутатов были «словом осуждения всему существующему порядку сверху донизу, от безответственного министра до бесконтрольного земского начальника». Ковалевский, один из немногих среди либералов, указывал и на действительные причины слабости и падения Думы — на то, что она не имела в своем распоряжении ни национальной гвар-

27 апреля 1916 г. Пг., 1916; Право, 1916, № 17.

²³ Милюков П. Год борьбы, с. 533, 582.

²⁴ Речь, 1906, 6 (19) сентября.

дии, ни организованных на местах комитетов поддержки²⁵.

История I Думы для кадетов представлялась неотъемлемой частью подъема освободительного движения, после октября 1905 г. вторым его пиком. В. П. Обнинский и некоторые другие леволиберальные авторы разгон I Думы приравнивали по значимости к третьиюньскому перевороту.

История II Думы, как и первой, превращалась под пером кадетов в панегирик их партии, которая сделала все возможное для конструктивной работы оппозиционных сил, для «бережения» Думы и решения аграрного вопроса не по-столыпински²⁶. Однако II Думе не суждено было оправдать возлагавшихся на нее надежд. Причиной слабости II Думы Милюков считал слишком радикальный исход выборов, который привел к тому, что в ней отсутствовал прочный и преобладающий конституционный центр, борющийся исключительно парламентскими приемами. Поэтому Дума больше использовалась правыми и «левыми» как агитационная трибуна, нежели как учреждение для положительной парламентской работы. Ослаблению Думы содействовали также «активные выступления» на местах. В этих условиях Думе пришлось бороться не за победу парламентаризма, а за самое свое существование. Но призыв «беречь Думу» помог сплочению вокруг кадетов большинства депутатов.

Извращая расстановку политических сил во II Думе, Милюков заявляет: «Несмотря на то, что... создание прочного большинства в Думе не удалось фракции народной свободы, фракция тем не менее почти всегда имела за собой фактическое большинство». Точно так же извращает лидер кадетов думскую деятельность представителей «левых» партий, пытаясь возложить на них вину за неизбежный роспуск Думы. «Руководство левых, — провозглашал Милюков, — сыграло свою роковую роль в судьбе Думы, и с ее роспуском был пропущен благоприятный момент для крестьян — провести в Думе земельную реформу в духе проекта, предложенного партией народной свободы». В то же время Милюков стремится представить в лучшем виде умеренных

²⁵ Страна, 1907, 1 (14) января.

²⁶ См.: Каминка А. И., Набоков В. Д. Вторая Государственная дума. СПб., 1907; Кизеветтер А. Вторая Дума. — Русская мысль, 1908, № 8; Милюков П. Вторая Дума.

правых: «Более умеренная часть правых искренне поддерживала конституционный центр и тем, несомненно, парализовала последствия неосторожных выступлений левых»²⁷. По существу, у Милюкова в роспуске II Думы оказываются виноваты левые партии, а не правительство. Это настолько противоречило действительности, что даже ряд кадетских публицистов (Обнинский и др.) указывали на обреченность II Думы, поскольку царское правительство заранее планировало ее роспуск, а Дума была изолирована от народа, который перестал возлагать на нее надежды. «Роспуск Думы, — сетовал Изгоев, — показал настоящую величину разрыва между идеальными стремлениями интеллигенции и реальными жизненными потребностями массы»²⁸.

Сам факт существования Думы был для всех либералов ключевым в их оценке результатов освободительного движения 1905—1907 гг. «Собирая и распуская Думу, — писал В. О. Ключевский, — управляя страной без нее и без нее же издавая важнейшие акты, имеющие законодательное и даже учредительное значение, правительство все же стоит все время лицом к лицу с народным представительством, около которого, как около оси, вращается его деятельность»²⁹. Идеализация Думы как представительного учреждения, преувеличение возможности сотрудничества ее с царским правительством, как и ее влияния на ход революции, характерны для освещения истории I и II Государственных дум в либеральной литературе.

«Ни русское правительство, ни какое другое не знает иного способа разоруживать революцию, как проведя ее представителей через горнило народного представительства», — убеждает Милюков. Дума представляется чем-то вроде буфера между силами, стремящимися к конфликту, — революционерами и сторонниками самодержавия³⁰. У Думы как бы двойное предназначение. С одной стороны, она, удовлетворяя хотя бы частично народные требования, делает излишними революционные методы борьбы и превращает оппозицию вооруженную в «мирную оппозицию». С другой стороны, на почве ре-

²⁷ Милюков П. Вторая Дума, с. 282, 283.

²⁸ Изгоев А. С. Русское общество и революция. М., 1910, с. 22.

²⁹ Ключевский В. Краткое пособие по русской истории. 8-е изд. М., 1917, с. 237.

³⁰ См.: Милюков П. Вторая Дума, с. 263—264.

форм возникает сотрудничество между царизмом и либералами и в лице последних монархия получает ту общественную опору, которой ей не хватает.

При оценке причин поражения освободительного движения в 1905—1907 гг. в либеральной историографии усиленно муссировался тезис о политической неразвитости и слепоте народных масс, которые, дескать, не понимали всей важности для них гражданских свобод и представительных учреждений. В свою очередь, левые партии, руководствуясь утопическими целями, разжигали классовую рознь. «В результате вместо дружной борьбы с реакционным течением, — сожалел либеральный историк-публицист, — получилась ожесточенная распря партий, разгорелась проповедь борьбы пролетариата с буржуазией...»³¹ Только отказ от классовых требований во имя конституции может обеспечить, по мнению либералов, успех освободительного движения, т. е. уступки ему со стороны царской власти.

В кадетской литературе много внимания уделяется оценке деятельности политических партий в годы первой российской революции. В основе либеральных оценок лежит противопоставление задач «общенациональной» революции «эгоистической» стратегии и тактике партий, предавших забвению эти задачи ради узкоклассовых интересов. Возглавить освободительное движение, по утверждениям кадетов, может только та партия, «внеклассовый» характер которой соответствует «надклассовости» самого движения. Такой именно партией, якобы выдвинувшей реалистическую программу, которая учитывает интересы всех социальных слоев в составе освободительного движения, и пытались представить себя кадеты.

Тезис о внеклассовом характере кадетской партии являлся ведущим не только в пропагандистской деятельности кадетов, но и служил фундаментальным устоем их политических построений. Они на все лады утверждали, будто их партия, партия «народной свободы», выражает «внеклассовые интересы» «прогресса» в России. Вводя в заблуждение читателей, Кизеветтер «разъяснял»: партия кадетов «называет себя внеклассовой потому, что, по ее убеждению, целью государственной политики должно служить общегосударственное благо, а не односторонняя защита интересов какого-либо опреде-

³¹ Зорев П. Перелом. Обзор первого периода освободительной борьбы. М., 1907, с. 331.

ленного класса»³². Кизеветтер заходит даже дальше, изображая кадетов в роли борцов против буржуазии, защитников рабочих и крестьян. Затушевывая классовые корни кадетизма, он заявлял: «Программа партии народной свободы есть, по существу, антибуржуазная программа». Сравнивая между собой кадетов, с одной стороны, и социал-демократов и эсеров — с другой, он писал: «Все эти партии отличаются не степенью близости или отчужденности от буржуазных идеалов, а степенью практичности и осуществимости средств той борьбы, которую все они хотят вести против основ буржуазного жизненного строя»³³.

Пытаясь скрыть классовый антагонизм политических программ кадетов и социалистических партий, кадетские публицисты утверждали, что такие программные требования их партии, как введение 8-часового рабочего дня, признание права стачек и создания профессиональных союзов, а также необходимость отчуждения части помещичьих земель, несут антибуржуазный характер.

Тот факт, что в России сложилась в лице кадетов внеклассовая и внесловная партия, Милюков объяснял историческими судьбами освободительного движения, в котором главной оппозиционной силой по отношению к самодержавию являлась интеллигенция. В программном выступлении на I учредительном съезде кадетской партии Милюков пытался определить ее место среди других политических партий. «Конституционно-демократическое течение,— утверждал Милюков, затемняя истинную сущность кадетизма,— фактически отмежеввалось, с одной стороны, от чистой классовой доктрины пролетариата, с другой — от общественных элементов, надеющихся со временем создать политические группы аграриев и промышленников. Сам характер политической борьбы, возможный при старом порядке, сообщил движению и закрепил за ним оттенок идейного внеклассового движения, соответствующий традиционному настроению русской интеллигенции». Левее кадетов находятся, как их постоянно именует Милюков, бланкистские партии, к таковым он причисляет без всяких на то оснований и социал-демократов. Справа от каде-

³² Нападки на партию народной свободы и возражения на них. М., 1906, с. 6.

³³ Кизеветтер А. Социал-демократы в Думе. — Русские ведомости, 1906, 5 июля.

тов — октябристы. «В своем составе этот союз, — характеризует его Милюков, — обнимает решительно все оттенки современного политического настроения, начиная с черной сотни и правового порядка и кончая скрытными сторонниками к.-д. партии»³⁴. Из тактических соображений Милюков склонен преувеличивать различия между кадетами и октябристами и замазывать их классовую общность. Но критика кадетами октябристов, если ее внимательно анализировать, несмотря на полемические выпады, показывает, что по основным вопросам между этими обеими партиями буржуазии разногласия не столь велики, как их изображали кадетские и октябристские публицисты.

Попытка классификации политических партий в России была предпринята Милюковым в докладе, опубликованном в газете «Речь» под названием «Наши политические партии в стране и в Думе». Подробный разбор этого доклада дал В. И. Ленин в статье «Последнее слово русского либерализма». Милюков выделял три главных политических течения: демагогический монархизм, буржуазный конституционализм и демократический конституционализм. К первому из них он относил черносотенные партии, ко второму — октябристов и к третьему — кадетов. Как заметил В. И. Ленин, либеральный историк пытается поставить вопрос научно, поскольку он выясняет, каков социальный базис рассматриваемых им политических течений, или главных политических партий. Он верно отмечает, что царизм в поисках социальной опоры становится демагогическим³⁵. Он также не ошибается, когда говорит о том, что демагогический монархизм и буржуазный конституционализм объединяет «отрицательная задача»: «...общая оборона против более радикальных социальных или политических течений»³⁶. Но, как подчеркивал В. И. Ленин, классовый анализ политических партий в России оказался не под силу либеральному историку. Либеральной иллюзией называл Ленин утверждение Милюкова о том, что социальный базис контрреволюционной буржуазии и помещиков «слаб». Не соответствует действительности и утверждение Милюкова о радикализме кадетов: «На деле — вся политика кадетов идет против радикализма

³⁴ Милюков П. Год борьбы, с. 98—99, 143.

³⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 177.

³⁶ Речь, 1909, 25 ноября (8 декабря).

масс»³⁷. Милюков замазывает противоречия между либерализмом и демократизмом: как только взгляд кадета направляется налево, отмечал Ленин, «классовые различия исчезают: либералы представляют и крестьян, и рабочих, и городскую демократию в качестве обще-демократической оппозиции!»³⁸.

В то же время Милюков не может не признать, что самый широкий и организованный социальный базис имеет опирающаяся на рабочий класс социал-демократия³⁹. Милюков понимает, что конкуренция с социал-демократами в борьбе за рабочий класс малоперспективна. Однако в отношении крестьян он, как замечал Ленин, «...не теряет надежды...»⁴⁰. Не случайно поэтому в кадетской литературе сознательно преуменьшаются противоречия между кадетами и народническими партиями, особенно трудовиками. «... Разногласия между трудовой группой и «кадетами», — писал, например, депутат I Государственной думы от кадетской партии Обнинский, — никогда не были коренными: только левый якорь тормозил немного слияние этих партий...»⁴¹. Утверждение о том, что между кадетами и трудовиками отсутствуют коренные разногласия, было опровергнуто опытом I, II и III Государственных дум, но этот кадетский публицист, как и Милюков, не видит отличия либералов от демократов «потому, что *не хочет* видеть»⁴². Менее приемлемы, чем трудовики и энесы, для кадетов эсеры. Их отталкивает от эсеров прежде всего тактика террора. Но показательно, что главную опасность для кадетов их лидеры обнаруживают отнюдь не в эсерах, а в борющихся за гегемонию рабочего класса большевиках.

Возложив «провал» дела «демократического конституционализма» на «крайние партии», кадеты оправдывали стратегию и тактику «компромиссов», объявляли ее реальной линией революции. Будучи партией «либеральной утопии», они не могли избавиться от той иллюзии, что в России возможны перемены без и вне ожесточенной классовой борьбы. Констатируя, что «опыт кадетской конституции» окончился крахом, В. И. Ленин видел

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 179.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 170.

³⁹ См.: Речь, 1909, 25 ноября (8 декабря).

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 179.

⁴¹ Обнинский В. Новый строй, ч. II. Реакция, с. 266.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 170.

его причину не в отсутствии соответствующих желаний у либералов и даже у правительства, а в глубине объективных противоречий революции. «Эти противоречия *оказались* настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно»⁴³. Дело в том, что требование радикальной аграрной реформы крестьянами (за «американский» путь развития сельского хозяйства) нельзя было никакими дипломатическими ухищрениями кадетов приспособить к интересам помещичьей России.

Октябристы: революция 1905—1907 гг. «с точки зрения капиталиста и помещика». В отличие от кадетов октябристы в истории революции 1905—1907 гг. четко противопоставляли две линии: союза либеральных сил с царизмом и революционного движения. Осуждение кадетов в октябристской литературе связано с тем, что кадеты, с точки зрения консервативной части русских либералов, зашли слишком далеко в своем заигрывании с народными массами, а следовательно, как казалось октябристам, и с революционным движением. Можно, как угодно, относиться к программе кадетов, но ее выполнение, заявлял явно преувеличивая и запугивая умеренных обывателей Гучков, возможно лишь революционным путем⁴⁴. «... Наши политические группировки, — уточнил позиции октябристов Гучков, — определяются в настоящий момент не столько внутренним содержанием партий, их задачами и программами, сколько внешними фактами того или иного отношения к революции, к революционному способу борьбы, к революционным организациям»⁴⁵.

Октябристы противопоставляли себя как либералам западноевропейского типа, к которым они относили кадетов, так и монархистам-черносотенцам. «Надо быть Маниловым, — заявлял публицист С. Н. Сыромятников, — чтобы думать, что на дворянских и чиновничьих привилегиях можно построить новую, свободную Россию»⁴⁶. Идеалом октябристов была бисмарковская Германия, где либерализм и социал-демократия, по выражению профессора П. Мигулина, были побеждены авто-

⁴³ Ленин. В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 60.

⁴⁴ См.: Речи, произнесенные 5-го ноября 1906 г., на общем собрании членов С.-Петербургского отделения Союза «17-го октября». СПб., 1907, с. 12.

⁴⁵ Русские ведомости, 1906, 10 сентября.

⁴⁶ Слово, 1906, 23 марта (5 апреля).

кратией, взявшей на себя проведение реформ⁴⁷. По мнению октябристов, Россия нуждается в обновлении прежних основ государственного порядка, которое не должно переходить в их перерождение. Эволюционный путь продвижения России в направлении ее преобразования в «правовое государство» вполне может быть обеспечен в рамках монархии. Тезис о том, что инициатива реформ в России принадлежит ее государям, являлся основополагающим в октябристской концепции освободительного движения.

Октябристы, поддерживая правительство в борьбе с революцией, причисляли себя к партиям социального мира и порядка. Они видели свою главную цель в «наведении мостов» между «обществом» и исторически сложившейся в России монархической властью. Мы — «миротворители», «мостостроители», заявлял лидер «Союза 17 октября» Гучков. С одной стороны, пояснял он, октябристы опираются на «старые» начала, а с другой — ценят идеалы современного культурного (читай: западноевропейского) мира, которые являются для них путеводными звездами⁴⁸. Избегая классовых определений природы и позиций своей партии, октябристы не скрывали приверженности к священному принципу частной собственности (в ее буржуазном понимании), для защиты которой необходима сильная государственная власть. Насильственное отчуждение частновладельческих земель, с точки зрения октябристов, есть революционный акт, чреватый опасными последствиями. Отрицая все формы революционного воздействия на власть, включая политические стачки, октябристы оценивали события 1905—1907 гг. как смуту, приносящую вред государству. В отличие от монархистов-черносотенцев они считали, что смута была вызвана не только «помрачением умов», но и непоследовательностью правительства в проведении необходимых стране реформ. «Настоящим» освободительным движением, с точки зрения октябристов, была земская кампания осени 1904 г., радикально же настроенные левые элементы интеллигенции мешали реформированию России и идейно подготавливали революцию. Затягивание реформ и ошибки правительства привели к

⁴⁷ См.: Слово, 1906, 23 июня (6 июля).

⁴⁸ См.: Отчет Центрального комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1912 года по октябрь 1913 года. М., 1913, с. 77—78.

тому, что рабочее движение подпало под влияние про-
никнутых духом якобинства социал-демократов.

В книге Н. Симбирского, посвященной Гапону, 9 января и связанные с ним события рассматриваются под углом зрения борьбы двух путей в рабочем движении. Решался вопрос о том, пойдут ли рабочие по пути умеренных требований, как их западноевропейские собратья, или поддадутся революционной агитации. Победила последняя тенденция. Гапон оказался не тем вождем, который смог бы удержать рабочих от радикализма ⁴⁹.

Рассматривая рабочее движение в 1905 г., Симбирский в другой своей книге отмечает, что после 9 января началось «правильное революционное воспитание» рабочих социал-демократами не только в Петербурге, но также в Москве и других городах. Эта работа принесла плоды: «В Москве создался громадный революционный пролетариат». Городские рабочие стали «надежным материалом» для вождей революционных партий ⁵⁰. Сходную оценку роли социал-демократов в рабочем движении давал и Н. Николаев. «Всем известно, — писал он, — как организовывались и протекали все наши русские забастовки. Непосредственное руководство и инициативу здесь брала на себя социал-демократическая партия...» ⁵¹ Рабочий класс был тем рычагом, который перевел в практику идеи, внушенные ему интеллигенцией. Если бы не социалистическая интеллигенция, то забастовочное движение не приняло бы политического характера. Поскольку революционные организации терроризируют власть и прививают рабочим и народным массам анархические и утопические взгляды, социалистические партии, утверждали октябристы, опаснее черной сотни ⁵².

Поворотным моментом в реформаторской деятельности правительства Гучков считал положение 6 августа. Он расценивал его как акт несовершенный, но знаменовавший «переворот в государственном строе», поскольку был введен принцип народного представительства ⁵³.

⁴⁹ См.: *Симбирский Н.* Правда о Гапоне и «9-м январе». СПб., 1906, с. 1, 80 и др.

⁵⁰ *Насакин-Симбирский Н. В.* Очерки Московской революции. СПб., 1906, с. 2.

⁵¹ *Николаев Н.* Москва в огне 1905—7 гг. М., 1908, с. 54.

⁵² См.: *А. М.* Довольно! Отповедь крайним партиям. М., 1906, с. 5—6.

⁵³ См.: *Русские ведомости*, 1906, 10 сентября.

При всем сходстве оценки закона о булыгинской Думе у Гучкова и Милюкова (новая эра свободной политической жизни, «перевал», рождение «народного представительства») различие между ними заключается в том, что кадеты признавали связь «уступок» царизма с нажимом на него революционных сил, тогда как октябристы усматривали во всех «конституционных» актах царского правительства продолжение его реформаторской деятельности, начатой в 1861 г. И Гучков, и Милюков признавали также, что революция выдвинула «долю справедливых требований», хотя эта «доля» понималась кадетами и октябристами по-разному в соответствии с их партийными программами. Однако октябристы считали «союз» «общества» с революцией ошибкой. Этой позицией объясняется их резкая критика кадетов, которые, дескать, непростительно заигрывают с революцией. «... Революция, а не правительство, — заявлял Гучков, — является помехой к обновлению нашего отечества. Вся борьба со стороны и правительства, и общества должна быть направлена в эту сторону» ⁵⁴.

Манифест 17 октября являлся для октябристов закономерным следствием полувековой деятельности русских монархов по преобразованию страны. На почве манифеста в России утверждается конституционная монархия и нормальная политическая жизнь, основанная на правовых началах, создаются условия для сотрудничества общества с властью ⁵⁵. Политическая революция кончилась 17 октября. «Теперь, — говорил П. С. Чистяков, — борьба уже идет не с правительством только: начался поход экономический, началась самая тяжелая из всех революций — революция социальная» ⁵⁶. Развитие революции задержало претворение в жизнь положений манифеста. Только подавив революцию, заявлял Гучков, можно было осуществить правительственную программу нововведений. Эта программа прогрессивна, хотя и страдает неполнотой. Оставшиеся разногласия будут устраняться в процессе парламентской работы. Гучков считал, что тактика репрессий по отношению к революции вполне совместима с либеральной и даже, как он выражался, радикальной общей политикой правительства,

⁵⁴ Русские ведомости, 1906, 10 сентября.

⁵⁵ См.: Воззвание от «Союза 17 октября». — Слово, 1905, 9 (22) ноября.

⁵⁶ Чистяков П. С. Речи октябриста. 1905—1907 гг. СПб., 1907, с. 7.

но оправданием мер подавления революции может служить решимость правительства укрепить конституционный строй и провести демократические реформы. Обществу должно отречься от революции и изолировать ее. Гучков оправдывал расправу с революцией во имя «железного закона государственной необходимости»⁵⁷.

В отличие от кадетов, которые в апологетических тонах описывали деятельность Государственных дум, октябристы давали им отрицательную оценку. Победа кадетов на выборах в I Государственную думу, по мнению октябристских публицистов, объяснялась в первую очередь тем, что правительство затянуло ее созыв. Это запоздание сыграло на руку левым силам, которые «вызывали» декабрьское вооруженное восстание в Москве, а затем вели революционную агитацию во время выборов. В этих условиях кадеты, будучи, по выражению Герье, «партией народного соблазна», делают ставку на тактику «штурма», стремясь запугать власти и заставить их уступить кадетским домоганиям. Представленная кадетами и трудовиками I Дума «выражала собой общественное настроение в его крайних направлениях». Уже в ответном адресе Государственной думы на речь Николая II, возмущается Герье, «не было ни одного слова благодарности монарху, осуществившему давнишние желания русского либерализма»⁵⁸. Октябристы с консервативных позиций осуждали требование общей амнистии, которое они считали политической ошибкой кадетов. Обсуждение этого вопроса, дескать, привело к тому, что «улица заговорила уже не об амнистии, а прямо о революции»⁵⁹. В еще большей степени ополчались октябристы против политики трудовиков и даже кадетов по аграрному вопросу. Проекты трудовиков и кадетов, утверждали они, не спасут крестьянство от разорения, а только возбудят мысль о «Черном переделе». С этой точки зрения, для Брянчанинова кадетский проект 42-х является «необдуманым и возмутительным». Проектом же обращения к населению по аграрному вопросу Дума подписала себе смертный приговор⁶⁰.

⁵⁷ Русские ведомости, 1906, 10 сентября.

⁵⁸ Герье В. Первая русская Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906, с. 10, 13.

⁵⁹ Герье В. Первые шаги бывшей Государственной думы. М., 1907, с. 105.

⁶⁰ См.: Брянчанинов А. Н. Роспуск Государственной думы. Причины — последствия. Псков, 1906, с. 25, 36, 53.

Бессилие I Думы особенно подчеркивалось в октябристской литературе. «Дума была неработоспособна... ей не под силу было совершить ту громадную работу, которая выпала на долю первого русского парламента»⁶¹ — такую оценку дал ей Гучков. И эта оценка характерна для всей октябристской литературы: Дума была неработоспособна, так как не захотела сотрудничать с правительством.

Вторая Дума вызывала у октябристов не меньшее раздражение, чем первая. Преобладавшие во II Думе политические течения, отмечали с сожалением октябристские публицисты, были противогосударственны. Однако, потерпев поражение в открытой борьбе с правительством, его противники отказались от тактики «штурма» и перешли к тактике «осады». Если в период «штурма» ведущую роль играли кадеты, то в период «осады» они ее потеряли. У руководства революцией стали социал-демократы. Социалистические партии использовали думскую трибуну для революционной агитации и этим срывали конструктивные предложения правительства Столыпина. Кадеты и трудовики погубили II Думу, отказавшись осудить революционный террор и деятельность социал-демократов. Третьеиюньский переворот, утверждали октябристы, был благом для России, так как открывал путь правительственным реформам, проводимым Столыпиным. «Акт 3-го июня, — заявлял Гучков, — был спасением для Г. Думы»⁶². Разгон II Думы, в оценке октябристов, означал крах надежд социалистов на революцию и крах надежд кадетов на посредничество. Если в последнем предположении октябристы и были правы, то в своем прогнозе перспектив революции в России они глубоко заблуждались.

Поражение революции, согласно октябристам, создало условия для проведения реформ. Выдающуюся роль в том, что общество поверило власти, сыграл Столыпин. События 1905—1907 гг., в изображении октябристов, подтвердили якобы устойчивость русской государственности и способность власти взять в свои руки дело преобразования страны.

В освещении истории революции 1905—1907 гг. октябристы занимают четкую позицию врага по отноше-

⁶¹ Русские ведомости, 1906, 10 сентября.

⁶² Отчет Центрального Комитета «Союза 17 октября» о его деятельности. С 1 сентября 1911 г. по октябрь 1912 г. М., 1912, с. 110.

нию к народным массам и союзника по отношению к царизму. Мотив сделки с монархией, к чему стремились также и кадеты, у октябристов классово очищен и не связан оговорками. Давая оценку событиям 1905—1907 гг., они открыто и яростно обвиняли революционеров в анархизме и космополитизме, во всех бедах, которые принесла с собой революция. Они яснее и трезвее, чем кадеты, «видели» враждебные им как представителям нового буржуазного общества революционные силы. Как отмечал В. И. Ленин, имея в виду письмо Гучкова («Ответ князю Е. Н. Трубецкому») в «Русские ведомости», Гучков «...с точки зрения интересов капиталиста и помещика» «...лучше схватил действительное политическое положение, чем многие философы и фразеры нашей буржуазной интеллигенции»⁶³. Октябристская история первой российской революции отчетливо выявляет либерально-монархическую сущность этой партии социального мира, выступившей в союзе с царизмом против революции.

Осуждение революционного народа «веховцами». После поражения революции 1905—1907 гг. вожди русского либерализма пришли к полному отречению от революционной демократии. «Союзники слева» превратились в их глазах в классовых врагов. Эта тенденция русского либерализма ярко проявилась в вышедшем в 1909 г. сборнике статей видных идеологов кадетской партии (Бердяева, Булгакова, Струве и др.) под названием «Вехи». «Вехи», — отмечал В. И. Ленин, — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями»⁶⁴. Прикрываясь ожесточенными нападками на демократическую интеллигенцию, которая будто бы в своей «ложной любви к крестьянству» и «к пролетариату» повела их в 1905 г. по пути «бунта» и «анархии» к разрушению русской государственности и национальной культуры, авторы «Вех» протаскивали идею необходимости соглашения либералов с царизмом в борьбе против народной революции». «Существенное в «Вехах», — подчеркивал В. И. Ленин, — разделяемое всеми кадетами и тысячи раз высказывавшееся гг. Милюковыми и К°, состоит в

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 14.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 168.

том, что остальные классы России, кроме реакционного дворянства и либеральной буржуазии, проявили себя (в первом десятилетии настоящего века) действиями своего меньшинства, поддавшегося «угару», увлеченного «интеллигентскими» «вожаками», неспособного возвыситься до «государственной» точки зрения»⁶⁵.

В «Вехах» и других сборниках статей «веховцев» была предпринята попытка «пересмотреть» то понимание первой русской революции, которое было связано с надеждами на гегемонию либералов в освободительном движении. «Веховцы» принципиально осудили революционные методы борьбы народных масс и открыто ратовали за монархию, в которой видели гарантию против революции. В «веховстве» кадетизм сомкнулся с октябризмом. Общественное значение «Вех» заключалось в том, что они выразили «идеологию контрреволюционного либерализма»⁶⁶.

Основополагающие тезисы «Вех» повторяют во многом октябристские оценки революции. Революция, заявляли «веховцы», подготовливалась, организовывалась и проводилась «социалистической» интеллигенцией, которая использовала в своих целях народное недовольство существующим режимом и своим экономическим положением. Игнорируя классовое содержание революции и роль передовых представителей пролетариата, «веховцы» пытались представить ее только как «дело рук» интеллигенции: «...весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией»⁶⁷. Один из авторов «Вех» Изгоев, отрицая народный характер революции 1905—1907 гг., писал: «Несмотря на участие социал-демократии и пролетариата, движение по своему типу было старым движением, «совершаемым сознательным меньшинством во главе бессознательных масс». Но и это «сознательное меньшинство» плохо отдавало себе отчет в том, что делало»⁶⁸. Для «веховцев» революционные интеллигенты — это «отщепенцы» общества: космополиты, антигосударственники, атеисты. «Революционаризм» интелли-

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 150—151.

⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 427.

⁶⁷ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909, с. 25.

⁶⁸ Изгоев А. С. Русское общество и революции. М., 1910, с. 234.

генции, как заявляли «веховцы», — в сущности ее ориентации на разрушение гражданских и культурных ценностей. «Когда «Вехи» приступают к более точному определению содержания ненавистных «интеллигентских» идей, — отмечал В. И. Ленин, — они, естественно, говорят о «левых» идеях вообще, о народнических и марксистских, в частности». Им «...страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам»⁶⁹.

Политические и социальные требования общества, согласно «веховским» взглядам, должны осуществляться не путем революции, а путем реформ. Революция же, создавая анархию в стране, мешает их проведению. «Народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь, — злобно писалось в «Вехах», — в исторической действительности превращалась в разнуздание и деморализацию»⁷⁰. Революция трактовалась в «Вехах» не столько как политический (и тем более социально-экономический), сколько как психологический феномен. «Не в борьбе революции с правительством и его губительной политикой сущность исторической драмы русского народа, — особо подчеркивал Бердяев, — а в состоянии самого общества, во внутреннем его распаде, в анархии духа». Революция для Бердяева, Струве и других авторов «Вех» — это не борьба за то или иное решение социальных вопросов, а проявление «темных социальных инстинктов», «классовой злобы», «общественной истерии», выраженных с «почти физиологической силой беснования». Будучи всегда «стихией», народные массы питают как революцию, так и реакцию. Трансформируя политические категории в психологические, Бердяев писал: «Бесноватость иеромонаха Илиодора и Пуришкевича и бесноватость «большевика» и «максималиста» одного порядка, на ту же стихию опирается»⁷¹. Осуждение революции и участвовавших в ней народных масс, вплоть до уравнивания революционных акций с преступлениями черносотенцев и царских карателей, красной нитью проходит через «Вехи». Цитируя слова Струве о том, что «актом 17 октября по существу и формально революция

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 172.

⁷⁰ Вехи. 3-е изд. М., 1909, с. 169.

⁷¹ Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907—9 г.). СПб., 1910, с. 45, 47.

должна была бы завершиться», Ленин делал вывод: «Это и есть альфа и омега октябризма, т. е. программы контрреволюционной буржуазии»⁷².

Возмущение широкой демократической общественности «Вехами» заставило выступить публично с их критикой кадетский «центр». Однако Милюков и другие авторы контрборника «Интеллигенция в России» не столько полемизировали, сколько соглашались с «веховцами». Наибольший интерес в сборнике с точки зрения «спора о революции» представляет статья Гредескула. В противоположность «веховским» тезисам о том, что освободительное движение в России было «сорвано» затеявшей революцию интеллигенцией и что революция, посеяв анархию, «ничего не сделала», Гредескул утверждал, что революция была «всемирной» (читай: общенациональной) и «что в 1905—1906 гг. заложен фундамент русской конституции». Но обращаясь, как выразился сам Гредескул, «лицом к будущему», он приходил к тому же выводу, что и «веховцы»: России нужна не революция, а спокойная конституционная работа. Называя полемику Гредескула и Милюкова с «Вехами» притворной, В. И. Ленин замечал, что все они оставались при этом «веховцами»⁷³. Кризис либеральных идей в первой российской революции с неизбежностью приводил кадетов к отрицанию действительности и необходимости революционной борьбы масс.

Раскрытие В. И. Лениным классовой сущности либеральной концепции революции. Таким образом, 1904—1907 гг. рассматривались в либеральной историографии как полоса подъема освободительного движения, носящего общенациональный, внеклассовый характер. Пользуясь критериями «за» и «против» конституции, либералы утверждали, будто в русской революции действуют два политических лагеря. «Реакции» противостоит «демократия», т. е. вся общественность, составляющая в совокупности оппозицию, которая требует конституции. С этой точки зрения революционные выступления пролетариата и крестьянства нанесли вред борьбе за конституцию и реалистическая (т. е. либеральная) программа освободительного движения оказалась неосуществленной из-за экстремистских лозунгов и действий. «Крайности реакции» и «крайности револю-

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 174.

⁷³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 22—23, 84.

ции» помешали стране прочно стать на «конституционные рельсы». Конфликт власти и общественности не был преодолен, как это было должно, путем их примирения на почве реформ — манифеста 17 октября, введения представительных учреждений и «справедливого» (опять-таки в либеральном понимании) решения аграрного вопроса.

Лейтмотивом либеральной схемы хода и исхода событий 1905—1907 гг. является осуждение революции как отклонения от нормального исторического развития, вызванного тем, что «старый порядок» отказывается от своевременного проведения назревших реформ, а народные массы прибегают к насилию (вооруженной борьбе), разрушающему всякий порядок в государстве. Революция, в представлении либералов, есть социальная аномалия, нежелательная случайность в истории, на предотвращение которой должны быть направлены усилия умеренных слоев общества.

В работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В. И. Ленин дал обобщающую характеристику либеральной публицистике, посвященной первой русской революции, ссылаясь на таких ее представителей, как Кизеветтер, Милюков, Струве, в статьях которых особенно рельефно проявились все вышеперечисленные черты подхода к «пониманию» революционных событий 1905—1907 гг. В той же работе Ленин полностью цитирует статью Р. Бланка «К зловому дню русской социал-демократии» в качестве типичного образчика либеральных воззрений на первую русскую революцию. Сопоставляя период «вихря» (октябрь—декабрь 1905 г.) с периодом думской деятельности, Бланк, так же как и Милюков, Кизеветтер, Струве, представляет восстание «...утопией, анархизмом, бунтарством, бессильным революционаризмом...». Эта сравнительная оценка двух периодов красной нитью проходит не только через всю статью Бланка, но и через всю либеральную публицистику. В. И. Ленин отмечал такие черты кадетской политики, получившие отражение в освещении событий революции на страницах либеральной прессы, как «...стремление опереться на народ и боязнь его революционной самостоятельности», признание социал-демократических приемов борьбы «...за вычетом самых революционных и непосредственно-революционных приемов»⁷⁴, противопоставление

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 309, 325.

периода «вихря» плодотворному в глазах либералов периоду думской деятельности.

Стремясь к затемнению классовых противоречий, вскрытых ходом русской революции, и претендуя на представительство «общенациональных» интересов, либералы пытались изобразить борьбу с самодержавием как «общенациональное» дело, не связанное с теми или иными классовыми позициями. «Всю правую и всю либеральную печать, — указывал В. И. Ленин, — проникает тот взгляд, что боролись, в сущности, два лагеря, один за, другой против конституции. Вождь партии к.д., г. Милюков, и официальный орган этой партии, «Речь», прямо выдвигали эту теорию двух лагерей...» Ленин также подчеркивал, что, говоря о борьбе за конституцию, надо ставить два вопроса: о какой конституции идет речь и каковы средства достижения желаемого. Отвечая на первый вопрос, Ленин констатировал: «Конституция есть сделка между историческими силами старого (дворянского, крепостнического, феодального, абсолютистского) общества и либеральной буржуазией». Вопрос же о средствах борьбы для всех либералов, от кадетов до октябристов, сводился к неприятию революционных действий масс. Ссылаясь на заявление профессора Гредескула, члена ЦК кадетской партии, опубликованное в газете «Речь», в котором говорилось о ненадобности новой революции, В. И. Ленин отмечал: «Это заявление *идейно-политически* объединяет кадетов с октябристами гораздо прочнее и глубже, чем тысячекратные уверения в преданности конституции и даже... демократии якобы разделяют их»⁷⁵. Несмотря на значительные расхождения в оценке конкретных событий, с полным основанием можно говорить о либеральной истории революции в ее двух основных вариантах — кадетском и октябристском, их объединяет и теория двух лагерей, и интерпретация революции как конфликта между «властью» и внеклассовой «общественностью», и квалификация любого призыва к вооруженной борьбе с самодержавием как помехи для достижения конституционных идеалов.

Либеральная мысль русских буржуазных историков опиралась на опыт западноевропейских революций. Этапоном для них была при этом незавершенная революция 1848 г. в Германии. С точки зрения либералов, ре-

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 328, 330, 329.

волюция в России закономерно закончилась «думским финалом». Особенности первой русской революции, роль в ней классов и партий, складывание союза пролетариата и крестьянства, значение Советов как органов новой революционной власти и многие другие вопросы или извращались, или остались непонятными, или замалчивались. С методологических позиций буржуазной исторической науки невозможно было постичь классовое содержание, уроки и опыт первой народной революции эпохи империализма.

VI. 1917 ГОД: ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКОЙ

Кадеты о «пагубном» опыте 1905 г. Февральская революция полностью подтвердила классовую оценку непролетарских партий в России, данную В. И. Лениным на основе опыта 1905—1907 гг. Кадеты проявили себя во всех отношениях как партия контрреволюционной буржуазии. В первые дни Февральской революции они не хотели идти дальше цензовой конституционной монархии¹, а в дальнейшем сосредоточили свои усилия на «удушении» революции с помощью монархических сил. 1917 год завершил политическую эволюцию кадетов: от оппозиционной по отношению к самодержавию либеральной партии до главной партии всего контрреволюционного лагеря.

1917 год завершил также политическую эволюцию мелкобуржуазных партий. Начиная свое существование в составе РСДРП, меньшевики не приняли социалистическую революцию в России и оказались партией, отвергнутой рабочим классом². Начиная свою дея-

¹ В. И. Ленин отмечал: «Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году и с 1905 по 1917 год» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 58). Промонархическая сущность политики кадетов убедительно раскрыта в исследованиях советских историков. См., напр.: *Думова Н. Г.* Из истории кадетской партии в 1917 г. — Исторические записки, 1972, т. 90; *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975; *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России; *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. Л., 1977; *Старцев В. И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; *Кувшинов В. А.* Разоблачение партией большевиков идеологии и тактики кадетов. М., 1982; и др.

² Об этом см.: *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; *Соболева П. И.* Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968; и др.

тельность как революционная, говорившая от имени крестьян, партия эсеров стала «...противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной партией...»³. Идеиные истоки этой эволюции были вскрыты В. И. Лениным еще в годы первой схватки народа с самодержавием. За десять лет до свержения монархии, в феврале 1907 г., В. И. Ленин писал: «Ахиллесова пята мелкобуржуазной политики — неумение и неспособность избавиться от идейной и политической гегемонии либеральных буржуа». И, поясняя происхождение «ахиллесовой пяты», Ленин подчеркивал, что оппортунистическая политика меньшевиков и народнических партий является следствием их полного непонимания «...классовой основы «оппозиционного» либерализма...»⁴.

В 1917 г. идеи, программы, стратегия и тактика политических партий, обосновавшие их исторические концепции проходили решающую проверку в том революционном процессе, который определял не только успех или неуспех, но и само существование партий. Итоги Февральской революции оказались в противоречии с теорией и предшествующей исторической практикой кадетов, меньшевиков и эсеров. Пытавшиеся предотвратить революцию и искавшие компромисса с монархией, кадеты фактически возглавили первое Временное правительство. Отвергавшие гегемонию пролетариата, меньшевики возглавили Петроградский Совет, создание и существование которого свидетельствовало о реальной возможности перерастания в России буржуазно-демократической революции в социалистическую. Объявлявшие себя в 1905—1907 гг. противниками и монархии, и буржуазии, эсеры заодно с меньшевиками превратились в защитников буржуазной власти⁵.

Для кадетов Февральская революция была завершением освободительного движения в России. Проводя всегда разграничение между политической и социальной революцией, кадеты смирились при определенных обстоятельствах с участием народных масс в политическом перевороте. Что же касается социальной революции, то она может нормально осуществляться только путем реформ сверху. Попытки народных масс добиться разре-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 277.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 52.

⁵ См.: Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 59.

шения социально-экономических вопросов революционным методом, на все лады утверждали кадетские политики, приведут лишь, как это показал опыт 1905 года, к анархии, кровопролитию и разрушению российской государственности. Согласно представлениям либералов, после политического переворота должны быть созданы условия для утверждения в стране правового государства. Переход к немедленным социальным реформам, запугивали кадеты, срывает процесс создания правового государства и тем самым ставит под угрозу преобразование России.

Наибольшую опасность для добытой в результате общенациональной революции свободы представляют неконтролируемые действия бунтарски настроенных элементов общества, возбуждаемых и руководимых большевиками. Главным препятствием для решения общенациональных задач служит обострение классовой борьбы.

Вся логика рассуждений кадетских политиков, публицистов, историков основывалась на тех же положениях, которые определяли сущность их оценок событий 1905—1907 гг. Если в кадетской концепции первой российской революции «парламентский» период как созидательный противопоставлялся периоду конца 1905 г. как разрушительному, то в 1917 г. в кадетской «Речи» говорилось о необходимости «смены» периодов для перехода к правовому творчеству, в котором заключается конечная цель общенациональной революции. Подобно октябристам в годы первой российской революции, кадеты высказывались за применение насилия по отношению к анархическим массам и бланкистским партиям во имя торжества дела свободы и социальных реформ. Как и в кадетской «истории» первой российской революции, в буржуазной публицистике 1917 г. постоянно встречаются ссылки на необходимость «единства всей демократии», которое подрывается революционными фанатиками бланкистских партий.

Пытаясь утвердить кадетскую гегемонию в 1917 г., буржуазные публицисты и историки напоминали о том, что раскол освободительного движения привел к поражению первую российскую революцию. Они настойчиво призывали извлечь опыт из ее уроков. В курсе лекций, читанных в апреле — июле 1917 г., историк В. Н. Бочкарев заявлял: «В могучей своей сплоченностью народной оппозиции зазвучали голоса классовой розни и партий-

ной односторонности. В этой разногласии и погибли завоевания первой русской революции 1905 г.»⁶. В этом же духе высказывался в очерке о революции 1905—1907 гг. другой кадетский историк — С. Князьков. Противопоставляя победу Всероссийской Октябрьской политической стачки неудачному исходу первой революции, он писал: «...единодушный порыв во имя блага всех увенчался решительным успехом, а возникшая, вернее, возродившаяся рознь, если не погубила, то на долгие и тяжелые 12 лет отсрочила окончательное торжество народовластия и стоила неисчислимых жертв». Князьков особенно подчеркивал опасность классовых движений неразвитых в политическом отношении народных масс. Он искажал действительный характер рабочего и крестьянского движения 1905—1907 гг. «... Рабочие, — сетовал он, — больше заботились о своих рабочих нуждах и объявляли войну хозяевам фабрик и заводов, вообще буржуазии, под которой разумели всех не рабочих и не крестьян. Крестьяне по-прежнему больше думали о захвате помещичьих земель и политику считали городским делом». Крупнейшими завоеваниями первой революции 1905—1907 гг. кадеты, как уже отмечалось при анализе их концепции, считали манифест 17 октября и учреждение Государственной думы. Именно эти два «достижения» они называли решающими для победы общенационального дела в 1917 г. «Без 17-го октября 1905 г., — писал Князьков, не смущаясь явной «натяжкой», — вряд ли прошли бы так сравнительно безболезненно февральские дни 1917 г. ... И вряд ли была бы так быстро и решительно низвергнута царская власть, сложившая корону перед представителями Государственной думы»⁷.

Подобные высказывания призваны были укреплять легенду о ведущей роли в осуществлении Февральской революции либеральных партий и их представителей в Государственной думе. Одним из создателей этой легенды являлся Милюков, видевший в Комитете Государственной думы «идейный центр» «общенациональной» революции⁸. Милюков утверждал, что только вмешатель-

⁶ Бочкарев В. Н. Очерк истории революционного движения в России (XVII—XX вв.). М., 1918, с. 189.

⁷ Князьков С. Тысяча девятьсот пятый год. Исторический очерк. Пг., 1917, с. 34, 40.

⁸ См.: Городецкий Е. Н. В. И. Ленин — основоположник советской исторической науки. М., 1970, с. 26—27.

ство Государственной думы превратило стихийное восстание в организованную революцию⁹.

Из всего кадетского истолкования истории освободительного движения в свете взаимосвязи первой и второй революций в России следовал, естественно, вывод: нужна власть, способная согласовать интересы всех классов общества, для чего требуется единство сил, принимавших ранее участие в освободительном движении (за исключением, конечно, леворадикальных элементов), на основе умеренной политической платформы (разумеется, либеральной). «Единство — залог успеха, разъединение несет гибель свободе, — предостерегал Бочкарев. — Пусть же великая революция 1917 г. не повторит ошибок своей предшественницы — первой русской революции 1905 г.»¹⁰. Именуя Февральскую революцию «общенациональной», «всенародной», «народно-русской» и т. п., кадеты подчеркивали необходимость оказания всеобщей поддержки буржуазному Временному правительству, поскольку оно может осуществить либеральную программу преобразования России. Даже на X съезде партии кадетов в середине октября 1917 г. Милюков продолжал надеяться на возможность реализации кадетской программы после разгрома революционных сил. «Страна должна будет прийти, — говорил он, — к государственной программе, и надо, чтобы программу эту дала именно партия к.-д.»¹¹. Опыт I Думы в 1906 г., опыт участия кадетов в последующих Государственных думах и, наконец, опыт деятельности во Временном правительстве, утверждали кадетские идеологи, подтверждает правильность оценки партии народной свободы как внеклассовой и поэтому в большей степени, чем другие партии, способной решать общенациональные задачи¹².

Как в 1906—1907 гг., так и в 1917 г. кадеты разрабатывали и осуществляли тактику торможения революции. При этом они искали «союзников» и справа, и слева. Эта тенденция к созданию возглавляемого кадетами

⁹ См.: *Астрахан Х. М.* Указ. соч., с. 40—41; *Старцев В. И.* Указ. соч., с. 48; и др.

¹⁰ *Бочкарев В. Н.* Указ. соч., с. 190.

¹¹ Речь, 1917, 17 октября.

¹² См.: *Изгоев А. С.* Наши политические партии. Пг., 1917; *Кизеветтер А. А.* Партия народной свободы и ее идеология. М., 1917; *Корнилов А. А.* Партия народной свободы. Исторический очерк. Пг., 1917; *Розенталь Н. Н.* Исторический очерк партии народной свободы. Пг., 1917.

блока «демократических партий» проявилась в выступлениях участников VII съезда кадетской партии. Призывы к «единению» преследовали цель организации сил для борьбы «со всякого рода максимализмом и большевизмом» в союзе с «более разумными» левыми партиями, отказавшимися от «социалистической» части своих программ¹³. В то же время кадеты не скрывали, что их союз с «более разумными» левыми партиями носит вынужденный характер, что они вступают в правительственную коалицию, так как видят в этом единственное средство «мирной эволюции власти»¹⁴. В демагогических целях кадеты распространяли версию о том, что между программой кадетов по аграрному и рабочему вопросу и программами-минимум левых партий нет существенной разницы. Вместе с тем кадеты предлагали отложить проведение всех социальных реформ до созыва Учредительного собрания. Давая «авансы» «друзьям слева», кадеты рассматривали коалиционное правительство как временное явление и надеялись, что в дальнейшем удастся создать однородное буржуазное правительство с кадетами во главе. Кадеты упрекали меньшевистских и эсеровских лидеров за колебания и нерешительность в борьбе против большевиков.

Затемняя классовую сущность борьбы политических сил в России 1917 г., Милюков выделял три участвующих в ней течения: контрреволюционное, временно дезорганизованное, но выжидающее момента для выступления в будущем; созидательное, представленное кадетами, стремящимися сохранить и завершить дело революции; разрушающее во главе с большевиками, призывающими к продолжению революции. Меньшевики и эсеры, по мнению Милюкова, при условии усвоения ими идеи государственности могут отмежеваться от разрушающего течения и, сомкнув свои ряды с кадетскими, превратиться в силу созидательную. Усвоение идеи государственности меньшевиками и эсерами означало для кадетов отказ от самостоятельной роли Советов и превращение их в придаток буржуазного правительства. Утверждая, будто Советы неправомерны как власть, кадетские историки ссылались на «пагубный» опыт Советов 1905 года, который якобы показал, что созданные рабочими органы не могут представлять интересов большинства насе-

¹³ См.: Речь, 1917, 29 марта.

¹⁴ Речь, 1917, 27 июля.

ления страны и руководить организовывающейся в ней демократией. Отношение либеральной буржуазии к Советам было одним из проявлений той истины, что «кадеты ненавидят революцию и демократию»¹⁵.

Таким образом, концепция общенациональной революции, сорванной классовой борьбой бунтарских масс, подпавших под влияние бланкистских партий, лежала в основе кадетского понимания и событий 1905—1907 гг., и революционного процесса в 1917 г. Интерпретация кадетами характера Февральской революции, ее целей и перспектив призвана была обеспечить их партии главенствующее положение в стране на основе ликвидации Советов 1917 года¹⁶. Этому же служила апелляция кадетских идеологов к опыту и урокам первой «общенациональной» революции в России.

Банкротство эсеровских взглядов на революцию в России. После Февральской революции меньшевики и эсеры выступили как блок социал-соглашательских партий, проводящих в период от февраля до октября 1907 г. общую политическую линию по всем кардинальным вопросам революции — о власти, мире, земле и т. д. Однако общая политическая линия у партий соглашательского блока сочеталась с наличием у них разных программ, принципиально отличающихся своим теоретическим обоснованием, и разных взглядов на историю России, и на задачи, движущие силы и особенности русской революции. Поэтому, как отмечал К. В. Гусев, особенно важно установить теоретические основы эсеро-меньшевистского блока. Выясняя их, Гусев прежде всего указывает на то, что и меньшевики, и эсеры не могли правильно определить роль и место различных классов в революции. В результате и те и другие отрицательно относились к гегемонии пролетариата, возможности установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, к переходу к социалистической революции в России 1917 года¹⁷. Отсюда с неизбежностью вытекало обосновывавшееся меньшевиками и эсерами положение о необходимости политического со-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 383.

¹⁶ См.: Астрахан Х. М. Указ. соч., с. 40.

¹⁷ См.: Гусев К. В. О некоторых теоретических основах соглашательского блока. (К вопросу об оценке меньшевиками и эсерами революции в России и перспектив ее развития). — В кн.: Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. М., 1977, ч. I, с. 18—30.

трудничества с либерально-буржуазными силами, в частности с партией кадетов.

Несмотря на то что характерной чертой мелкобуржуазных политических течений является наличие внутри них множества мнений и определяемых ими разных позиций¹⁸, конкурирующие между собой группы меньшевиков и эсеров были единодушны в одном: в неприятии гегемонии пролетариата и его диктатуры.

Отсутствие революционной перспективы характеризовало политическую практику меньшевиков и эсеров после Февральской революции. Эсеры, которые по-прежнему декларировали свое стремление преобразовать на социалистических началах сельское хозяйство, считали неизбежным сохранение на длительное время капиталистических порядков в городе и политической власти буржуазии в стране.

И в 1905—1907 гг. и в 1917 г. у эсеров не было ясности в том, какую революцию переживает Россия и как ее надо делать. Переполюнявшие эсеровскую печать оценки Февральской революции как народной, демократической мало что значили для реальной политики. Не столь существенным было и признание того очевидного для всех эсеров факта, что февральская борьба народных масс, низвергнувших монархию в России, была победоносной политической революцией. Необходимо было в соответствии с эсеровским пониманием категорий политической и социальной революции ответить на вопрос, совмещаются ли эти революции в 1917 г. или нет. Напомним, что в разработанной эсерами теоретической концепции «особой» русской революции она должна быть одновременно и политической, и социальной, поскольку ей предстояло не только изменить государственный строй в России, но и провести социализацию земли. Такой эсеры в свое время хотели видеть не оправдавшую их надежд первую революцию 1905—1907 гг. Такой в решениях III конференции «Заграничной федерации эсеров» представлялась будущая революция, долженствующая поставить вопрос «о самом существовании экономически привилегированных классов»¹⁹.

¹⁸ См.: *Спирин Л. М.* Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России. — Там же, с. 11.

¹⁹ См.: *Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России.* М., 1969, с. 9; *Леванов Б. В.* Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903—1917, с. 27; *Гусев К. В.*

После свержения царизма эсеры не отказались полностью от концепции «особой» русской революции²⁰ (не буржуазной и не социалистической, а трудовой), однако применение ее к Февральской революции вызывало ряд политических трудностей, означало бы осложнения в сотрудничестве с буржуазными партиями, противоречило бы курсу на поддержку Временного правительства.

Трудовая революция обязывала немедленно приступить к проведению коренных социальных реформ, в том числе социализации земли, а рядовым членам партии и тем, кто поддерживал эсеров, невозможно было объяснить, как совмещается проведение трудовой революции с отрицанием ее социалистической перспективы.

Признание Февральской революции только политической, а следовательно, буржуазной, т. е. такой, какими были западноевропейские революции до Парижской Коммуны, значительно облегчало положение эсеров как партии несостоявшейся программы. В этом, думается, и заключается основная причина того, что некоторые эсеровские лидеры, длительное время полемизировавшие с социал-демократами по вопросу о характере революции 1905—1907 гг., стали соглашаться (кто публично, а кто приняв формулу умалчивания) с меньшевистской квалификацией Февральской революции как буржуазной²¹.

Вся противоречивость в оценках Февральской революции проявилась в дебатах на III съезде эсеров, проходившем с 25 мая по 4 июня 1917 г. Одни делегаты предпочитали именовать Февральскую революцию политической, другие готовы были признать ее буржуазной, третьи стояли на прежних позициях «особой» русской революции. Четкой оценки характера Февральской революции не содержалось ни в выступлении лидера партии В. М. Чернова, ни в резолюции съезда. В обтекаемых компромиссных формулировках говорилось о том, что Россия «выскочила из рамок буржуазного «развития» и вступает в «переходный период», когда будут закладываться «кирпичи» в фундамент» грядущего социалисти-

Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контр-революции, с. 79.

²⁰ Формально не отказались, по определению Х. М. Астраханя (см.: Астрахан Х. М. Указ. соч., с. 215).

²¹ В. И. Ленин отмечал, что «сам» Чернов уверовал в изуродованную Даном, Церетели и Скобелевым «истину» — «наша революция буржуазная» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 383).

ческого строя²². Что касается левых эсеров, то они в массе своей сохранили верность народнической концепции «особой» русской революции, считая революцию 1917 г. и политической и социальной. Различие в определении характера «русской революции 1917 года»²³ левые эсеры квалифицировали как один из основных пунктов расхождения между ними и их бывшими соратниками — правыми эсерами. В преамбуле к изданным резолюциям I и II съездов левых эсеров отмечалось, что ими революция 1917 г. оценивалась как социальная, тогда как «меньшевиками и некоторыми из социалистов-революционеров русская революция определялась как буржуазно-политическая, при которой хозяином положения является буржуазия, а рабочему классу остается лишь роль ее помощника»²⁴. Такая оценка расхождений в эсеровской партии по вопросу о характере русской революции в 1917 г. подтверждается и А. В. Пешехоновым. Он отмечал, что в 1917 г. эсеры говорили о народно-трудовой революции, а «правым с.-р. приходится становиться на позицию, совершенно не свойственную народничеству, и доказывать, что происходит революция буржуазная»²⁵. За, казалось бы, чисто теоретической постановкой вопроса о характере Февральской революции скрывался другой: нужно ли эсерам делать социальную революцию, как это предусматривалось их теоретической концепцией, или же нужно отказаться от немедленного осуществления социальной программы во имя сохранения в стране классового мира. Как известно, лидеры партии эсеров избрали второй путь.

Вступление эсеров на путь сотрудничества с буржуазным Временным правительством и с кадетами в 1917 г. не было случайным. Оно было подготовлено всем предшествующим развитием идеологии и политической практики эсеров, их отношением к либеральной оппозиции и к трактовке вопроса о власти после свержения самодержавия. Подвергая критике кадетов в го-

²² Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров. Пг., 1917, с. 70, 476.

²³ Все меньшевики и все эсеры рассматривали Февральскую и Октябрьскую революции как этапы в развитии одной и той же революции 1917 г.

²⁴ Резолюции и постановления I и II Всероссийского съездов партии левых социал-революционеров. М., 1918, с. 5.

²⁵ Пешехонов А. В. Почему мы тогда ушли. (К вопросу о политических группировках в народничестве). Пг., 1918, с. 23.

ды первой российской революции и в последующее время, эсеровские лидеры и публицисты тем не менее включали их в антисамодержавный лагерь. Основываясь на своем истолковании событий 1905—1907 гг., эсеровские лидеры считали, что революция зайдет в тупик и потерпит поражение, если социалистические партии отвернутся от либерально-демократических кругов, поскольку народные массы тяготеют к анархизму и не подготовлены к восприятию высоких целей постепенного преобразования России на новых началах трудового, небуржуазного права. Естественно, что после свержения царизма власть должна перейти к либералам, а социалистические партии будут играть роль парламентской оппозиции, заставляющей либералов идти на проведение реформ.

Прибегая к меньшевистской аргументации об отсутствии в России объективных условий для перехода к социалистической революции, главный упор эсеры все же делали на том, что «трудовая демократия» не подготовлена к взятию власти. Уже в годы первой российской революции в эсеровском руководстве наблюдалась тенденция к сужению классовой борьбы крестьянства, что выразилось в осуждении захватных действий и разгромов помещичьих усадеб. В брошюре «Трагедия русской революции» эсер Бунаков писал: «Глубоко материальное и глубоко «аполитическое» в его первоначальных формах народное требование земли способно только на разрушение, но не на социальное творчество»²⁶. В 1916 г. этот же Бунаков предложил редакции журнала «Призыв» статью, в которой содержалось невероятное с точки зрения человека, именующего себя революционером, положение о том, что «несчастье первой русской революции заключалось в крайнем обострении классовой борьбы»²⁷. Не видя в народе, в идеализированном крестьянстве сознательной, творческой силы, эсеры, несмотря на разочарование в либеральной буржуазии в 1905—1907 гг., продолжали считать необходимым соглашение с ней. Показательно, что в воспоминаниях В. Чернова крах соглашательской политики эсеров объясняется не ее порочностью, несостоятельностью, а тем, что в 1917 году революция, в качестве революции общенациональной, имела одно чрезвычайно уязвимое

²⁶ Бунаков И. Трагедия русской революции. СПб., 1906, с. 7.

²⁷ Цит. по: Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914—1917 гг. М., 1972, с. 291.

место: это — отсутствие в России устойчивой и зрелой либеральной буржуазии²⁸. Сетования Чернова вполне можно понять, ведь в 1917 г. не кто иной, как он, будучи министром земледелия, разрабатывал законопроекты с целью сдержать крестьянское движение и надеясь, что цензовая Россия поймет политическую направленность его действий. Раскрывая смысл черновского закона о запрещении земельных сделок, правозсеровская газета, имея в виду кадетов, писала в июле 1917 г.: «Они не хотят знать, что этот закон сейчас играет роль громоотвода, мешающего разразиться таким стихийным аграрным движениям, какие были в 1905 г. Он не двигает, а, напротив, сдерживает революционный процесс. Неорганизованное движение он вводит в рамки»²⁹. И это запугивание 1905 годом в 1917 году не было случайным для эсеров, видевших в стихийной классовой борьбе не движущую силу истории, а силу разрушительную.

Противопоставление «сознательной мысли» классовой борьбе было расхожим тезисом в эсеровской литературе. В одной из пропагандистских книжек говорилось, что эсеры «... считают мысль очень важной самостоятельной силой в истории и с ее помощью надеются дойти до царства свободы скорее, чем с помощью одной только классовой борьбы»³⁰. Не классовая борьба, а социализация земли, создание профессиональных союзов, кооперация и постепенная национализация отраслей хозяйства в рамках буржуазного строя приведут, как утверждалось в этой книжке, к социализму. Подобные рассуждения были характерны и для других эсеровских книжек о социализме³¹. Эсеры, таким образом, надеялись, что, находясь у власти, либеральная буржуазия обеспечит им возможность «воспитания» народных масс, особенно крестьянства, в эсеровском духе, а это в свою очередь создаст условия для эволюционного перехода к социализму.

Вся история деятельности эсеровской партии на путях от Февраля к Октябрю подтверждает правильность

²⁸ См.: Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. М., 1982, с. 63—64.

²⁹ Цит. по: Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г., с. 118—119.

³⁰ Корень Б. Сущность учения социалистов-революционеров. Пг., 1917, с. 22.

³¹ См., напр.: Маслов С. Что такое социализм? Пг., 1917.

ее оценки, данной в социал-демократической печати начала века: «...с.-р. потому носят свое двойное прозвище, что их социализм вовсе не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом»³². Обращаясь к этой известной оценке эсеровской партии, Б. Николаевский, автор предисловия к мемуарам В. Чернова, писал что если вылущить подлинное содержание оценки, то окажется, что полемист правильно уловил элемент, который теоретики «Революционной России» в то время, быть может, и сами еще не вполне ясно осознавали. По отношению к буржуазной демократии эсеры выступали как реформисты.

«Борьба за социализм» социалистов-революционеров «черновского толка» уже тогда, в период революции 1905 г., содержала элементы, из которых можно было делать выводы в духе эволюционного реформизма³³. Можно с полным основанием утверждать, что свержение царизма закономерно превратило эсеров из партии революционной демократии в партию эволюционного социализма. Говоря иными словами, эсеры стали реформистской партией, такой же, какой были меньшевики, но с иной, чем у меньшевиков, теоретической основой. В этом, на наш взгляд, и заключаются идейные истоки близости оценок позиций и эсеров и меньшевиков по всем кардинальным вопросам революции 1917 г.

Меньшевистская концепция буржуазной революции и революционная действительность. Несмотря на то что к 1917 г. меньшевики находились в состоянии идейного и организационного разброда, их объединяла, как отмечают советские историки, общая догматически-опportunистическая концепция революции³⁴. Этот тезис подтверждается и признаниями самих меньшевиков. Так, занимавшийся в эмиграции историей своей партии Б. И. Николаевский, характеризуя борьбу меньшевистских группировок в 1917 г., писал, что расхождения не касались основного вопроса о характере русской революции. Так же и Мартов был искренен, когда позднее, в полемике 1922—1923 гг., утверждал, что веры в возможность построения социализма в России у него никогда

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 385.

³³ См.: Банкротство мелкобуржуазных партий России, ч. 1, с. 26—29.

³⁴ См.: Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма, с. 27.

не было и что этот вопрос никогда не определял линии внутрипартийных расхождений³⁵.

Своего рода теоретическим катехизисом меньшевистских представлений о соотношении демократической и социалистической революций, о политике пролетарской партии в буржуазной революции и в 1917 г. продолжала оставаться брошюра А. Мартынова «Две диктатуры»³⁶. Ставя в ней вопрос, в чем может выразиться борьба между пролетариатом и буржуазией за влияние на ход и исход буржуазной революции, Мартынов отвечал: только в том, что пролетариат будет оказывать давление на волю либеральной и радикальной буржуазии. Отвергая гегемонию пролетариата, Мартынов пытался доказать, что пролетариат при всех поворотах революции и во всех случаях должен поддерживать буржуазию в ее стремлении получить и удержать власть. Не борьба за гегемонию пролетариата, а подталкивание буржуазии в сторону большей решимости и большего демократизма должна была, по мнению меньшевиков, явиться генеральной линией действий социал-демократической партии в условиях буржуазной революции. У пролетариата, утверждали они, может быть после победы революции выбор только в пользу более радикальных группировок буржуазии. Самой трагической ошибкой меньшевики считали возможную попытку пролетариата взять власть в свои руки. В этом случае ему предстоит «делать» социалистическую революцию, к которой якобы ни Россия, ни сам пролетариат не подготовлены.

Все основные положения «Двух диктатур» были закреплены и упрочены в оппортунистической идеологии меньшевиков их интерпретацией исторического опыта первой российской революции. Обозревая впоследствии «...путь ревизии революционных событий и тактики 1905 года, который был пройден меньшевиками», активный функционер меньшевистской партии В. Шер говорил, что «... та сумма выводов ... которые родились в 1906—1907 гг. в результате критики событий 1905 года, — вся сумма этих выводов приводила к той антиреволюционной, реформистской позиции, которая характерна для меньшевизма 1917 года». Первый вывод, ко-

³⁵ Критику взглядов меньшевиков на перспективы революции в 1917 г. см.: Рубан Н. В. Указ. соч., с. 25—42; Черных А. Г. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969, с. 9—90; и др.

³⁶ Критику В. И. Лениным этой книги см. в гл. III.

торый сделали меньшевики из своей версии об изоляции пролетариата в первой российской революции, сводился к тому, что успех революции мог обеспечить только тесный блок с «прогрессивной буржуазией». «Блок с буржуазией, как вывод из уроков революции 1905 года, был, пожалуй, той основой, к которой приходил меньшевизм в результате анализа событий 1905 года». С этим выводом тесно было связано и осуждение революционных требований, выдвинутых рабочими в 1905 г. Как признавался Шер, меньшевикам казалось, «что в революционности этих требований была совершена особенно большая ошибка»³⁷. Третий вывод относился к вопросу о власти. Меньшевики в годы первой российской революции неистово отвергали ленинское положение о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства. В книгах Е. Маевского, посвященных анализу уроков 1905 года, утверждалось, будто деятельность Советов в период наивысшего подъема революции восстанавливала против рабочих другие слои населения и форсировала процесс изоляции. Отстаивая меньшевистский тезис о том, что только либеральная буржуазия способна к государственной деятельности в период буржуазных революций, Маевский утверждал, будто в 1906 г. опорным пунктом для всенародного движения являлась Дума, а в 1905 г. подобного «опорного пункта» не было³⁸. Аналогию между Февральской революцией и революцией 1905—1907 гг. проводил также бундовец Гольдман-Либера. Подобно Маевскому, он «выводил» меньшевистские уроки из причин поражения революции. Предостерегая пролетариат от борьбы за власть, Либера призывал пролетариат не переоценивать свои силы, как это случилось в 1905 г.³⁹ Пропитанные оппортунистическим духом книги, статьи и выступления Маевского, Мартынова, Либера и других меньшевиков призваны были подкрепить историческими аргументами меньшевистскую концепцию буржуазной революции в России.

С таким теоретическим багажом меньшевики встретили 1917 год. Оппортунистическая тактика меньшеви-

³⁷ Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта—9 марта 1931 г.). Стенограмма. М., 1931, с. 392, 393.

³⁸ См.: *Маевский Евг.* 1905 год. Очерк революционного движения. Пг.—М., 1917, с. 4, 36, 167; его же. Уроки 1905 года и революции 1917 года. Пг., 1917, с. 13.

³⁹ См.: *Гольдман-Либера М.* Задачи рабочего класса в русской революции. М., 1917; и др.

ков, направленная сначала на поддержку буржуазного Временного правительства, а затем на управление страной в блоке с буржуазией путем создания коалиционных правительств, всецело соответствовала меньшевистским представлениям о ходе развития буржуазной революции, которая неизбежно рано или поздно завершится торжеством и диктатурой буржуазии.

Не ставя своей задачей анализ политической эволюции меньшевизма в период от Февраля к Октябрю 1917 г., остановимся лишь на одном аспекте — на оценке несостоятельности главных идейно-теоретических установок меньшевиков по вопросам революции в свете опыта исторического развития России. Рассматривая те преломления, которые получала меньшевистская концепция буржуазной революции в России, следует иметь в виду, что взгляды, допустим, И. Церетели на развитие революционного процесса в 1917 г. весьма отличались от взглядов представителей левых течений меньшевизма (скажем, Л. Мартова, А. Мартынова или Н. Рожкова, входившего в группу московских объединенцев). Тем не менее, принимая во внимание различия во взглядах отдельных представителей меньшевизма, выявление его общих генеральных идей и тенденций позволяет понять неизбежность его политического банкротства в 1917 г.

Все те идейно-теоретические установки, которые определялись меньшевистским пониманием буржуазной революции еще в 1905 г., легко обнаруживаются в выступлениях Церетели 1917 г. В своей первой речи, произнесенной после прибытия в Петроград в марте 1917 г., Церетели делает упор на пределы, дальше которых не должна идти революция. Он отводит пролетариату роль силы, которая подталкивает буржуазию по пути революции. Он заверяет, что пролетариат не приступит к осуществлению своих классовых задач в настоящее время: «... не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач...». Он предостерегает против конфликта Советов рабочих и солдатских депутатов с Временным правительством, так как якобы «... в тот момент погибнет наше общенародное дело»⁴⁰. Даже в своих воспоминаниях, написанных спустя много лет, Церетели продолжал утверждать, что коалиция с буржуазией была «настоятельной необходимостью», что присутствие в правительстве представителей буржуазии

⁴⁰ Речи И. Г. Церетели. Пг., 1917, с. 12, 24.

вносило успокоение в настроение буржуазных слоев населения и напоминало готовым к борьбе массам о фактическом значении буржуазии для общего развития страны ⁴¹.

В написанном 17 октября 1917 г. предисловии ко 2-му переработанному изданию своей книги «Две диктатуры» А. Мартынов продолжал утверждать, будто опыт 1905 и 1917 гг. всецело подтвердил правильность его взглядов, основанных на обращении к западноевропейской истории. Дескать, не реализовалась только формула «наша партия должна остаться партией крайней оппозиции». Но в конце 1904 — начале 1905 г. нельзя было и предвидеть, что «буржуазная демократия» отцветает, не успевши расцвести, что при повторной революции, когда либерализм обанкротился, вдруг не окажется налицо достаточно зрелой буржуазно-демократической партии, которая могла бы принять у либерализма власть, что партии социал-демократов придется вновь, как в первые годы нынешнего века, как в староискровский период, взвалить на себя, вообще говоря, чуждую ей задачу временной опеки над мелкобуржуазной демократией ⁴². Сожаления Мартынова о том, что не оказалось «зрелой буржуазно-демократической партии», что социал-демократия вынуждена выполнять «чуждую задачу», что ей приходится — увы! — отказываться от предначертанного положения крайней оппозиции, весьма характерны как показатель догматической веры в правильность созданной меньшевиками концепции буржуазной революции в России. Эта догматическая вера ярко проявляется и в написанном уже после победоносной Октябрьской революции послесловии к «Двум диктатурам». В нем Мартынов противопоставляет два первых месяца после свержения царизма, «когда революция успешно двигалась вперед, когда она сделала свои крупнейшие завоевания», последующему периоду разрушения революционных достижений. Успехи первых месяцев он объясняет тем, что тогда тактика пролетариата была якобы такой, какую в революции 1905 г. меньшевики с самого начала защищали, то есть тактикой крайней революционной оппозиции. Вступление меньшевиков в

⁴¹ См.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны, с. 80.

⁴² См.: *Ильяшук Г. И.* В. И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981, с. 50.

коалиционное правительство рассматривалось как ошибка, способствовавшая обострению классовой борьбы. Выступая, как и Мартов, за «однородную демократическую власть», без либералов, Мартынов в то же время призывает «... прекратить какую бы то ни было классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией», бороться с ней методами не диктаторскими, а демократическими⁴³.

Несостоятельность меньшевистских идейно-теоретических установок была столь очевидной в свете реальной исторической ситуации, что на это вынуждены были указывать отдельные представители меньшевизма, как, например, Рожков. После выхода из Временного правительства Рожков отмечал тот факт, что «кадетская и прогрессистская буржуазия уже целиком перешла в лагерь контрреволюции», что союз с буржуазией способен навсегда оттолкнуть от меньшевиков демократические массы, особенно рабочих⁴⁴. В дальнейшем Рожков сетовал на то, что меньшевики не мыслили буржуазно-демократической революции без участия капиталистической буржуазии, тогда как последняя стремилась «парализовать революцию». Только меньшевистское доктринерство и эс-эровский дальтонизм, заключал он, затемняли сознание того, что опыт коалиции окончательно дискредитировал ее идею в условиях российской революционной действительности 1917 г.⁴⁵.

Отрыв меньшевиков от масс считал важнейшей причиной их крушения и Жордания, объяснявший ослабление власти в России тем, что в правительстве активно действует буржуазия, но в нем нет представителей ни рабочего класса, ни крестьян. Он даже заявлял, что меньшевики и эсеры, оторвавшись от них, открыли двери большевикам, что их оппортунизм — их же взорвал⁴⁶. Однако подобная «самокритика» отдельных представителей меньшевизма чаще всего не выводила их за заколдованный круг оппортунистических идей. Как Церетели, так и Жордания видели главную опасность в радикализме революционных народных масс и призывали к борьбе с большевиками.

⁴³ См.: Политическое самообразование, 1982, № 11, с. 76.

⁴⁴ Новая жизнь, 1917, № 91, 3 августа.

⁴⁵ См.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны, с. 80.

⁴⁶ Подробнее см.: Церцвадзе М. Логический конец идейных и организационных принципов грузинских меньшевиков. Тбилиси, 1969.

Обращаясь в 1917 г. к опыту первой русской революции, меньшевик Е. Маевский писал: «Уроки 1905 года, к сожалению, далеко не всем пошли впрок. 1917-й год создал целое направление того же самого утопического революционаризма, которое в 1905 году, будучи в неизмеримо более скромной форме, способствовало ослаблению и крушению революционного движения. Совершенно особая обстановка, в какой произошла русская революция 1917 года, и та легкость, с какой вооруженный в процессе развития войны народ совершил переворот, сделали утопию захвата власти пролетариатом (или — что все равно — Советами, пока они идут под флагом социализма) особенно популярной и соблазнительной для неискушенных в классовой борьбе русских рабочих»⁴⁷. В этом высказывании Маевского, как и в речах Церетели, отчетливо проступает стремление «удержать революцию», не дать ей развиваться дальше, во имя чего пролетариат обвиняется в политической несознательности и склонности к анархизму, а большевики — в бланкизме.

В. И. Ленин подчеркивал, что вся суть классовой позиции меньшевиков и эсеров как мелкобуржуазных партий состоит в отстаивании «средней линии» в революции, а это невозможно в условиях обострения ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом⁴⁸. «Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя, не идя к социализму, не делая шагов к нему...*

А если бояться идти вперед, *это значит* идти назад, чем гг. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются»⁴⁹, — указывал В. И. Ленин. Великий Октябрь знаменовал и политический, и идейный крах меньшевиков и эсеров.

Исторический опыт первой российской революции в перспективе революционной борьбы. Единственной партией, которая, руководствуясь марксистской теорией, полностью и всесторонне использовала опыт и уроки первой российской революции в 1917 г., была партия большевиков.

В ленинских работах, написанных в период от фев-

⁴⁷ Маевский Е. 1905 год. Очерк революционного движения, с. 4.

⁴⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 314.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 192.

раля до октября 1917 г., исторический опыт первой русской революции предстает уже в перспективе революционной борьбы, приведшей к свержению самодержавия и ведущей к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую. В. И. Ленина интересуют прежде всего революция 1905—1907 гг. как звено в историческом развитии России, взаимосвязь между первой и второй буржуазно-демократическими революциями, значение опыта 1905 года для развития революционного процесса в России.

Одной из особенностей подхода Ленина к оценке опыта 1905—1907 гг. в произведениях, написанных начиная с февраля 1917 г., является то, что он все больше включается в совокупный революционный опыт, накапливаемый как в России, так и в Западной Европе. Причем показательна тенденция сближения революции 1905—1907 гг. не с предшествующими ей буржуазными революциями в Западной Европе, а с Парижской Коммуной и главное — с последующими революциями XX в. Эта тенденция видеть в революции 1905—1907 гг. пролог грядущих революций была уже четко сформулирована в «Докладе о революции 1905 года».

«Доклад о революции 1905 года» преемственно связан через план статьи «Уроки войны» (февраль 1917 г.) с «Письмами из далека»⁵⁰. В «Письмах из далека» в ряду «условий всемирно-исторической важности», которые определили столь быстрое крушение монархии в России, В. И. Ленин в первую очередь называет революцию 1905—1907 гг. Вновь эта революция именуется «великой». Вновь Ленин указывает на то, что она «... глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей»⁵¹. Заключение: «Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролета-

⁵⁰ Подробный, но несколько в ином ракурсе анализ «Писем из далека» см.: Персов М. С. В. И. Ленин о значении опыта 1905 г. для победы в 1917 г. — Поволжский край, 1977, вып. 5, с. 3—12.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.

риат приведет его к победе»⁵²⁾ блестяще подтвердил Февраль 1917 года.

В книге «Государство и революция» В. И. Ленин, характеризуя первую российскую революцию с точки зрения ее главных итогов, отмечал, что она «...была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»⁵³. В этой характеристике примечателен акцент на две линии в выявлении опыта первой народной революции XX века: одна из них связана с классовыми требованиями трудящихся масс, другая — с их попытками «по-своему построить новое общество». Выдвинутая Лениным после Февральской революции в «Письмах из далека» политическая программа, в центре которой стояли развитие, расширение и укрепление Советов как революционной власти, организация пролетарской милиции, национализация земли и контроль над производством, была основана «...на учете классовых сил русской и всемирной революции, а также на опыте 1871 и 1905 гг.»⁵⁴.

Вопрос о том, какие аспекты опыта первой российской революции и как были учтены в «Письмах из далека», проясняется при их сопоставлении с ленинскими работами, написанными еще осенью 1915 г. («Поражение России и революционный кризис», «Несколько тезисов», «О двух линиях революции»). В них Ленин рассматривает будущую буржуазно-демократическую революцию в России как составную часть мирового процесса, ведущего к социалистическим революциям. Подтвержденный десятилетием 1905—1915 гг. вывод о том, что общей задачи для пролетариата и буржуазии в настоящей революции, как это утверждают меньшевики, быть не может, Ленин связывает с генеральной тенденцией ускоренного войной процесса революционизирования пролетарских масс. Поэтому в наступающей революции позиции пролетариата и буржуазии ясны: в их лице революция и контрреволюция будут противостоять

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 424.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 39.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 56.

друг другу. Сложнее всего в политических прогнозах учесть поведение мелкой буржуазии. С одной стороны, крестьянство подталкивается к революции нерешенным в стране аграрным вопросом и бедствиями войны. С другой стороны, оно движется к революции «...оглядываясь на каждом шагу *назад*, к идее защиты родины, или к идее государственной целостности России, или к идее мелкокрестьянского благоденствия благодаря победе над царизмом и над Германией, без победы над капитализмом»⁵⁵. Но недостаточно констатировать данный факт, колебания мелкой буржуазии надо проследить в существующих политических течениях и группировках и уметь отделиться от них в интересах дела революции.

Полемизируя с Плехановым, отстаивавшим на страницах газеты «Призыв» старый меньшевистский тезис о том, что развитие революции по восходящей линии требует поддержки пролетариатом либеральной буржуазии, и с Троцким, повторявшим в газете «Наше слово» «свою «оригинальную» теорию 1905 года» с ее отрицанием революционной роли крестьянства, Ленин в статье «О двух линиях революции» противопоставляет им большевистское понимание опыта первой российской революции с учетом видоизмененной войной международной обстановки. Какая из двух линий — восходящая или нисходящая — будет характеризовать будущую революцию в России, зависит от того, кто одержит верх в борьбе за руководящее влияние на крестьянские массы — пролетариат или либералы. Та или иная линия в революции определяется соотношением классов, поэтому исходить надо из опыта первой российской революции и всего десятилетия 1905—1915 гг. «Первая линия русской буржуазно-демократической революции, взятая из фактов, а не из «стратегической» болтовни, состояла в том, что решительно боролся пролетариат, нерешительно шло за ним крестьянство». Вторую линию революции (нисходящую) представляли «...кадеты и октябристы, как *единая* сила». Военный кризис усилил сдвиг крестьянства влево, в чем заложена «...объективная основа полной возможности победы демократической революции в России...». Однако следует принимать во внимание расслоение крестьянства, классовую борьбу внутри него, что способствует сближению сельского пролетариата и полупролетариата с городским пролетариатом. Таким образом,

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 28.

пролетариат приобретает мощную опору в беднейших слоях крестьянства. Союз пролетариата с крестьянством необыкновенно усилится, если сельский пролетариат создаст свои особые организации, на чем большевики настаивали с 1906 г.⁵⁶

Развиваемые В. И. Лениным положения легли в основу сформулированных им в работе «Несколько тезисов» задач пролетариата в условиях назревания революционного кризиса в России. Ленин выдвигал в качестве очередной и насущной задачи упрочение и расширение влияния большевиков в рядах рабочего класса, а затем расширение его на сельский пролетариат, деревенскую бедноту и войско. Советы рабочих депутатов, подчеркивал вождь революции, должны рассматриваться как органы восстания и революционной власти. При этом необходима отдельная организация сельских пролетариев. В заключение работы Ленин останавливался на международном значении победы пролетариата в России, предрекая ее воздействие на революционное движение в Азии и Европе («Это доказал *даже* 1905 год»)⁵⁷.

Сравнивая рассмотренные нами положения, содержащиеся в ленинских работах осени 1915 г., с «Письмами из далека», нетрудно заметить их глубокую связь. В «Письмах из далека» Ленин противопоставлял интересы пролетариата в буржуазно-демократической революции интересам буржуазии, рассматривая последнюю как контрреволюционную силу. Ставя вопрос о союзнике пролетариата в данной революции, он указывал на массу полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России, которую надо просветить и организовать, в первую очередь через Советы крестьянских депутатов и сельскохозяйственных рабочих. Ленин призывал рабочих «...к отчетливому уяснению классовой разницы между главными партиями и главными течениями в рабочем движении и в мелкой буржуазии...». Имея в виду статью «Несколько тезисов», он пояснял, что речь идет о том, о чем в октябре 1915 г. он писал в газете «Социал-демократ» (№ 47): об определении трудовиков, эсеров и меньшевиков как политических выразителей интересов и позиции мелкобуржуазной России и о необходимости отмежевания пролетарской партии от них.

⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 78, 79, 80, 81.

⁵⁷ Там же, с. 51. Об этом же Ленин говорил и в 1917 г. (см.: Полн. собр. соч., т. 32, с. 289).

Выдвигая задачу перехода от первого этапа революции ко второму, который должен передать власть из рук буржуазии в руки пролетариата и его союзника, Ленин уделял основное внимание условиям, могущим обеспечить развитие революции по восходящей линии. Гарантией этого Ленин считал «...вооружение пролетариата, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов»⁵⁸.

К сожалению, осталась ненаписанной седьмая глава книги «Государство и революция», которая должна была быть посвящена опыту 1905 и 1917 гг. Тем не менее другие ленинские работы 1917 г. дают возможность составить известное представление об основном направлении в разработке этого сюжета. Для Ленина вопрос о Советах как органах революционной власти — «это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года...». В ходе революции разрушается, ломается старая государственная машина и вместо нее устанавливается «...непосредственная власть вооруженных и организованных рабочих...» в форме Советов. Ленин считал, что на этот путь рабочие вступили уже в феврале—марте 1917 г. Учитывая опыт Советов 1905 года, Ленин особое значение придавал пониманию того, что Советы являются не просто представительством рабочих, какими их изображали меньшевики и эсеры, а органами новой власти. Но всякая власть в условиях революции должна опираться на вооруженную силу. Советы только тогда смогут стать и быть властью, если они будут опираться на вооруженный народ. Таким образом, революционная организация пролетариата соединяла в себе, согласно ленинской оценке, как военные, так и государственные функции. В докладе на Апрельской конференции большевистской партии В. И. Ленин особо подчеркивал, что Советы «...стоят сейчас в центре всей революции...», но что они все еще недостаточно поняты и изучены⁵⁹.

Развивая идею о Советах как органах власти, Ленин делал вывод о том, что «...русская революция в 1905 и в 1917 годах...» начала создавать новый тип государства. В отличие от парламентарной демократической республики он не имеет преемственности в существующих государственных учреждениях и может утвердиться

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 27, 20.

⁵⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 39, 40, 76, 354.

только на основе их ломки и уничтожения. Новый тип государства создает условия для непосредственного участия масс «...в демократическом строительстве всей государственной жизни снизу доверху»⁶⁰.

В. И. Ленин опирался на сформулированные им еще накануне Февральской революции положения о том, что в будущей революции необходима замена старой («готовой») государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами. Эта ленинская мысль сопровождается в рукописи «Марксизм о государстве» многозначительным восклицанием: «В этом суть!!» В предшествующем этой работе плане статьи «К вопросу о роли государства» Ленин четко определял: «*Форма соц. революции: с о ю з ы 1905 года*». Сравнивая опыт Парижской Коммуны с опытом Советов 1905 года, Ленин отмечал, что с одной стороны, к вопросу об участии трудящихся вместо чиновников в делах государственного управления русская революция «...слабее (более робко) подошла, чем Парижская Коммуна, с другой стороны, показала **шире** «Советы рабочих депутатов», «железнодорожных депутатов», «солдатских и матросских депутатов», «крестьянских депутатов»...»⁶¹. Думается, что эта не случайно подчеркиваемая Лениным в опыте создания Советов 1905 года «широта» открывала в его оценке подтвержденные впоследствии в 1917 г. возможности возникновения покрывающих всю Россию своей сетью Советов⁶², с перспективой движения «снизу доверху», т. е. до утверждения Республики Советов.

Можно с полным основанием утверждать, что проблема формы власти в будущей революции была для В. И. Ленина в принципе решена опытом 1905 года. За месяц до Октябрьской социалистической революции он подтверждал, что опыт обеих революций, как 1905 г., так и 1917 г., сводится к тому, что Советы рабочих и солдатских депутатов реальны только в том случае, если они функционируют как органы восстания и революционной власти⁶³.

Опыт первой российской революции был всесторонне

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 162, 163.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 230, 239, 228.

⁶² Такое выражение использовал В. И. Ленин на апрельской конференции РСДРП(б) (см.: Полн. собр. соч., т. 31, с. 354).

⁶³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 343.

учтен В. И. Лениным в разработке вопроса о союзе пролетариата с крестьянством. Поддержка пролетариата большинством крестьянства рассматривалась им не только как необходимое условие победы, но и как условие, обеспечивающее ее в самом ближайшем будущем. Как и в 1905 г., Ленин в 1917 г. говорил, что борьба за землю может вызвать громадный размах буржуазно-демократической революции в России⁶⁴. В связи с этим он придавал большое значение новому и спешному изданию своей книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», тираж которой в 1908 г. был конфискован и уничтожен полицией в типографии⁶⁵. В написанном для нового издания послесловии Ленин подчеркивал, что в 1917 г. требование национализации земли «приобретает иную постановку»: «...национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»⁶⁶. Борьбу за национализацию земли в 1917 г. Ленин считал важнейшей частью деятельности большевистской партии. Обосновывая необходимость национализации земли, он неоднократно ссылался на «программу 104-х», которая выражала коренные интересы крестьянства. Он говорил о том, что специально изучал даже подписи под этим проектом, знакомился с мнениями подписавших его депутатов для того, чтобы выяснить их социальную принадлежность и определить, в какой мере «проект 104-х» отражает требования крестьянской массы⁶⁷. В докладе по аграрному вопросу на Апрельской конференции партии большевиков Ленин указывал, что меньшевистская программа муниципализации, принятая на IV съезде РСДРП в 1906 г., была уже тогда опровергнута ходом развития первой российской революции. В обеих Думах представители крестьянства предпочли национализацию муниципализации.

Национализация земли рассматривалась Лениным в тесной связи, во-первых, с борьбой за демократическую государственность, во-вторых, с организацией Советов депутатов сельскохозяйственных рабочих и беднейшего крестьянства, в-третьих, в комплексе мер, представляю-

⁶⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 91—92.

⁶⁵ Книга вышла вторым изданием в 1917 г.

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 413; см. также с. 302, 418, 426, 451.

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 56, 92, 417—418, 421; т. 32, с. 169.

щих первые шаги на пути к социализму. Ленин объяснял, что нельзя просто повторять то, о чем говорилось в годы первой российской революции⁶⁸. Опыт 1905—1907 гг. корректируется новым опытом 1917 г. и в докладе, и в резолюции по аграрному вопросу на Апрельской конференции, и в речи Ленина на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, и в материалах по пересмотру программы большевистской партии. Внимательное отношение Ленина к классовым требованиям крестьянства проявилось во время Великой Октябрьской социалистической революции в том, что в Декрет о земле был включен опубликованный в августе 1917 г. в газете «Известия» наказ земельным комитетам, составленный как сводка 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов⁶⁹. Этот декрет, таким образом, вырос из огромной, основывающейся на изучении требований крестьянского движения работы по пересмотру аграрной программы партии, которую проделал Ленин начиная с 1906 г. и кончая 1917 г.

Как в период первой российской революции, так и в период с Февраля по Октябрь 1917 г. В. И. Ленин придает исключительное значение борьбе большевиков с конституционными иллюзиями мелкобуржуазных масс, насаждаемыми не только либеральной буржуазией, но и соглашательскими партиями. До тех пор пока массы будут находиться в плену конституционных иллюзий, повторяет Ленин, опираясь на опыт 1905—1907 гг., невозможно добиться обещаемой эсерами аграрной реформы и проведения всех других экономических мер, направленных на коренное улучшение материального положения трудящихся. Эти вопросы могут быть решены только ходом и исходом классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Ленин ссылается на «...старую марксистскую истину...» о неустойчивости мелкой буржуазии, которую «замечательно ярко, наглядно» продемонстрировало развитие революции в 1917 г. «И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент, — писал Ленин в сентябре 1917 г., — подтверждает — соответственно видоизменяя ее — старую большевистскую постановку вопроса: вырвать крестьянство из-под влия-

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 241.

⁶⁹ В октябре 1917 г. Ленин ссылается на эту сводку как на «...лучший материал для суждения о том, чего хотят крестьяне» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 429).

ния буржуазии. Только в этом залог спасения революции»⁷⁰.

Разоблачая утверждение меньшевиков и эсеров о том, что «воля большинства народа» является гарантией завоеваний революции, В. И. Ленин обращается к историческому опыту 1905—1907 гг. Весной 1906 г. большинство народа поддерживало I Думу. Об этом красноречиво свидетельствовали принимаемые крестьянами и рабочими резолюции. Но Дума была разогнана, так как подъем стачечного и крестьянского движения оказался слишком слаб для удержания позиций революции. В истории, указывал Ленин, можно найти бесчисленные примеры того, как организованная, вооруженная и централизованная сила господствующих классов подавляла по частям силу «большинства народа», навязывала ему свою волю, побеждала его. Так было начиная со средневековой Крестьянской войны в Германии вплоть до первой российской революции. Чтобы сохранить власть, правящие круги в условиях подъема революционной борьбы идут на обман масс, что и сделал русский царизм в октябрьские дни 1905 г. Да и расправляясь с революцией, господствующие классы взвешивают свои возможности, выжидают, подавляют революционные силы поэтапно и по частям. После декабря 1905 г. вопрос о власти был в первой российской революции решен в пользу царизма, но обстоятельства заставили царя осторожно пользоваться властью, и он созвал две Думы, прежде чем совершить третьеиюньский государственный переворот. Так, используя опыт истории, и в частности опыт 1905—1907 гг., В. И. Ленин делает важнейший по своей значимости вывод о том, что «воли большинства народа» еще недостаточно, что для победы необходима сила революционных классов, желающих и способных сражаться. Но и этого мало: сила революционных классов «...в решающий момент и в решающем месте...» должна превзойти враждебную силу и раздавить ее⁷¹.

Тезис о концентрации революционных сил для победы «в решающий момент и в решающем месте» является ключевым в ленинском учении о вооруженном восстании, основные положения которого развиваются в работах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «Советы постороннего». Марксистское поло-

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 69, 198.

⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 40, 124, 128.

жение о том, что «...восстание есть искусство...» и что его главным правилом является «...отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное *наступление*», впервые фигурировавшее в «Уроках московского восстания» (1906)⁷², подробно анализируется в «Советах постороннего». Ленинское указание в документах осени 1917 г. о необходимости создания штаба повстанческих отрядов прямо перекликается с критикой Лениным в 1906 г. коалиционного Совета боевых дружин, который не выполнил роли штаба декабрьского восстания в Москве⁷³. Особое значение Ленин придает такому уроку первой российской революции, как умелое использование вооруженных отрядов рабочих и революционных воинских частей против правительственных войск. Как развернутая в послефевральских «Письмах из далека» политическая программа основывалась на учете классовых сил всемирной и русской истории, на опыте 1871 и 1905 гг., так и ленинский план Октябрьского вооруженного восстания включил в себя опыт предшествующих революций, в том числе и декабрьского восстания 1905 г.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин неоднократно ссылался на историческое значение опыта первой русской революции для победы пролетариата в 1917 г. В 1919 г. он говорил: «Всем памятна революция 1905 года, когда российский пролетариат вступил в борьбу, не имея за собой никакого опыта. В нынешней же революции нами учтен и использован опыт, данный нам революцией 1905 года»⁷⁴. В речи на митинге, посвященном 14-й годовщине Декабрьского вооруженного восстания в Москве, он подчеркивал ту мысль, что высокая оценка этого восстания большевиками подтверждена всем дальнейшим ходом революционного развития России: «...видя перед собой всю многолетнюю историческую подготовку к русской революции, мы можем настоящим образом оценить значение декабрьского восстания 1905 года и тех битв, которые тогда против сил царизма выдерживали красные пресненские рабочие»⁷⁵. Критикуя реформистов, которые проявили полную неспособность понять значение опыта 1905 г., Ленин указывал, что изучение и пропаганду

⁷² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 374.

⁷³ См. там же, с. 369—370.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 1.

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 26.

этого опыта следует рассматривать как долг революционеров⁷⁶.

В числе факторов, которые способствовали ускорению революционного процесса в 1917 г. и освобождению от соглашательства с буржуазией (на что в Западной Европе потребовались «целые долгие десятилетия»), В. И. Ленин называл «...революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению...», и «...Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие, позволившие воспитывать, облагородить рабочую, солдатскую и крестьянскую бесправную массу, вести ее за собой...»⁷⁷. Причем эти два фактора взаимосвязаны, поскольку само возникновение Советов есть результат творчества народных масс, т. е. организационное проявление их политической сознательности. Это было народное творчество, прошедшее через «великий» и «горький» опыт 1905 года⁷⁸.

В статье «К истории вопроса о диктатуре» (ноябрь 1920 г.) В. И. Ленин обосновывал положение о том, что опыт октября—декабря 1905 г. «...имеет мировое значение для *всех* пролетарских революций»⁷⁹. Его мировое значение заключается как в происшедшем впервые во всемирной истории соединении двух наиболее могучих приемов революционной борьбы — массовой политической стачки и вооруженного восстания, так и в возникновении невиданных раньше в мировой истории организаций — Советов рабочих депутатов. Еще в более сжатом виде это положение ранее было высказано в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В ней Ленин, рассматривая уроки истории большевизма, не раз обращался и к опыту первой российской революции. Весь путь большевистской партии, доказывал он, свидетельствует о том, что руководство пролетариатом может быть успешным только при наличии сильной революционной партии рабочего класса. В таком случае пролетариат обеспечивает свою гегемонию в революционной борьбе. Первой задачей революции и основным условием ее успеха Ленин считал объединение усилий трудящихся масс против эксплуататоров для их свержения.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 371.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 84.

⁷⁸ См. там же, с. 6.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 370.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Новый тип революции, проблема власти, перспективы	14
II. В. И. Ленин — историк первой российской революции	34
III. Ликвидаторская интерпретация революции 1905—1907 гг.	55
IV. Первая революция в России и народнические иллюзии	75
V. История революции 1905—1907 гг. и кризис либеральных идей	101
VI. 1917 год: последняя проверка революционной практикой	129

Олег Владимирович Волобуев

**ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСАМ
ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.**

Заведующая редакцией Т. Г. Липкина

Редактор О. К. Смирнова

Младший редактор О. Т. Ускова

Художественный редактор Т. А. Коленкова

Технический редактор Л. А. Муравьева

Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 3401

Изд. № Ист.-334. Сдано в набор 09.01.84. Подп. в печать 23.05.84. А-06067.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем 8,4 усл. печ. л. Усл. кр.-отг. 8,61. Уч.-изд. л. 9,14.
Тираж 8000 экз. Зак. № 102. Цена 30 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103051, Москва, Цветной бульвар, 26.

67.
13.
14.

1.

21
69

Новая историческая эпоха - новый тип
буржуазно-демократической
революции

•

Ленинская концепция
первой народной революции в России

•

Меньшевистская интерпретация
революции 1905-1907 годов:
отрицание гегемонии пролетариата

•

Народническая утопия
и крестьянская буржуазная революция

•

История первой российской революции
и кризис либеральных идей

•

1917 год: историография, идеи, политика

